

*Мы с Вами разные,
Какая благодать!
Прекрасно дополняем
мы друг друга.*

*Что одинаковость нам может дать?
Лишь ощущение замкнутого круга.*

---

*О жизни и творчестве художника А.В. Ступина
читайте на странице 73.*

Неизвестное об известном

- Людмила Маршезан*   **На чудной каштановой улице** 4
Юрий Осипов   **Писатель с планеты Чегем** 98

Замечательные современники

- Елена Воробьева*   **Мария Серегина:
«Мое становление произошло
благодаря Соломиным»** 15
Елена Митрохина   **Волшебный песок
Ксении Симоновой** 50

Рассказ

- Святослав Тараховский*   **Девушка быстрее ветра** 20

История любви

- Алла Зубкова*   **Принц и принцесса
из волшебной сказки** 33

Кремль России

- Дмитрий Зелов*   **Страж Карельского перешейка** 58

Это интересно

- Ирина Опимах*   **Красавицы царя Касаппы I** 65

Судьба художника

- Виктор Ом*   **Академик из Арзамаса** 73

Эссе

- Денис Логинов*   **Плач Ярославны** 93

Посмеемся вместе

- Александр Андрианов*   **Издательский бизнес** 110

Славянские древности

- Агния Заберина*   **Август — собираем урожай** 118

Детектив

- Андрей Дышев*   **«Час волка»** 122

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Марина Цветаева
(фото из свободных источников)

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4

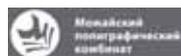
Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр.1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 21.07.2020

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

« При Екатерине Великой сложилась традиция женить русских наследников престола на немецких принцессах. Но самый первый такой брак оказался роковым для династии Романовых: супруга императора Павла, урожденная Гессен-Дармштадская, прокляла всех русских цесаревичей, которые вступят в брак с принцессой из Гессена. Увы, ее проклятие сбылось с пугающей точностью...

Денис **Логинов** «Гессенское проклятие российских царей»

« Клода Дебюсси называют родоначальником и самым ярким представителем импрессионизма в музыке. Сам он считал себя в некотором роде волшебником и алхимиком от музыки, способным извлекать из тишины чарующие звуки. Выходец из простой семьи, он отличался вкусами истинного аристократа. А его семейные отношения, бывало, становились темой скандальных пересудов газетных хроник и вызывали резкое осуждение со стороны широкой публики и даже друзей.

Алла **Зубкова** «Алхимик от музыки»

« Братья Вайнеры по праву считаются королями отечественного детектива. «Визит к минотавру», «Лекарство против страха», не говоря уже о легендарных Глебе Жиглове и Володе Шарапове, которые отважно боролись с неуловимой бандой «Черная кошка», чтобы в измученной войной стране скорее наступила «Эра милосердия»...

Юрий **Осипов** «Короли отечественного детектива»

« Владимир Иванович **Хотиненко** — знаменитый и прославленный кинорежиссер, обладатель многочисленных премий, народный артист России. Его картины «72 метра», «Зеркало для героя», «Мусульманин», «Поп» входят в золотой фонд нашего кинематографа. В интервью «Смене» он рассказал о своей непростой дороге в кино, о своих увлечениях и семейной жизни.

« Окончание детектива Андрея **Дышева** «Час волка».

На чудной каштановой улице

Людмила
Маршезан

Так назвала Марина Цветаева в письме к своим друзьям улицу Jean-Baptiste Potin в Ванве, куда в июле 1934 года переехала семья Эфрон. С сентября 2010 года на доме, где они жили, появилась мемориальная доска с цветаевскими стихами, как бы приглашающими переступить порог, подняться по деревянным ступеням лестницы и отворить дверь в квартиру Марины Цветаевой, в мир ее поэзии. Не удивляйтесь, что вас радушно встретит нынешний хозяин Флоран Дельпорт.. С первой же минуты вы почувствуете, что он, как и вы, находится в гостях у Марины Цветаевой, где ее стихам, как драгоценным винам, уже настал черед. Безмерная щедрость Флорана, его любовь и служба во имя поэзии Ма-

рины Цветаевой, наполнили эту квартиру новой жизнью. Здесь собираются люди разных возрастов и национальностей, здесь говорят и поют на разных языках, объединенные единым творческим энтузиазмом. Когда Флоран прикасается к клавишам пианино, он на мгновение замирает, как бы ожидая невидимого благословления, и только потом исполняет стихи Цветаевой, заполняя все пространство энергией чувств. Часто по-русски и по-французски он поет вместе с Лесей Тышковой, посвятившей Цветаевой немало лет своей жизни. Их голоса звучат так, что мы забываем обо всем на свете. Мы забываем, а вот кукушка нет. Просто мистика какая-то. Каждый апрель, как толь-

ко раздаются звуки музыки, она кукует, напоминая мне одну славянскую легенду, по которой кукушка была прекрасной женщиной, но, потеряв любимого мужа, не вынесла разлуки и обернулась птицей. Боги, восхищенные самоотверженной любовью, наделили ее магическим даром: знать, сколько будет жить на земле каждый из людей. За эту способность она навсегда была лишена возможности воспитывать свое отомство. Жалость и сочувствие к ней звучит в народной поговорке: «Кукушка кукует — по бездомью горюет».

Невольно вспоминается трагическая судьба Марины Цветаевой, дорого заплатившей за божественный поэтический дар. Прошу тебя, кукушка, улетай, не кукуй, людей не волнуй! Но, по всей видимости, птице понравился этот зеленый садик, где раньше рос любимый каштан Цветаевой. Под его древней, могучей кроной она пила чай и «угощала» стихами семью Айкановых, проживавшую в нижних этажах этого же дома и имевшую привилегию пользоваться садом. Это Митрофан, один из пятерых детей Михаила Порфирьевича и Антонины Георгиевны Айкановых, помог семье Эфрон переселиться в уютный уголок Ванва. Цветаева писала: «Мы живем в чудном месте, на чудной каштановой улице...» Эти богатыри-каштаны восхищали ее. С третьего этажа ее квартиры каштан создавал впечат-

ление леса, таким он был густым. «Это моя главная радость», — говорила Марина. Природа была ее отрадой. Она выискивала любые возможности, чтобы на лето увезти семью подальше от «шума городского». Видимо, детство, проведенное в Тарусе, не прошло даром.

Семьи Айкановых и Эфрон так сдружились, что Марина отовсюду отправляла им почтовые открытки. Некоторые из них сохранились в семейном архиве Айкановых. Эти интеллигентные, душевные, любящие поэзию люди, согревали ее, рассказывая ей интересные случаи из «прошлой» жизни. Бабушка Митрофана, мать Михаила Порфирьевича, была стройной, красивой дворянкой. В молодости, будучи представленной Льву Николаевичу Толстому, она получила от него удивительный комплимент: «У Вас статья и внешность Анны Карениной». Живя в Таганроге, она была знакома с Антоном Павловичем Чеховым и сохранила о нем забавные воспоминания. В Париже бабушка подрабатывала съемками в кино. Ее можно увидеть в фильме «Carl Theodor Dreyer» о жизни Жанны д'Арк. Кстати, в эпизоде, в котором героиню стригут наголо, голову подставил дядюшка Митрофана, не пожалев своих кудрей. Митрофан обладал математическими способностями и был инженером, что не спасло его от любви к поэзии. Он написал около ста стихотворений, и некоторые

были опубликованы в «Русской мысли». Иногда он присаживался к письменному столу Цветаевой, стараясь понять алхимию ее творчества. Марине нравился его юношеский задор, горячность в споре, чистота его стихотворных строк. Она открыла ему свой поэтический секрет: есть нечто в стихах, что важнее их смысла — их звучание. Митрофан не соглашался и приводил в пример своего кумира Державина, еще не понимая, что Цветаева ушла далеко вперед, что ее стихи растут «как звезды и как розы». Ее яркость и необычность, меткость и выразительность, разнообразие и гибкость, богатство ритмических построений не были всем понятны в то время, которое она опередила.

Уезжая в Советский Союз, Марина Цветаева раздаривала свои вещи и мебель знакомым, а письменный стол передала верным друзьям Айкановым. Михаил Порфирьевич в ответ написал шуточное, но тонкое стихотворение наблюдательного человека, умудренного жизненным эмигрантским опытом.

*Знаменитый писательский стол,
Вдохновения слуга и приятель,
Нескончаемой славы престол,
Ты сарая теперь обитатель.
Был ты пет и воспет,
Как высокий предмет,
Даже больше, как лучший
товарищ!*

*После этих побед,
Тебе места вдруг нет,
и ты свален как Храм*

от пожарищ.

*Но прости мне всю немощь мою
И пойми: сам раздавлен судьбою!
И хоть песен других о тебе*

не спою —

Все же будем друзьями с тобою.

«Нескончаемой славы престол» 76 лет хранился в семье Айкановых.

После того, как в феврале 1995 года закончился жизненный путь Митрофана, стол переехал к его племяннику Владимиру, загоревшемуся желанием «вернуть» его Поэту! Но как осуществить перевозку Париж — Московский музей Цветаевой? Владимир обратился к директору русского культурного центра в Париже, который отправил «орудие стихотворного труда» дипломатической почтой. Так в 2014 году верный письменный стол Цветаевой пришел к ней в московский дом, в Борисоглебский переулок № 6.

Но это еще не конец истории. Очень хотелось отыскать цветаевский кофр, подаренный ею семье Айкановых. До 1981 года он хранился у Митрофана, а потом Анна, его сестра, забрала сундук к себе. Но в 1998 году Анна подарила его Наташе и Сергею Антоненко, которые увезли его в Бретань. И вот, совсем недавно, благодаря посредничеству служащих библиотеки Тургенева и го-

товности Флорана отправиться не только в Бретань, но и на край света ради любимого поэта, сундук 80 лет спустя вернулся в свой дом, на «чудную каштановую улицу».

Рядом с Ванвом, в Исси-ле-Мулино, проживает внучка Михаила Порфирьевича Айканова Ляля, в замужестве ставшая Пастернак. Вот такое необыкновенное совпадение с фамилией классика Бориса Леонидовича. Марина Цветаева знала Лялю, дразнившую ее сына Муркой, еще ребенком. В настоящее время

и тогда все удивлялись: ну, как раньше мы не догадались, как сами не нашли. Ведь это так просто, но... гениально!

В семье Айкановых стихи писали все, но декламировать в присутствии Цветаевой отваживался только Митрофан. Марина в строгой задумчивости курила, как бы вслушиваясь в себя, а Митрофан с драматическими жестами и слезами на глазах читал свои стихи, вызывая звонкий смех Ляли. Родители, сердясь, отправляли ее в дом, что ко-

Цветаева писала: «Мы живем в чудном месте, на чудной каштановой улице...» Эти богатыри-каштаны восхищали ее, и она часто говорила: «Это моя главная радость».

В настоящее время Ляля Пастернак — единственный свидетель жизни Цветаевой во Франции. Еще в дедушкином саду, под каштаном, она много раз слышала, как Марина говорила на закате свои стихи. Именно говорила, а не читала...

Ляля Пастернак единственный свидетель жизни Цветаевой во Франции. Ей навсегда запомнился характерный голос Марины Ивановны. Будучи уже взрослой и увидев в телевизионной передаче Анастасию Цветаеву, Ляля была поражена близнецовой схожестью голосов сестер. Ведь в дедушкином саду, под каштаном, она много раз слышала, как Марина говорила на закате свои стихи. Именно говорила, а не читала,

нечно, расстраивало ребенка. Марина позволяла девочке поиграть на ее большом сундуке, который притягивал детское любопытство и возбуждал желание заглянуть внутрь. Но чтобы открыть его тайну, необходимо было поднять массивную крышку-сиденье, покрытую зеленым бархатом, на что у ребенка не хватало сил. Тогда Ляля взбиралась с ногами на потертый велюр и рассматривала «волшебные» картинки.

Так она называла открытки, выпущенные во Франции к всемирной выставке 1900 года, с изображением мира будущего — мира 2000 года. Больше всего ее привлекало изображение двух хорошеньких девушек, находящихся в разных городах, но говорящих и видящих друг друга с помощью чудодейственного зеркала. Так, век тому назад, был предугадан скайп. В то время Ляля и не подозревала, что, повзрослев, будет тоже пользоваться такими «волшебными» штучками.

Цветаева никогда не сюсюкала с детьми, а говорила с ними, как с

Кохановскую и ее дочь Нину, которых Цветаева знала еще по Москве. Они жили неподалеку и частенько забегали на гостеприимный самовар Михаила Порфирьевича, бывшего юриста, судьи, а во Франции ставшего сторожем. Он говорил об этом в шутливой форме, стараясь поднять настроение окружающим, но всем была понятна его боль и тоска, все одинаково тяжело тянули эмигрантскую лямку жизни. Михаил Порфирьевич обладал замечательным голосом, но самое удивительное, что на все случаи жизни у него находилась подходящая песня. «Куз-

Потрясающая власть и мощь ее «внутреннего горения» приводили в дрожь окружающих, создавая впечатление, что она может все, чего захочет. Марина расточала себя без меры и буквально переполняла сердца любовью. Чуткая, как зверь, она впитывала музыку природы, записывая ее не нотами, а стихами, пронзительными, как стрелы

равными, отменяя «тормоза слов». Ляле запомнилась ее прямота и ее голос, долго оставляющий какое-то послевкусие. Она еще не понимала, что строгость Марины, ее требовательность — это не вредность, а забота, чтобы «душа сбылась».

Торжественный весенний аккорд радостного цветения и душистости каштанов привлекал в айкановский сад гостей: Зинаиду Владимировну

нец рифм», Митрофан подпевал верно и сильно, тревожа медовые легкие ароматы неистово цветущих каштанов. Тогда его мать Антонина загоняла всех в дом и садилась за фортепиано: петь, так петь с музыкой! В этих веселых посиделках Сергей Эфрон никогда не участвовал.

Завораживающий аромат весны, тепло, текущее в дом, синее небо над головой, влекли быстроногую

Марину в нежную зелень близлежащего леса. Составляла ей компанию в «фиалковый» поход Зиночка Кохановская. К разговору Марина даже «не прикасалась». Может быть, в чаще леса отпускала свои мысли в свободное плавание? Ее взгляд утонченного наблюдателя «сверлил» таинственную нежность молодой листвы — зеленые кружева. У нее было острое ощущение красо-

ты природы, звериное чутье лесного уюта. У Зины создавалось впечатление, что Цветаева с облегчением обернулась бы цветущей липой, чтобы одаривать душистым чаем эмигрантов, потерпевших в России крушение, живущих в ненадежности и неустойчивости, в нужде телесной и духовной, сумевших еще сохранить прямую осанку веры, но потерявших надежду. Марина расточа-

ла себя без меры, не наполняла, а переполняла сердца любовью. Незнакомым она могла бросать вопросы в душу, проверяя, глубока ли она. Так она бросала камешки в глубокий колодец в саду Айкановых, долго вслушиваясь в далекий, гулкий всплеск воды. Вольно дышалось в лесу поэту. Чуткая как зверь, впитывала Марина музыку природы, записывая ее не нотами, а стихами.

Фиалки, дар леса, Марина не оставляла дома, они предназначались для ее собрата по перу, такому же эмигранту Генриху Гейне, покоящемуся на Монмартском кладбище. Гейне принадлежал к тем, кто с легкостью создавал себе врагов, а верных друзей не находил. Марина, владеющая немецким языком, с малых лет восхищалась переводом А. Блока «Лорелеи». Эта старая легенда соединила воедино двух «божественных», любимых ею поэтов. Любопытно, знала ли она, что девятнадцатилетний Максим Горький, пытавшийся застрелиться, оставил предсмертную записку следующего содержания: «В смерти моей прошу обвинить немецкого поэта Гейне, выдумавшего зубную боль в сердце»!

Несомненно, Цветаевой повезло, что ее окружали сердечные интеллигентные люди, понимающие ее стихи как строки, написанные болью и кровью сердца, страстью и совестью, безмерной любовью. Ей никогда не было в полной мере хоро-

шо. В ней жило какое-то глубокое ожидание, вслушивание. Айкановы видели, что Марина в высшей степени чувствительна, без внутреннего покоя, прислушивающаяся к своим движениям души, неведомым окружающим. Предчувствие особой судьбы Цветаевой иногда тяготило присутствующих, и тогда Митрофан произносил молитву древних греков: «Да удвоится и утроится все прекрасное», вызывая невольную улыбку Марины. В это время она работала над очерком «Мой Пушкин» (1937 год), очерком исповеди, прозой прозрения. Естественно, иногда ее «прорывало», и Марина говорила о «своем» Пушкине: «Нас этим выстрелом всех в живот ранили». Потрясающая власть и мощь ее «внутреннего горения» приводили в дрожь окружающих, создавая впечатление, что она может все, чего захочет. У нее словно был орган восприятия мира, она видела все несоответствия жизни, конформизм, притворство и расширяла судьбу поэзии, сотворив пронзительные, как стрелы, строки. А ее умение сказать «нет» всему общеобязательному и признанному обрекало ее на одиночество и лишение всего, кроме своих мыслей и стихов. Иногда ее раздражали ритуальные русские романсы, нескончаемый караван разговоров и вздохов о России. Тогда она отчетливо повторяла свою знаменитую фразу: «Не быть в России, забыть Россию может бояться лишь

тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, тот потеряет ее лишь вместе с жизнью». Даже если Марина могла нести в себе чудовищный груз страданий, она оставалась солнечным поэтом, приветствующим утреннюю зарю и вмещающим горизонт тысячелетий до и после себя.

Может быть, этот айкановский садик, пропитанный лаской и нежностью, наполненный душистостью цветущего каштана, увы, уже срубленного, напоминал Марине благоуханную Тарусу, погружал ее в мир воспоминаний и счастливых фантазий. Ей нравилась древняя киргизская фамилия Ай хан (Айканов), означающая Светлейший хан. Внук Михаила Порфирьевича, потомок светлейшего хана, Сергей, в свои семьдесят лет все еще грустит о своем друге детства, срубленном каштане, к которому его часто привязывали на длинной веревке, словно собаку, чтобы он никуда не убежал, как однажды случилось.

Свое сорокалетие Марина встретила пирогом с яблоками из айкановского сада и тяжелым сердцем. Муж и дочь уже уехали в Москву, и она осталась одна с сыном, с которым не было взаимопонимания. Был у нее еще талисман, привезенный из России — любимая икона 18 века, размером с большую книгу. Видели эту икону многие, даже есть упоминание о ней в письме, написанном Анне Тесковой 12 ию-

ня 1939 года в день ее отъезда с сыном в Советский Союз, но, к сожалению, никаких описаний самой иконы не осталось. Многие цветаеведы предполагали, что любимой могла быть икона Георгия Победоносца, в честь которого родители назвали своего сына. Другие — допускали возможность, что любимой могла быть икона, перед которой в 1912 году венчались Марина и Сергей.

Однажды приехала из Москвы поэт Галина Балебанова. Свои стихи, посвященные Марине, она с чувством читала в цветаевской квартире Ванва, а ее муж Андрей снимал репортаж для «Русского мира». Гостеприимный Флоран с энтузиазмом рассказывал гостям историю квартиры, изменившей его жизнь, превратив его в русофила и цветаеведа. Я подошла к серебряному камину. Не удивляйтесь, он действительно покрыт серебряной краской. Может быть, в честь цветаевской склонности к серебру, а может, просто, как говорят французы «cache-misè», то есть лифтинг прогоревшего, отпылавшего старика-камина, ставшего безобидной декорацией. А раньше он гудел ярким пламенем, жадно пожирая архивы Цветаевой, «куски ее жизни», которые она не могла, по известным причинам, взять с собой в СССР.

Прикоснувшись к «седому» камину, я вдруг ощутила тепло, что совершенно странно, ведь камни его

должны охлаждать, а не греть. И вдруг, в карнавал моих танцующих мыслей, врезались строки Цветаевой:

Спорили сотни

Колоколов.

День был субботний:

Иоанн Богослов.

«Эврика!», — чуть не вскрикнула я. Как же можно было не принять во внимание, что Марина родилась в день святого евангелиста Иоанна, которого называли апостолом любви. Ведь любовь, свойственная духу «цветаевщины», была главной особенностью и духовного облика Иоанна. Он — единственный верный ученик, не побоявшийся со-

славных службах, боясь до сих пор ошибиться в прочтении футуристических символов. Иконографическим знаком Иоанна был орел — символ высокого парения, присутствующего Цветаевой. Ведь она всегда высоко поднималась по лестнице своих чувств, а лестница ее поэзии до сих пор бесконечна. Надо ли говорить, что Иоанн Богослов своими жизненными «чудесами», несомненно, нравился Марине: возвращением в Эфес из морских пучин после кораблекрушения, сопротивлением всем гонениям, силой любви и его необычной и загадочной смертью. Стало совершенно ясно, что любимой могла быть только икона Иоанна Богослова — покро-

Последняя августовская ночь... 31 августа... 79 лет назад Марина Цветаева ушла, оставив нам вечную поэзию. После ее ухода так мало слов на земле, они уже все были произнесены ею. Нам остается только повторять их...

проводить в последний путь Иисуса Христа на Голгофу. Как не вспомнить цветаевские строки: «Одна за всех — противу всех». Это им была написана Книга Откровения (Апокалипсис), особая книга, исполненная мистической глубины, силы и образности, оставившая след в поэзии Марины. Из всех книг Нового Завета только ее одну не читают вслух на право-

вителя творческих личностей, апостола любви.

По понятным причинам Марине пришлось оставить икону во Франции, и только через 20 лет она была передана Ариадне Эфрон. После смерти Ариадны в 1975 году, ее самая близкая и верная подруга Ада Шкодина, разделившая с дочерью Цветаевой все тяготы Туруханской ссылки и жившая с ней в Тарусе,

передала в Государственный литературный музей некоторые сохранившиеся вещи, принадлежавшие Марине Ивановне Цветаевой: книги, обручальное кольцо, икону и цветаяевский «мистический» браслет, треснувший на руке жены Эренбурга в день гибели поэта 31 августа 1941 года.

На этом путеводная нить Ариадны обрывалась: как достать из недр

запасников музея маленькую икону Цветаевой, как возродить ее? Но самое удивительное в жизни — это сама жизнь, подарившая мне «роковую» встречу (по телефону) с человеком, который знает ВСЕ: Борисом Мансуровым. Неопишуемый восторг охватил меня, когда через несколько минут на экране компьютера высветилась фотография иконы. Это был Иоанн Богослов в молчании,

за плечом которого виднелся крылатый ангел.

Мне не терпелось рассказать о находке Флорану. Радостно возбужденные, мы встретились на русском вечере, обсуждая, где найти иконописца, взявшегося бы сделать список с иконы 18 века. Вскоре Флоран ушел, оставив меня в глубокой задумчивости. И тут ко мне подошла очаровательная, одетая со вкусом, женщина и, протянув визитную карточку, представилась: иконописец. Я крепко обняла Алю, и она поняла все без слов, потому что она умная, щедрая, человечная, мистическая, светлая, несмотря на тягчайшие жизненные испытания, сохранившая любовь к жизни, к людям, к Богу. Работая маслом, золотом, душой, она возвратила икону Иоанна Богослова в молчании в цветаевский дом на «чудную каштановую улицу».

Последняя августовская ночь... На самом деле 31 августа не должно быть, его и не было раньше. Этот день был украден у самого несчастливого месяца — февраля, названного в честь бога мертвых — Februария, и последний день этого месяца посвящался мученикам. Как раз этот день и забрал у февраля завистливый и честолюбивый Октавиан, получивший за какие-то императорские заслуги титул Августа, то есть Священного. Это событие было увековечено — появился месяц август, насчитывающий 30 дней.

Но в июле, названном в честь Юлия Цезаря — 31 день! Униженный на один день, Август бессовестно аннексировал у февраля день, думая таким образом сравняться с Юлием Цезарем! Вот так, зависть и тщеславие до сих пор правят миром.

31 августа... Прошло уже 79 лет... Уйдя, Марина Цветаева оставила нам вечную поэзию. После ее ухода так мало слов на земле, они уже все были произнесены ею. Нам остается только повторять их. Мое противление грусти не может остановить раскачавшийся маятник памяти, выхвативший из бездны времени трагический август 1921 года: преждевременную смерть Александра Блока и расстрел Николая Гумилева. Где похоронен Гумилев, автор «Поэмы начала», где покоится Цветаева, автор «Поэмы конца», — неизвестно. Сколько их пало в братскую могилу России? Преодолевая страх смерти, они принесли себя в жертву, удерживая высокое проявление человеческого духа — свободную поэзию. Гумилев мечтал «поднять поэзию до уровня религиозного культа» — и Цветаевой это удалось в полном смысле этого слова.

Последняя августовская ночь... Бессонный воздух... Ничего нельзя исправить. Не вычеркнуть эту печальную дату. Великое безмолвие звезд и сияние луны — как просвет в вечность... □

Мария Серегина

*«Мое
становление
произошло
благодаря
Соломиным»*

Актриса Малого театра Мария Серегина окончила Высшее театральное училище имени М.С. Щепкина и сразу была зачислена в труппу театра. В ее «творческом портфеле» уже много интересных спектаклей: «На всякого мудреца довольно простоты» А.Н. Островского, «Последний срок» В.Г. Распутина, «Как обмануть государство» Л. Вернея и Ж. Берра, «Снежная королева» Евгения Шварца. Но самой главной творческой удачей актрисы стала роль Марьи Антоновны в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». У Марии особое сценическое обаяние, прекрасная фактура и чувство юмора, поэтому на молодую актрису сразу обратили внимание кинорежиссеры. Еще будучи студенткой театрального училища она начала сниматься в кино и на телевидении. Зрители наверняка запомнили ее по сериалам «Наша Раша», «Стервы», «Купидон», «Маша в законе», «Воронины», «Между нами девочками», «Семья Светофоровых» и другим.

— Мария, как вы пришли в знаменитый Академический Малый театр?

— В 2011 году, по окончании Щепкинского театрального училища, мне предложили служить в Малом театре. Я училась в мастерской Ольги Николаевны и Юрия Мефодиевича Соломиных. Другие предложения я даже не рассматривала, потому что еще во время учебы Малый театр был для нас, студентов, родным домом. Ходили на все премьеры, знали хорошо актеров. Мы не испытывали никакого стресса, когда пришли служить в театр. Знаю, что многие выпускники, когда приходят в новый коллектив, долго приспособляются. А у нас такого не было. Малый театр — это Семья. Для меня немало важно, что это академический театр. Я знаю, что меня никогда не по-

просят в спектаклях говорить на языке мата, никогда не разденут...

— Да, это актуально сегодня, и хорошо, что не каждый артист на все согласен, и зрителям не всем это нравится, от «задумок» некоторых режиссеров многие испытывают дискомфорт в зале. А кто ваши учителя в профессии?

— Ольга Николаевна и Юрий Мефодиевич Соломины. Они оказали на меня огромное влияние, и это бесценно. С Ольгой Николаевной я много работала, когда училась, и, что очень важно, она верила в меня. В дипломных спектаклях у Ольги Николаевны я была занята в «Каменном госте», где сыграла Лауру, и в «Последнем сроке» по В.Г. Распутину, там у меня была роль Таньчоры. А Юрий Мефодиевич всегда все отсматривал, делал кор-

ректоровки, замечания. Так что мое становление произошло благодаря Соломиным. Придя в театр, мне повезло работать на одной сцене с народными артистами, которые очень помогали и как партнеры, и как мэтры сцены. Подсказывали, как лучше разобрать роль, как подойти к роли, как сделать ее более разносторонней.

— Какие роли вам особенно нравятся?

— Одна из самых важных и любимых ролей для меня — это роль Марьи Антоновны в «Ревизоре». Спектакль идет почти четыре часа, он живой, каждый раз разный, и мы, артисты, получаем огромное удовольствие от игры.

В нашем театре шел спектакль «Филумена Мартурано» в постановке итальянского режиссера Стефано де Лука. Большая удача и счастье, что удалось поработать с таким мастером. У него своя техника работы с каждым актером, и это особенно интересно. Роль у меня в спектакле была небольшая, но яркая. Главные роли играли Ирина Муравьева и Юрий Соломин, и подход этих мастеров к работе, ежедневные репетиции с ними — дорогого стоят. Спектакль уже не идет, но воспоминания остались теплые.

В комедии «На каждого мудреца довольно простоты» — постановка В.М. Бэйлиса, у меня роль Машеньки, племянницы Турусиной, я играю с Ириной Муравьевой, Александром Клюквиним, Александром Вершининым, Василием Зотовым, Лилией

Юдиной! Юдина — великая актриса, она выходит на сцену и играет на полную мощь, и я удивляюсь, как это возможно, когда тебе за девяносто лет! Годы над ней не властны!

— Вы снимаетесь во многих сериалах и кинофильмах. А что вам хотелось бы сыграть?

— У меня есть роль-мечта, мне хотелось бы сыграть роль близняшек. Двух совершенно разных героинь! Одна была бы спокойной, духовной, уравновешенной, а другая — полная противоположность, такая оторва, яркая, импульсивная. Это была бы возможность показать свой потенциал.

— Как вы проводите свободное время? Ходите ли в другие театры, на выставки?

— Очень люблю балет, оперу, живопись. В Большом театре побывала на спектакле «Щелкунчик», я давно мечтала попасть на этот балет! Сидела в партере, рядом со сценой, было все отлично видно: лица артистов, мимика, все нюансы. А во втором акте я даже заплакала от эмоций — впечатления переполняли.

По возможности стараюсь посещать и все выставки. К сожалению, не удалось попасть на выставку Дали в Манеже. Когда путешествовала прошлым летом по Англии, посетила в Лондоне Национальную галерею. Обычно я беру экскурсовода или аудиогид, мне важна информативность. Рембрандт, Веласкес, Рубенс.... Когда в институте проходишь историю искусства — это одно, а когда видишь

воочию шедевры этих гениальных мастеров — впечатление ни с чем не сравнимое... Волшебные впечатления!

— Вы упомянули Англию, а где еще успели побывать?

— Мне нравится получать новые эмоции, видеть новые места. Путешествовать я начала пять лет назад и дала себе слово, что при любых обстоятельствах должна посещать две страны в год. При любом раскладе. Обычно я еду на большой срок и никогда не возвращаюсь в одну и ту же страну. Люблю активный отдых, отдых у моря — это не мое. Составляю план поездок, беру гида и путешествую. Хочется видеть максимум мест, чтобы наполниться внутренне. Мексика, Куба, Шри-Ланка, Индия, Бали, Таиланд, Германия, Англия... Нравится путешествовать по Азии, там надо побывать, чтобы почувствовать ее особенный колорит.

— А время на книги остается? Вы любите читать?

— Много читаю разной литературы и читаю периодами, погружаясь в определенную тему. Было одно время увлечение духовной литературой, всего Ника Вуйчича перечитала, Джона Кэхо, из его трудов нравится «Подсознание может все».

Сейчас, на самоизоляции, прочитала «Мартина Идена» Джека Лондона — этот роман мне проник в самую душу. Люблю на ночь книгу почитать, а днем, когда чем-то занимаюсь по дому, то включаю аудиокнигу и слу-

шаю в наушниках «Графа Монте-Кристо» Александра Дюма. У меня целый список литературы, и сейчас самое время наверстать. Сейчас читаю книги по мастерству актера, например, Марию Кнебель. Очень интересно она разбирает роли, я много важных профессиональных советов для себя узнала.

— Какого зрителя вы хотели бы видеть в своем любимом театре?

— Думającego. Хочется, чтобы в душе человека остался след, чтобы он вышел из зала с новыми мыслями, чтобы не оставался равнодуш-

ным к увиденному. Зритель бывает разным — во время спектакля чувствуется, как он реагирует на то, что происходит на сцене. Кстати, очень интересный зритель на гастролях. Он другой, не такой, как в столице.

— Что хотели бы пожелать нашим читателям?

— В первую очередь — здоровья! Это самое главное! И еще — ставьте цели и идите вперед к ним, день за днем! □

Беседовала
Елена Воробьева

ДЕВУШКА БЫСТРЕЕ ВЕТРА

Двое друзей выделялись среди авиапассажиров. Оба рослые, спортивные, с открытыми лицами и нравом легким и живым, как у стопроцентно здоровых, интеллектуальных молодых людей. Одним словом, студенты, технари, спортсмены, поколение «NEXT плюс». Плюс означал поиски приключений и расположенность к любви.

В тот год, когда была закрыта Европа, Андрей, наконец, решил навестить тетку Нину в Евпатории. Евпатория, рассудил он, море, вино ведрами и солнце потоком — одним словом, Крым. У Нины Олеговны был свой домик, она сдавала комнаты, тем и жила, но ради любимого племянника, редкого гостя Андрюши, временно отказалась от выгоды и предоставила вполне, кстати, неплохое жилище с Интернетом двум московским молодым орлам.

Они разместились вместе, в одной комнате, разложили вещи и тут же помчались к морю, поскольку оно было рядом, и, если прислушаться, слышно, как оно периодически охает, словно большое неповоротливое животное.

И вот оно, вот! Всюду колышется живая синь. Песчаный берег, в смысле того, что называют пляжем, тоже был хорош и безразмерен, и Сергей сразу сообразил, что это готовый стадион, готовые беговые дорожки вдоль моря.

— Побегаем, — довольно проговорил он, — что в ту сторону, что в эту. Побегаем от души.

— Забито, — улыбнулся Андрей.

— Круто, что приехали! Куча лайков. Спасибо!

— «Очень жаль мне тех, которые не бывали в Евпатории». Это не я, это Маяковский, — сказал Андрей. — Он здесь бывал и оценил. Вон на том доме написано.

Искупались они отменно, покачались на волнах, а потом сушились на жгучем пляже под полуденным солнцем, и высохший песок под легким ветерком сам отлетал от атласной кожи.

Ужин с вином и креветками гостеприимная тетушка устроила в крохотном саду при доме, под старой яблоней. Выпили, закусили, выпили, закусили — легкая местная кислятина спортсменов-студентов не брала. Зато креветки и абрикосы без ограничений были им в полный кайф.

Южный вечер надвинулся прохладой, быстро упавшей темнотой.

— Чувствую, что-то произойдет, — вдруг произнес Сергей.

— В смысле?

— Круто начинаем. Завтра встаем в семь, до завтрака — пробежка и море. И так каждый день.

— Их всего-то десять дней, — вздохнул Андрей.

Спали они крепко, как дети, сладко и без снов.

Первым на заре проснулся «жаворонок» Андрей. Солнце чуть золотило занавески на окнах, день обещал быть ярким и праздничным, счастье продолжалось. Он потянулся до хруста, зевнул и крикнул другу:

— Подъем! Забег, море, солнце!

Сергей нечленораздельно что-то пробормотал во сне, но так и не проснулся, и Андрей понял, что бежать ему придется одному.

Приближаясь к берегу, он вдруг заметил бежавшую впереди тонкую девушку с пучком стянутых на затылке волос и скаткой розового полотенца в руке. Ему неожиданно стало весело, в подсознании зашевелилась возможность курортной любви. На время, конечно, а там — как пойдет.

«Фигура — люкс, — мгновенно определил он. — Повернутая на фитнесе, наверняка москвичка. А если она еще и на «фэйс» не уродина...»

Андрей поравнялся с бегуньей и с серьезным видом побежал рядом с ней, шаг в шаг. Метр, пять, десять. Это был один из его приемов. Он бежал рядом до тех пор, пока не дождался от нее улыбки, и, мысленно сказав себе: «Есть контакт», улыбнулся в ответ:

— Хай! Привет Москве от Москвы!

— Привет из Петербурга, — ответила девушка голосом, каким и должна была ответить юная жительница имперской столицы с глазами цвета северного неба. Незабываемые глаза — забываемый голос.

— Петербург? Тем более! Могу предложить боевое сопровождение до пляжа и даже обратно. Уважаю питерские белые ночи и девушек с такими глазами.

— Пожалуйста, — снова улыбнулась она. — Сопровождайте. Тем более что у меня такие глаза.

Его слегка щелкнули по носу, и ему это понравилось.

Побежали вместе. Быстро познакомились. Ее звали Ольгой, студентка СПГУ, физфак, второй курс, физика твердого тела. Отдыхает здесь вторую неделю. Живет у родственников.

— Какое тело? — переспросил Андрей.

— Твердое. Но это не то, что вы подумали. Это полупроводники.

— А-а, — протянул он, — тогда совсем понятно.

Впереди уже маячил вход на пляж: цветочная арка с проходом для отдыхающих — до восьми вход бесплатный.

Андрей ускорился: как мужчина, он должен был достичь пляжа первым и там поджидать дорогой объект охраны с дорогими подарками: лучшим лежаком, лучшим местом у моря и парой прикольных шуток. Но он опередил ее всего на два метра, и она легко его догнала. «Питерские девчонки неплохо бегают, они не любят уступать», подумал Андрей и улыбнулся. Сероглазая нравилась ему все больше. Он знал, что бегают классно, выступал за факультет, был чемпионом Бауманки и даже района, но ничего ей не сказал. Он просто врубил свою двадцатидвухлетнюю скорость и совершил очередной рывок. Пусть девочка успокоится и поймет, что имеет дело с серьезным мэном.

Ничего у него не вышло. Минутой позже он увидел перед собой ее изящную фигурку — его опять обогнали. Спортсменка она, что ли?

— Стой! — крикнул Андрей. — Я выиграл, вот он пляж!

Ольга остановилась и удивленно посмотрела на него:

— Разве мы соревновались? Я бы тогда бежала быстрее.

Блин, она еще и прикалывается? Ему хватило ума не продолжать, но, пока искали свободные лежаки, он никак не мог успокоиться: как же так, почему она с такой легкостью его обгоняет? Нет, он должен, должен ей доказать!

Накупались всласть. Море было ласковым, теплым, почти без волны. Сероглазая неплохо плавала, но Андрей плавал много лучше. Маленький реванш слегка успокоил его.

На лежаках они устроились у самой воды. Болтали о Питере, о Москве, о том, что сейчас там идут дожди, и друзья наверное, завидуют им. Он слушал ее петербургский голос и балдел, мало того, он ее уже любил. Правда, насчет того, что такое любовь, он понимал мало и не вникал, но,

когда с ним подобное случалось, он просто хотел, чтобы девушка всегда была рядом.

Ни о Сергее, ни о завтраке Андрей в эти минуты не думал, он думал о том, что не хочет с ней расставаться. А еще ему хотелось слышать ее голос, и он вернулся к волнующей его теме:

— А ты классно бегаешь.

— Я знаю, — откликнулась Ольга. — Это у меня с детства.

— Ты могла бы стать чемпионкой.

— Тренеры меня еще в школе отбирали. Звали в секцию. Но я не ходила.

— Почему?

— Да ну, тоска. Неинтересно.

— А почему ты так быстро бегаешь?

— Не знаю. Лечу, и все. Получается быстрее всех. А еще я больше всего чью-то спину перед собой ненавижу.

— Может, ты злая оса?

— А может, добрая стрекоза? — рассмеялась Ольга.

Блин! — подумал Андрей. Не будет он больше ее спрашивать и смешить кондовыми вопросами. Пусть просто будет рядом. Ему достаточно. Но завтра он все-таки ее побьет. Сегодня все случилось неожиданно, завтра все будет по-другому. Он докажет.

— Завтра бежим? В это же время? — вдруг спросил он.

— А зачем? — пожала плечами Ольга.

— Ну, я хотел...

— Не стоит, я всегда всех обгоняю. Мы просто встретимся и вместе пойдем на море. Боевое сопровождение мне понравилось.

— Нет, побежим, — мотнул он головой.

Она ничего не ответила. Андрей решил, что ей опять неинтересно, и усмехнулся про себя: «Твердое тело, блин, завтра ты увидишь».

— До завтра, — протянул он девушке руку. Она кивнула и подала свою, тонкую, очень горячую.

Когда они разошлись, Андрей оглянулся. Ольга уходила, легкая, почти невесомая щепочка, и он ее любил. «Быстрее ветра, — сказал он себе. — Девушка быстрее ветра. Круто! Но завтра я ее обгоню. Или обгоню, или...» Что значило его второе «или», он и сам еще толком не знал.

Сергей уже позавтракал и допивал чай.

— Извини, — сказал он, — я проспал немного. Я, когда вскочил, тебя уже не было.

— Ну и классно, что проспал, — ответил Андрей. — Мы же на отдыхе.

— Люди имеют право быть разными, — глубокомысленно добавил Сергей. — Как оно прошло?

— Нормально, — сказал Андрей. — Море теплое. Народу мало, солнца много. Куда идти, как идти — я многое узнал.

— Сейчас двинем.

Они неспешно двинулись к пляжу и провели там полдня. Расположились недалеко от того места, где Андрей был утром. И лежак ее, занятый нынче какой-то дамой в оранжевых очках, он сразу узнал по слегка свернутой набок спинке. Даму он не замечал, он видел на лежаке Ольгу, вспоминал глаза цвета северного неба, пучок волос, горячую руку и думал о том, что она добрая стрекоза и о том, что ему предстоит завтра.

А Сергей долго смотрел на море и вдруг произнес:

— Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...

— Ты чего? — удивился Андрей.

— Бауманку нашу вспомнил.

— А при чем здесь Ахматова?

— Да так, накатило. Утром пытался стишок сочинить. Не получилось.

— Поэт, блин, — хмыкнул Андрей. — Матанализом лучше займись. Обещал.

— Неинтересно, — пожал плечами Сергей.

Андрея что-то толкнуло внутри. Второй раз за день он слышал это слово — «неинтересно». Ольга и Сергей, наверное, не были знакомы, но слова у них одни и те же. Круто! А еще круто то, что есть такие люди, для которых жизнь делится на интересно и неинтересно! А слово «надо» им интересно? Завтра он ее спросит. Спросит и посмотрит, что она ответит.

Устав от моря и солнца, отправились в поисках обеда в город. Тетка Нина рассказала, что в старой Евпатории, где раньше жили одни караимы — этнические турки, принявшие когда-то по недоразумению иудаизм вместо ислама, — есть чудный частный ресторанчик «Кенасы» с караимской восточной кухней и знаменитыми чебуреками.

— Хочу, — мечтательно проговорил Андрей.

— Жажду, — уточнил Сергей.

Прошли по набережной, миновали большую мечеть, православный собор и углубились в старый город, где долго били ноги по пыльным, путаным как жизнь улочкам, среди одноэтажных домишек с допотопными, задушенными разнообразной зеленью двориками внутри. Наконец нашли. И не пожалели — ни потраченного времени, ни нывших ног.

Два чистеньких, прохладных, беленых зала, шесть столиков всего — вполне достаточно для счастья. Им подали великолепные пухлые чебуреки, крохотные шашлычки, долму и еще много местного, редкого, черноморского, включая, например, жареные мидии, барабульку и гвоздь про-

граммы — бараньи язычки — оторваться от всего можно было только силой. Андрей ел без продыху, а еще пил белую, слегка хмельную бузу и иногда спохватывался: как же он завтра бегать будет? И тотчас успокаивал себя: наоборот, наберет сил — лучше бегать будет, выстрелит как ракета и поразит сероглазую в самое сердце...

А больше всего удивил находившийся по соседству с ресторанчиком крохотный музей караимского бытования, где продвинутые студенты увидели несколько фотографий известных людей, которых раньше считали русской гордостью. Такой, например, оказалась великая Анна Павлова, слава русского балета. Андрей смотрел на нее — тонкие черты, чуть раскосые глаза, что-то неуловимо знакомое в постановке фигуры, так и хотелось ее окликнуть: Ольга? Она караимка! — вдруг осенило его, — потому ездит в Евпаторию, на родину предков, потому бегают так быстро! Завтра он все узнает.

— Эй! — окликнул его Сергей. — Ты чего? На Павлову засмотрелся? Она — супер! Я тоже удивлен.

— Завтра, — таинственно прошептал Андрей. — Все завтра.

— Что завтра? — переспросил Сергей.

— Завтра — значит, завтра. Все завтра...

Проснувшись утром, Андрей убедился, что повторяется вчерашнее. Сергей опять проспал, и он снова не стал его будить.

В семь Андрей был уже на месте встречи. Он оказался первым и успел серьезно размяться, прежде чем увидел Ольгу. Она выглядела еще лучше, чем вчера. Или ему так только показалось? Глаза ее сверкали, северное, холодное, питерское ушло, появилось южное, горячее.

— Немного опоздала, — извиняющим тоном произнесла она.

— Не вопрос, — ответил Андрей. А про себя подумал: «Главное, ты пришла, и я снова тебя вижу».

— Готов? — спросила Ольга, и они побежали.

Чебуреки, бараньи язычки и «буза» явно прибавили ему сил. Андрей долго бежал первым и видел, что ей с ним нелегко. Когда она стала обгонять его, он предпринял отчаянный рывок и снова вырвался вперед. Но все же Ольга снова обогнала, и Андрей прибежал на пляж вторым. А самое противное было то, что, обогнав, девушка, чуть притормозив, побежала с ним почти вровень, и эта последняя деталь ее питерского женского благородства растоптала его в пыль.

— Извини, — мрачно проговорил Андрей, — вчера сильно зависли в «Кенасах».

— Я это хорошо понимаю, — кивнула Ольга. — Я тоже, как туда попадаю, бегать потом не могу.

— Ты местная? — вдруг спросил он.

— Конечно, — улыбнулась она. — Я с планеты Земля. Хочешь, улечу?

Больше idiotских вопросов он не задавал. Караимка, не караимка — какая разница. На человека смотри, говорил его мудрый дед Илья.

Расположились они на пляже на прежнем месте, и, казалось бы, он снова должен был быть счастлив. Так и было бы, если бы не гвоздь поражения, застрявший у него в мозгах, он никак не мог преодолеть свою обиду. Второй сорт, говорил он себе, нет, даже третий сорт. Спортсмен, блин, врубил пятую — даже девчонку обогнать не можешь, и что она о тебе думает, ты никогда не узнаешь — да, впрочем, это неважно, важно, что знаешь о себе ты сам. А ты знаешь, что с ней у тебя никогда не получится. Не из-за нее — из-за тебя, недоделанного специалиста по управляемым системам...

Ольга словно просекла его мысли и, резко повернувшись к нему, предложила:

— Пойдем, искупаемся.

Она первая вбежала в воду и, смеясь, поплыла вперед, отчаянно и смело.

Андрей легко держался рядом, но не мог понять, зачем она так далеко заплывает. Когда они заплыли за буйки, и пляж превратился в полоску, ему стало даже жутковато. Он ни за что бы ей в этом не признался, но за буйками у него всегда наступал напруг.

Вдруг Ольга легла на спину и сказала, что жутко устала и что ей страшно. Андрей сначала удивился, но тут до него дошло: это ее питерское благородство, ее снисходительная доброта, ее широкий жест. Она давала ему шанс реванша, ей хотелось, чтобы он отыгрался. Значит, все она про него поняла, подумал он, и на душе у него стало еще кислее. Но он с готовностью подставил ей плечо и, благополучно доставив к берегу, уложил на горячий песок. Может, она действительно устала и испугалась? В любом случае он был ей благодарен.

— Спасибо, — подняла на него глаза Ольга. — Знаешь, я поняла, лучше хорошо плавать, чем хорошо бегать. Ты просто московский гигант.

— Не мне спасибо, — ответил Андрей. — Спасибо Питеру и питерским глазам.

Это прозвучало как-то пошло, и он сразу понял, что с ней у него ничего не получится. Она была слишком умна, она читала его как книгу. Тайна не возникала, подумал он, а без тайны какая любовь?

А потом появился неторопливый Сергей. Шел по пляжу, крутил головой, искал Андрея. Тот увидел его и окликнул.

— Клево устроились, — приблизившись, заметил Сергей. — Познакомишь с девушкой?

— Ольга, — опередила она Андрея и протянула Сергею руку.
— Привет! — пожав ее, широко улыбнулся он.
— Вы чего, знакомы, что ли? — удивился Андрей.
— А то, — сказал Сергей и обернулся к Ольге: — Я вас в фейсбуке видел. Ольга, как вас там, забыл... Физика твердого тела?
— Не радуйся, — хмыкнул Андрей. — Это не то, что ты думаешь.
— Что все обычно думают, — добавила Ольга и, сдвинувшись на лежаке, предложила Сергею: — Вы садитесь.
— Нет, — ответил он. — Неинтересно. Я смотрю, вы уже купались? А бегали? Я бы сначала побегал.
— У меня ноги болят, — выразительно посмотрел на него Андрей. — Я полежу.
— А у меня не болят, — вдруг сказала Ольга. — Физика твердого тела готова составить компанию, если вы непротив.
— Твердое тело, — улыбнулся Сергей. — Я бегаю быстро и долго — потом не жалуясь.
— Постараюсь, — кивнула Ольга и поднялась с лежака.
Но Андрею такой расклад не понравился.
— А мне что делать?
— Да мы быстро, — успокоил его Сергей. — Ты же знаешь, я все делаю быстро. Засакай.
— Мы очень быстро, — усмехнулась Ольга. — Очень.
Они побежали по кромке воды, и Сергей, как джентльмен, старался держаться вторым.
Какое-то время он будет вторым, подумал Андрей, а потом мужчина захочет стать первым, и ему конец. Он ждал их довольно долго, всматривался в ту сторону, куда они убежали, но, так и не дождавшись, поднялся и пошел домой. Настроение его было вконец испорчено. Матанализ, думал он, долбаный матанализ, остался бы ты лучше в Москве.
Сергей явился к вечеру и сразу поднял руки — сдаюсь! Заглотал полграфина воды и сказал, чтобы Андрей на него не обижался.
— Потщила меня в какое-то кафе пить кофе, потом завтракать — ее тут весь город знает. Извини, Андре, так получилось. Я оставил телефон дома. Вон он, блин, на тумбочке.
— Не вопрос, — как можно непринужденнее произнес Андрей. — Мне по барабану.
— Не, ну, ты зря, — заметил Сергей.
— Вы слишком быстро бегали.
— Вообще крутая беда. Она все время впереди была, я — за ней. Я думал, она устанет и умрет — в результате умер я.

— Ты чего, обогнать не мог?

— Девчонку? Да как-то неприлично. Я не смог. Так и плелся за ней, пока сам не умер.

— В смысле?

— Упал — сердце больше не билось. Устал, Андре.

— А она?

— Прикинь, ни в одном глазу! Наоборот. Оказала грамотную медицинскую помощь. Искусственное дыхание. Меня это сразу оздоровило. А потом знаешь, что она сказала? Сказала спасибо. И еще — что я первый парень в мире, который не захотел ее обогнать.

— Круто тебя оценили! Олимпийская медаль! — хлопнул в ладоши Андрей, а про себя подумал: «Меня имела в виду сероглазая, знала, что передаст».

— Завтра зовет нас съездить в Тарханкут, это километров десять отсюда, — как ни в чем не бывало продолжал Сергей. — Там скалы, разноцветные рыбы, интересное дно. Там сказка. Она маски привезет, поныряем — лично тебе просила передать, что маски очень хорошие...

— Нет, не поеду, — покачал головой Андрей. — Я нырять не люблю. У меня уши.

— Поедем, ты чего?

— Завтра я Нине обещал кое-что в доме починить.

Андрей не любил нырять, Сергей не любил уговаривать.

Вечером смотрели по ящику один и тот же футбол, а думали при этом совершенно по-разному.

В результате Сергей уехал утром в Тарханкут, а Андрей помогал тетке Нине по хозяйству.

Когда вечером Сергей вернулся, он выглядел очень спокойным, что ему было несвойственно. Излишне спокойным, отметил Андрей.

— Уезжаю от тебя, Андре, — сказал он. — Извини. Так получилось. Она долго тебя с масками ждала, а потом сказала, чтобы я переехал к ней. Ну, с женщинами я не спорю.

— Не понял... — протянул Андрей, хотя мгновенно все понял.

— У нее комната свободная. Извини, друган.

Ночью Андрей почти не спал, утром сдал обратный железнодорожный билет и улетел в Москву. Сергею позвонил и сообщил, что в столице у него дела.

— Я понял, — сухо ответил Сергей. — Извини меня еще раз.

Через три месяца Ольга и Сергей поженились. Андрею было направлено приглашение на церемонию, которое было оставлено без ответа.

Сергей перевелся в СПГУ на физический факультет и стал изучать физику твердого тела.

Спустя год Андрея летом снова потянуло в Евпаторию. Он мог, как бывало раньше, отправиться на итальянский остров Искью, но его непреодолимо потянуло именно в Евпаторию. Преступника тянет на место преступления, сказал он себе, значит, ты преступник. Преступник и идиот. Идиот потому, что никогда ее больше не увидишь.

Тетка Нина была счастлива. Обнимая любимого племянника, она вдруг спросила:

— А где же друг твой?

— Матанализ подтягивает, — ответил Андрей.

— Понимаю, — закивала тетка. — Учеба прежде всего.

Утром, подчиняясь неосознанному желанию, Андрей проснулся рано и побежал к морю.

Солнце светило так же, как и в прошлом году, деревья, крыши, клумбы и улица, по которой он бежал, тоже не изменились — ничего не изменилось в старинном крымском городе. И девушка со скаткой розового полотенца в руке, что появилась перед ним в перспективе улицы, тоже была из прошлогодней жизни. Он вздрогнул от неожиданности и замер на месте, ему показалось, что время остановилось... Она ли? Нет, не она. Догонять? А зачем? Чтобы все повторилось? Чтобы влететь в нее по переносицу, а потом глотать позор? Нет, физика, не надо, твердое тело отдыхает!

Думал так, а поступил совсем по-другому. Конечно, догнал — тонкую, легкую сероглазку. И оба сработали очень точно, словно подчиняясь неведомой силе.

Как и прежде, какое-то время он молча держался рядом. А потом, не выдержав, повторил прошлогоднее начало:

— Привет Москве!

— Привет из Петербурга! — отозвалась она, голосом не высоким, не низким, а незабываемым питерским — таким, какой он помнил весь год.

— Хорошее утро, — сказал он.

— Погуляем, посидим, поговорим? — спросила она, сбавляя ход.

— Неинтересно. Учти, я стал бегать лучше, — предупредил Андрей.

— Это не имеет значения, — пожала она плечами и побежала дальше по набережной

Он не рвался ее обгонять, бежал с ней бок о бок, рассматривая ее во все глаза. Она стала еще лучше. Не потому, что он не видел ее целый год,

а потому, что так оно и было. Девичья резкость окончательно покинула ее, рядом с ним бежала красивая, уверенная в себе, плавная в движениях молодая женщина. Прекрасная караимка, которую он так и не смог забыть.

Он вспоминал о ней весь год и жалел, что больше никогда не сможет взять реванш — но вот сбылось, и теперь он должен. Сейчас или никогда. Судьба дает второй шанс, такое дается редко, и не всем. Сергея и прошлогоднюю Евпаторию надо перечеркнуть. Жирной краской, раз и навсегда. Надо выиграть и доказать, выиграть и доказать! Не ей доказать, доказать себе, что может! Пусть караимка природный талант, а он только работяга от спорта, он — мужчина, и должен быть первым!

Мозги лихорадочно заработали. Длинного рывка для победы недостаточно, она успеет его достать и обойти. Значит, рывок должен быть коротким! Коротким и мощным!

Пляж приближался, и вход уже был рядом — вон он, в цветах, как и в прошлом году. Теперь главное, не пропустить момент для рывка, не опоздать и не рвануть слишком рано.

Ничего не изменилось. Вот она, рядом. Пучок, пушок на затылке... Подумай, замуж сходила! С кем не бывает! Все равно она его. Ничего не изменилось. А Сергей — матанализ. Матанализ, больше ничего.

Пора. Пора! Пора!!

Весь год Андрей работал над ускорением. Перебирал Интернет. Никому не говорил, но все вычитал про рывки и постарался их отработать. Не зная, что встретит ее, доказывал себе. Поэтому и рванул со страшной силой. И она... уступила. Но когда он влетел на территорию пляжа, то неожиданно ощутил горячее дыхание на щеке. Все-таки достала!

Они одновременно рухнули на песок и оказались лицом к лицу.

— Ты стал бегать лучше, — выдохнула Ольга.

— Я предупреждал, — выдохнул Андрей.

Никогда ее лицо не было так близко. Так близко, что он не мог его разглядеть.

— Прошу оказать помощь, — прошептал он. — Искусственное дыхание изо рта в рот, ты знаешь, как.

— Физика твердого тела этим не занимается. Не знаю.

— Зато я знаю, — сказал он. И поцеловал ее в губы.

— Это искусственное дыхание?

— Именно. В прошлом году вы успешно его освоили.

— Вранье! — возмущенно выкрикнула она. — Не было этого. Когда мы прибежали, он мне просто Бродского прочел. «Ни страны, ни погоста не хочу выбирать, на Васильевский остров я приду умирать...» Вот, я хо-

рошо помню... Никакой медпомощи я ему не оказывала. Можешь не верить, но это правда.

— Я у него спрошу.

— Его больше нет.

— В каком смысле?

— Ты сам во всем виноват. Сам. Я нарочно с ним убежала. А потом приглашала тебя на Тарханкут, ждала, маски притащила. Но ты не приехал. А он сказал главные слова.

— И тебе было все равно?

— Я тогда очень разозлилась. Я со зла многое могу натворить. Потом жалею. Ты сам виноват.

Она поднялась и медленно направилась к морю. Он догнал ее, обнял за плечи и, заглянув ей в глаза, тихо повторил:

— Его больше нет — в каком смысле?

— Это физика твердого тела. Полупроводники, в которых ты ничего не понимаешь. Но могу объяснить простыми словами.

Она двинулась к морю, он уступил ей путь, но шел рядом, ждал.

Она вбежала в море и поплыла, отчаянно двигая руками и ногами и крича:

— Полупроводник сначала ток проводит, а потом, под воздействием различных обстоятельств, становится изолятором, и ток через него пройти уже не может. Ты понял?

— Почти.

— С матанализом было неплохо. А потом...

Она старалась от него оторваться, но плавание — не бег, он легко держался рядом, иногда опережал, но тут же сбавлял скорость.

— А потом, что было потом?

— А потом я перестала проводить ток...

— Ты превратилась в изолятор? — крикнул Андрей.

— Ты неплохо усвоил материал... Да! Потому что я поняла главное... Мне нужен не тот, кто всегда бежит за мной... Мне нужен тот, кто всегда старается меня обогнать.

— Обогнать тебя? Неужели такие безумцы еще есть? Неужели не убедились, что это бесполезно?

— Их все меньше, — хмыкнула она.

— Они встречаются все реже и реже, — согласился он. — Можно сказать, они на вес золота.

— Они просто оробели.

— Нет, они попрятались.

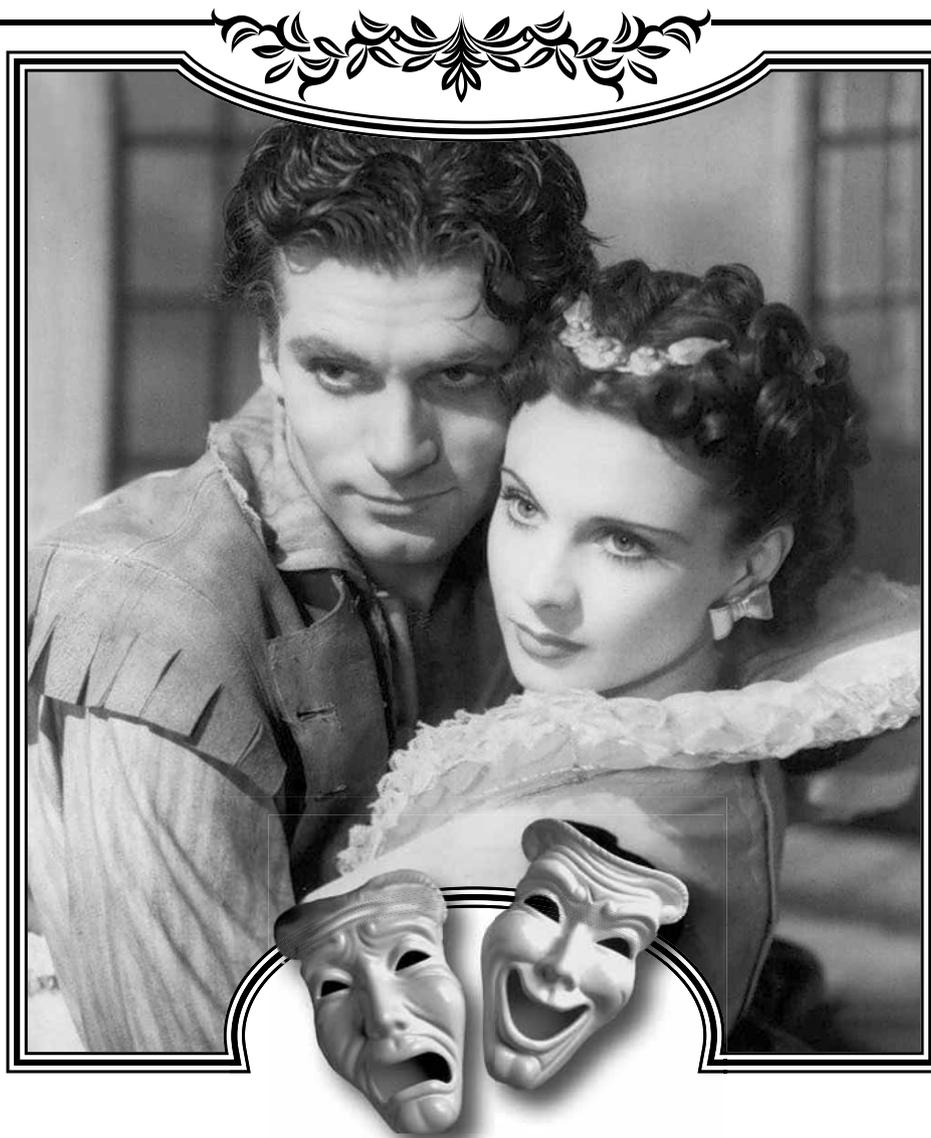
— Наверное. Но с одним безумцем мы завтра все-таки едем на Тарханкут. □

Алла Зубкова

ПРИНЦ И ПРИНЦЕССА ИЗ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Их любовь началась, как волшебная сказка. Их совместная жизнь была сложна и противоречива, а разрыв окрасился в цвета подлинной трагедии. Свои лучшие роли Вивьен Ли и Лоуренс Оливье сыграли в собственной жизни, стертв грани между искусством и реальностью.

В конце 30-х годов, в разгар их романа, газеты писали: «Вивьен Ли и Лоуренс Оливье думают друг о друге больше, чем о самой жизни. Их любовь попирает все условности и потрясает своей необузданностью».

Впервые Вивьен увидела Оливье осенью 1935 года. Она со своей приятельницей побывала на спектакле с его участием. 29-летний актер поразила ее своей элегантной мужественностью, и она шепнула подруге: *«Вот человек, за которого я выйду замуж»*.

«Не говори глупостей, вы оба — семейные люди», — осадила ее та.

«Это ничего не значит. Я все равно когда-нибудь выйду за него. Вот увидишь...»

Вивьен, которой исполнился 21 год, находилась в расцвете красоты. В душе молодой честолюбивой актрисы бушевали вулканические страсти, а ее фантазии не имели границ: *«Если принц Уэльский предложит мне, я стану его любовницей»*, — грезила она. Увы, Эдуард, принц Уэльский ей не достался. Он попался в острые коготки американки Уоллис Симпсон и из-за брака с нею отрекся от британского престола. Однако своего принца Вивьен все-таки получила.

Они встретились той же осенью 1935 года. Странно, но ни Вивьен, ни Лоуренс не запомнили точную дату их первой встречи. Известно лишь, что они познакомились в ресторане «Савой», где любили проводить время актеры лондонских театров. Вивьен, которая была там со своим приятелем-актером, представили Оливье, обедавшему со своей женой, актрисой Джилл Эсмонд. Он был поражен экзотической красотой и женственностью Вивьен. Они стали встре-

чаться. Им было о чем поговорить, они ведь почти ничего не знали друг о друге. Так Лоуренсу стало известно, что Вивьен родилась в Индии, в небольшом городке Дарджилинг, в семье преуспевающего британского брокера Эрнста Хартли. При крещении ей дали имя... Нет, не Вивьен, а Вивиан. В шесть лет родители отвезли девочку в Англию, где она могла получить подобающее образование и воспитание. Семь лет Вивиан провела в монастырской школе в лондонском предместье Роухемптон. Свое образование она продолжила во время приезда родителей в Европу, живя в католи-

Слева:

*Лоуренс
Оливье*

Вивьен Ли

ческих монастырских школах то в Каннах и Биаррице, то в Сан-Ремо, а затем и в Париже, где она совершенствовала свой и без того прекрасный французский язык. В Париже она, кроме того, брала уроки драматического искусства у довольно известной актрисы «Комеди Франсез», поскольку с детства мечтала о театре. Переехав с родителями в Лондон, Вивьен упросила их разрешить ей поступить в Королевскую академию драматического искусства. Занятия там она прервала на короткое время после того, как вышла замуж за уважаемого лондонского адвоката Ли Холмана и родила дочку, которую назвали Сюзанной. Ли обожал свою красавицу-жену и смирился с ее решением продолжить образование в Академии. Так же без особого энтузиазма он позволил ей поступить на сцену. Ли надеялся, что не очень-то обнадеживающее

начало остудит пыл молодой женщины. Но не тут-то было. Исполняя маленькие роли в незначительных театральных постановках и наскоро снятых фильмах, Вивиан Холман мечтала о славе великих актрис прошлого.

По мнению знакомых продюсеров и режиссеров, ее имя было «недостаточно театральным». После долгих споров и обсуждений решили остановиться на варианте, который сочетал ее (правда, несколько измененное) имя с именем мужа. Так на свет появилась Вивьен Ли. И, словно по мановению волшебной палочки, к ней сразу пришел успех. Главная роль в «Маске невинности» приятно удивила даже издавших виды критиков. Большое впечатление произвела она и на Оливье, о чем он не замедлил ей сказать.

Сам Лоуренс (Ларри, как называли его друзья) рассказывал о себе Вивьен довольно скупое. Сын свя-

щенника, он родился в городе Доркинг, графство Серрей. Отношения с отцом у него были довольно прохладные, зато мать он обожал. Впрочем, именно отец решил, что его сын должен стать актером. Окончив драматическую школу в Лондоне, Ларри служил в небольших театрах. 1930-й год ознаменовался первым значительным успехом: он сыграл главную роль в пьесе Ноэля Кауэрда «Частные жизни», затем снялся в своем первом фильме, а позже сыграл главную роль в блестящей постановке Джона Гилгуда «Ромео и Джульетта». Спектакль побил все рекорды кассовых сборов, а Оливье был провозглашен «принцем английской сцены». Вивьен преклонялась перед его талантом и с радостью согласилась сниматься в фильме маститого режиссера Александра Корда «Пламя над Англией», где должен был играть и Оливье.

Три месяца съемок изменили жизнь обоих актеров. В перерывах между съемками они гуляли по дорожкам парка киностудии или убегали в ближайший паб. Во время обеденного перерыва в столовой студии сидели вдвоем, совершенно поглощенные друг другом, и никто не мог даже подумать устроиться рядом с ними. Видеть их вместе, утверждали очевидцы, — значило видеть чудо.

Да, это было чудо, но чудо, окрашенное грустью, пожалуй, даже безнадежностью. Ведь как раз в это время жена Ларри Джилл родила сына, которого назвали Тарквинием. Но готовы ли были Вивьен и Лоуренс примириться с обреченностью своего чувства?

Обстоятельства изменились, когда театр Олд Вик, в котором служил Оливье, в июне 1937 года был приглашен на гастроли в Данию. Датча-

Слева:
*Вивьен
с первым
мужем
Гербертом Ли
Холманом*

Слева:
*Джилл
Эсмонд —
первая жена
Лоуренса
Оливье*

*«Леди
Гамильтон»*

не мечтали увидеть «Гамлета» в естественных декорациях шекспировской пьесы — в замке Кронборг в Эльсиноре. Стараниями Оливье на роль Офелии была приглашена Вивьен. Оба были на вершине блаженства. Особенно Вивьен. Оливье, ее Гамлет, стал для молодой актрисы центром мироздания. Спектакль имел ошеломляющий успех.

И то, что из-за плохой погоды он прошел в небольшом зале местного отеля, а не во дворе эльсинорского замка, ничуть не уменьшил восторг зрителей. Впрочем, на другой день пьесу играли уже на платформе перед стенами замка.

Для влюбленных гастроль в Дании имели судьбоносное значение. Именно там они приняли ре-

*«Унесенные
ветром»*

шение уйти из семей и соединить свои судьбы.

Вернувшись в Лондон, Оливье приобрел дом, куда переехал вместе с Вивьен. Она уже успела объяснить с Холманом, и сам он поставил в известность о своем решении Джилл Эсмонд. Если они надеялись найти понимание у своих бывших спутников жизни, то ошиблись. Ли Холман отнесся к решению жены, как к импульсивному поступку молодой увлекающейся женщины, и отказался дать ей развод, надеясь, что она «образумится». У Джилл также не было ни малейшего желания «развязать руки» супругу и отпустить его к сопернице.

Между тем Лоуренса и Вивьен ждала работа — новые роли в филь-

мах и спектаклях. Осенью 1938 года Оливье был приглашен в Голливуд для съемок в фильме «Грозовой перевал» по роману Эмили Бронте. Вивьен безумно скучала по любимому. Ее тоску и тревоги усугубляли отчаянные письма Ларри, который никак не мог установить контакт с режиссером и коллегами по съемке. Кроме того, он скверно чувствовал себя — у него сильно разболелась нога, и он передвигался на костылях. У Вивьен как раз образовалось свободное время между репетициями. Нужно ехать — решила она. Друзья недоуменно пожимали плечами — пересечь Атлантику, а затем весь американский континент из-за нескольких дней с Ларри ... Но Ви-

вьен была непреклонна, ей хотелось увидеть и поддержать любимого. Но в глубине души она понимала, что была и другая причина, как магнитом влекущая ее в Голливуд. Еще несколько лет назад Вивьен прочитала роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», и главная героиня пленила ее воображение. И вот теперь, узнав, что известный голливудский продюсер Дэвид Селзник собирается снимать блокбастер по произведению Митчелл, она, как и сотни других актрис, решила попытаться счастья. В Штатах была объявлена общенациональная кампания по выбору претендентки на роль Скарлетт О'Хара. Весь цвет Голливуда охотился за этой ролью. Поклонники

романа по всей стране решали, кто больше подходит для этой роли: Кэтрин Хэпберн, Бетт Дэвис, Сюзан Хейворд или Джоан Кроуфорд, может быть, Полетт Годдар или совсем юная Лана Тернер? И если роль Ретта Баттлера девяносто пять процентов американцев безоговорочно отдавали Кларку Гейблу, то ни одна претендентка на роль Скарлетт не могла получить решающего перевеса. Съемки картины уже начались, а главной героини все не было.

Когда Вивьен приехала в Голливуд, Оливье представил ее своему агенту Майрону Селзнику, брату Дэвида. Майрон по достоинству оценил удивительные данные английской актрисы, а главное, ее почти

*«Пламя
над Англией»*

Справа:
*«Мост
Ватерлоо»*

портретное сходство с образом, созданным Митчелл. Вивьен успешно прошла пробы, но продюсер не спешил сообщить ей о своем решении. Лишь в канун Рождества он объявил, что выбор пал именно на нее. Правда, гонорар был смехотворно малый, всего 25 тысяч долларов, но Вивьен чувствовала себя по-настоящему счастливой. Руководство компании не сомневалось, что она справится с ролью. Единственное, что их беспокоило, это как свести к минимуму тот негатив, который, как они понимали, вызовет у публики сообщение о том, что Вивьен оставила мужа и ребенка и живет с Лоуренсом Оливье, который также ушел из семьи.

На съемках Вивьен не жалела себя, работая до изнеможения. У нее установились неплохие отношения

почти со всеми членами съемочной группы, а с Кларком Гейблом они стали хорошими друзьями. Гейбл, который в это время ожидал развода, чтобы жениться на любимой женщине, сочувствовал Вивьен и Ларри. Впрочем, первая встреча Гейбла и Ли на съемочной площадке отнюдь не предвещала сердечности в их отношениях. Вивьен безбожно опаздывала, Гейбл нервничал и не скрывал своего недовольства. *«Черт подери! — восклицал он. — Если эта дамочка и дальше так будет относиться к работе, я с ней вообще сниматься не буду!»*

«Вы совершенно правы, мистер Гейбл! — неожиданно услышал он звонкий голос и, обернувшись, увидел Вивьен, остановившуюся около камеры. — На вашем месте я бы по-

советовал этой Вивьен Ли катиться обратно в свою Англию, мать ее, так — распротак!»

Надо сказать, что Вивьен обожала нецензурные словечки и не стеснялась употреблять их. Гейбл, который тоже любил острое словцо, расплылся в улыбке, и инцидент был исчерпан.

Во время съемок настроение Вивьен портило лишь то, что по настоянию студии они с Ларри не могли жить вместе, и даже на приемы и вечеринки им приходилось приходить и уходить порознь. К тому же она была ревнива и не терпела, когда Оливье ухаживал за другими женщинами. Однажды после званого ужина он слишком долго, по ее мнению, прогуливался по саду с Гретой Гарбо. Когда они вернулись, Вивьен

любезно поинтересовалась у знаменитой актрисы, приятной ли была прогулка, а после того, как звезда удалилась, устроила Ларри бурную сцену.

В конце июля 1939 года был снят последний эпизод картины. Почти полгода спустя, 15 декабря, в Атланте состоялась торжественная премьера, а в конце февраля 1940 года Вивьен Ли был вручен Оскар «За лучшее исполнение женской роли в фильмах 1939 года». На званом вечере в Атланте Маргарет Митчелл во всеуслышание произнесла: «Вивьен Ли — моя Скарлетт». Кстати, перед поездкой в Атланту на премьеру Селзник, опасаясь осложнений с прессой, заявил Вивьен, что Оливье не может сопровождать ее. Она сверкнула глазами:

«Трамвай
"Желание"»

«Тогда я тоже не приеду», и продюсер сдался.

Весть о начале войны потрясла обоих актеров. Мысль об оставшихся в Лондоне под бомбежками детях не давала им покоя. Но нужно было продолжать жить и работать. В 1940 году студия Метро Голдвин Майер собиралась экранизировать пьесу Р. Шервуда «Мост Ватерлоо», где в главных ролях должны были играть Ли и Оливье. Однако затем было решено передать роль главного героя Роберту Тейлору. Роль Майры Лейстер не очень интересовала Вивьен, тем не менее, исполнила ее она блестяще. Женская аудитория по обеим сторонам Атлантики с замиранием сердца смотрела на экран, комкая мокрые от слез платочки.

Между тем из Англии до Вивьен и Лоуренса дошли сведения о том, что Джилл и Ли, потеряв надежду на сохранение семей, согласились дать им развод. Он был оформлен в суде в середине февраля 1940 года, но вступал в силу только спустя полгода, в августе.

Оливье считал, что война требует участия каждого англичанина. Он мечтал воевать в морской авиации и усиленно тренировался на аэродромах близ Лос-Анджелеса. Увы, особых талантов к летному делу у него не было. За короткое время он успел разбить три учебных самолета, ежедневно подвергаясь насмешкам инструктора. Вивьен каждое утро молилась за него, провожая на аэродром. Впрочем, в конце концов, Лар-

ри налетал 200 часов, необходимых для получения лицензии. К счастью для всех своих поклонников в театре и кино, он так и не испытал свое искусство в боевых условиях. Зато как раз в это время ему была предложена роль величайшего героя, какого только знала Англия, — адмирала Нельсона. Британский режиссер Александр Карда предложил Лоуренсу и Вивьен сняться в патристическом фильме «Леди Гамиль-

тон». Они не были в восторге от предложения и согласились лишь потому, что на полученные деньги могли вывезти детей в Соединенные Штаты.

В конце августа пришло сообщение о том, что они, наконец, совершенно свободны и могут вступить в брак. Нужно было лишь выдержать трехдневную отсрочку, которая требовалась по калифорнийскому закону после официального объявления о бракосочетании. Таким образом,

юридическую силу развод приобрел только 31 августа. Ровно в одну минуту первого ночи 31 августа муниципальный судья Санта-Барбары объявил Ларри и Вивьен мужем и женой. Они всеми силами стремились избежать пышной голливудской церемонии, и бракосочетание состоялось на ранчо их друзей.

Оливье надел на палец жены скромное обручальное кольцо. Кстати, несколько лет спустя Вивьен потеряла его в каком-то кинотеатре. Она очень горевала, и Ларри подарил ей кольцо с солидным бриллиантом. Вивьен носила его все время, но ей хотелось иметь простое обручальное колечко, и Ларри купил ей имен-

но такое. На нем было выгравировано: «Это последнее колечко, которое ты от меня получишь». Вивьен им очень дорожила и постоянно хранила в шкатулке для драгоценностей.

Через месяц после бракосочетания звездная пара уже снималась в фильме, который снискал им любовь миллионов зрителей. «Леди Гамильтон» была малобюджетной картиной. Съёмки длились всего шесть недель. Денег катастрофически не хватало — кораблями для грандиозных морских сражений служили макеты, сценаристы ежедневно сочиняли дополнительные реплики. Дело доходило до того, что Вивьен гримировали лишь половину лица, ту, что была обращена к камере. И все же позднее она вспоминала, что это был ее самый счастливый фильм. Актеры, разумеется, привыкли изображать любовное чувство, но взгляды, которыми обменивались на экране лорд Нельсон и леди Гамильтон, потрясли даже выдавших виды кинокритиков. Так играть могли только люди, связанные между собой невидимой нитью. Фильм имел колоссальный успех в США, Англии и Советском Союзе. «Леди Гамильтон» была любимой картиной Уинстона Черчилля. В его поместье Чартвелл хранилась копия ленты, и сэр Уинстон часто пересматривал ее.

Закончилась Вторая мировая война. Чета Оливье приобрела чудесное имение в Букингемшире. В 1947 году Оливье за свои заслуги перед бри-

танским театром получил дворянство. Теперь его супругу именовали Вивьен, леди Оливье.

Ларри по-прежнему оставался для Вивьен центром вселенной, а он продолжал боготворить ее. Лишь очень внимательный наблюдатель мог заметить, что иногда обращенный на жену взгляд Оливье становился каким-то тревожным и обеспокоенным. Впервые это произошло еще в 1944 году, во время съёмки «Цезаря и Клеопатры». Вивьен переживала один из обычных для нее периодов депрессии. Совершенно неожиданно с ней случилась сильнейшая истерика. Снималась сцена, во время которой Клеопатра бичом наказывала провинившегося раба. Вивьен так вошла в роль, что ее партнер под градом ударов вынужден был бежать, тогда как актриса продолжала выкрикивать в его адрес угрозы и брань, которых к тексту роли вовсе не было. В конце концов, ее удалось успокоить. Несколько дней спустя во время ужина с Ларри она, ни с того ни с сего, с руганью набросилась на него. Пошли в ход и кулаки. Истерика продолжалась примерно час, потом Вивьен упала без сил и забылась тревожным сном. После пробуждения она не могла вспомнить ровно ничего. Раскаяние ее было бурным и искренним. Оба были очень напуганы — неужели этот кошмар будет повторяться? Увы, именно так и случилось. Врачи поставили неутешительный диагноз — маниакальная де-

прессия. Предчувствие приступов пугали Вивьен не меньше, чем сами приступы. Случалось это, чаще всего, в периоды, когда она переутомлялась во время репетиций на съемках. Тем не менее, снижать нагрузки она не соглашалась. Вивьен могла существовать только в постоянном творческом горении. Она блистательно играла на сцене, много снималась. В 1951 году жюри Каннского кинофестиваля назвало ее лучшей актрисой года. В 1952 году она получила второй Оскар за главную

женскую роль в фильме по пьесе Т. Уильямса «Трамвай "Желание"». Партнером ее был Марлон Брандо.

Болезнь жены угнетала и пугала Оливье. Его переполняло чувство сострадания к Вивьен, но поделаться с этим он ничего не мог. Их чувства друг к другу постепенно угасали. Огромная нагрузка в театре и в кино истощила физические силы Ларри, сдавали нервы. А Вивьен искала хоть какой-то выход из сложившейся ситуации. Антидепрессантов в то время не было, и секс стал своего

*Лоуренс
Оливье
с третьей
женой —
Джоан
Плоурайт*

Справа:
*Джон
Меривейл*

рода лекарством против приступов мучившей ее депрессии. Когда Ларри узнал, что у Вивьен начался роман с партнером по съемкам, он испытал нечто похожее на облегчение. Любовная связь Вивьен с актером Питером Финчем продолжалась с перерывами с 1949 по 1955 год. Во время съемок фильма «Слоновые тропы» на Цейлоне, где она снималась с Финчем, Вивьен однажды испытала сильнейший приступ депрессии. Прилетевший на остров Оливье был бессилен что-либо сделать. Режиссер вынужден был прервать работу. Вивьен самолетом отправили в Голливуд, а ее место заняла молодая Элизабет Тейлор.

Жизнь полна неожиданностей. Актрисе исполнилось сорок три года, когда стало известно, что она ждет ребенка. И она, и Ларри были счастливы. Но, увы, на четвертом месяце беременности у Вивьен случился выкидыш. (Остается лишь гадать, как сложилась бы в дальнейшем их совместная жизнь, если бы Вивьен стала матерью.)

Между тем в середине пятидесятых в прессе начали муссироваться слухи о семейных неполадках знаменитой пары. Вивьен и Ларри отвечали на вопросы журналистов крайне уклончиво. Однако ни для кого не было секретом, что теперь они крайне редко проводили время вместе. До Вивьен доходили слухи, что Ларри серьезно увлекся английской актрисой Джоан Плоурайт. Ей был 31 год, Ларри — 53. В театральных

кругах уже отрывисто говорили, что звездный брак фактически распался. Единственный человек, который в это не верил, была сама Вивьен. Она полагала, что, несмотря ни на что, их союз выдержит все испытания. Тем большим ударом стала для нее просьба Ларри дать ему развод. Несколько раз Вивьен приезжала к Оливье, умоляя его сохранить их брак. В конце концов, ей пришлось смириться. В начале декабря 1960 года нью-йоркский суд развел звездную пару, а в марте следующего года Оливье женился на Джоан Плоурайт. Смягчить этот удар Вивьен помог британский актер Джон Меривейл. Они были знакомы почти 25 лет, но только теперь

*Вивьен Ли
с Джоном
Меривейлом*

Справа:
*Вивьен Ли
в возрасте*

Вивьен оценила чувства, которые питал к ней Джон. Честный и порядочный человек, Меривейл отправил Оливье письмо, в котором писал о своей любви к Вивьен. Сэр Лоуренс, очень переживавший за свою бывшую жену, ответил Меривейлу, искренне пожелав обоим любви и счастья. Меривейл действительно очень любил Вивьен. Он был ей преданным спутником, всячески оберегал ее и помогал во время приступов. Вивьен, казалось, тоже любила его, но как-то призналась близкой подруге: *«Лучше прожить короткую жизнь с Ларри, чем долгую без него»*.

Увы, прожить долгую жизнь Вивьен Ли было не суждено. У нее с детства были слабые легкие. В 1945 году врачи диагностировали у нее туберкулез в начальной стадии, и ей

пришлось провести несколько недель в госпитале. Разумеется, потом были рецидивы, но сама Вивьен относилась к ним весьма легкомысленно. Когда болезнь обострилась летом 1967 года, она даже не подозревала, что заболевание приняло крайне опасную форму, и надеялась вскоре встать и отправиться в свой загородный дом в Сассексе. Судьба, однако, рассудила иначе. 7 июля Меривейл вернулся домой поздно вечером и обнаружил свою подругу лежащей на полу спальни. Вивьен уже не дышала. Как потом оказалось, легкие у нее были заполнены жидкостью, и она просто задохнулась. Меривейл немедленно связался с Ларри, который находился в больнице, поправляясь после серьезной онкологической операции. Тот сразу же

приехал. Меривейл провел его в спальню и оставил наедине с телом Вивьен. *«Я стоял там и молил Всевышнего простить нас за все те беды и несчастья, которые мы причинили друг другу»*, — вспоминал Оливье.

На следующий день все газеты мира вышли с заголовком: *«Умерла Скарлетт О'Хара»*. В тот же вечер огни всех лондонских театров были потушены. Театральный Лондон отдавал почеть великой актрисе.

Отпевали ее в лондонской католической церкви Святой Марии 12 июля 1967 года. Затем состоялась кремация в Голдерс Грин, а потом прах актрисы, по ее желанию, развеяли над маленьким озером в ее имении в Тикеридж Милл.

Лоуренс Оливье пережил Вивьен на 22 года. Его неоднократно объявляли величайшим актером Англии и даже всего мира, а также осыпали почестями. Ему был пожалован титул пожизненного пэра и барона Брайтонского. Его заслуги в кинематографе были отмечены четырьмя Оскарами.

Вивьен всегда преклонялась перед талантом мужа, добровольно уйдя в его тень. Однако и при ее жизни, и сегодня десятки миллионов зрителей по всему миру заполняют кинотеатры, включают телевизоры и Интернет, чтобы увидеть ее Скарлетт и леди Гамильтон. Дважды, в 1985 и в 2013 году, в Великобритании были выпущены марки с ее изображением. Такой чести удостоивались только члены королевской фамилии.

Да, они казались окружающим принцем и принцессой из волшебной сказки, рожденными для того, чтобы воплотить идеал истинной и вечной любви. Но, увы, даже сказки порой имеют печальный конец. И хотя считается, что Вивьен Ли умерла от туберкулеза, многие ее друзья полагали, что подлинной причиной смерти стала разлука с Ларри. Быть может, правы именно они? □

Песочная анимация — сиюминутное, зыбкое творение изящных рук, легких касаний, дыхания и энергии любви. Ксения Симонова — звезда мирового масштаба родом из Евпатории. Ее шоу заставляют плакать взрослых людей. Ведь образы, которым она дает жизнь, затрагивают глобальные общечеловеческие проблемы.

Мы не могли обойти вниманием такое необычное, яркое дарование и решили встретиться с ней. Ксения поделилась с нами историей своего творческого пути и планами на будущее.

Волшебный песок

— Ксения, расскажите, с чего все началось. Где учились песочной анимации?

— Такому не учат. Это путь исключительно для самоучек. Как начала...

Совершенно случайно, в конце 2008-го года. Я работала иллюстратором в крымском журнале, в который меня привел мой будущий муж. Затем мы отделились от этого издания и основали собственный журнал «Шоколад». Он просуществовал полтора года, пока не произошел кризис. Пришлось закрыть наше издание. Образовалась пустота. Журнал был для меня всем — работой, хобби, общением. Вакуум рос и ширился, как пустыня у Ницше, отчего у меня началась депрессия. Тогда именно и возник песок.

— Это была ваша идея, ни-спосланная небесами?

— Идея принадлежала моему мужу, я же понятия не имела об этом виде искусства. Однажды он принес домой мешок песка. Я взяла в руку горсть и бросила ее на стекло... Так перевернулась очень важная страница нашей жизни...

— Сразу получилось рисовать картины песком?

— Два месяца ничего не получалось, и я решила, что это не мое. Я занималась песком в крошечной комнатке съемной квартиры в старом фонде Евпатории, причем только ночью. Днем была мамой, воспи-

тывала годовалого сына Диму. Как вдруг, в одну из ночей, когда я уже хотела собрать песок обратно в мешок, произошло чудо. Все линии вдруг встали на места, и картина ожила! Спустя пару месяцев после знакомства с песком я поехала на кастинг УМТ, а через полгода выиграла в этом шоу, что кардинально и резко изменило мою жизнь.

— Проснулись, как в кино, знаменитой в одночасье?

— Да, это невероятная история! Казалось бы, так не бывает. Я и представить не могла, что одержу победу.

После успешного старта я выступала более чем в 70 странах мира, перед публикой в 100 тысяч человек и перед очень маленькими, в десять человек, залами. Встретила невероятное количество потрясающих людей, о которых можно написать отдельную книгу.

— Кто из знаменитостей вам аплодировал?

— Я много выступаю перед монархами, монаршими семьями и главами государств.

Лично знакома с королевскими семьями Бутана, Дании, Таиланда, Марокко. Мое шоу видели британская королевская семья, король Бахрейна, император Японии Акихито, королевская семья Норвегии.

— Сильно волновались, выступая перед важными персонами?

— Я чутко чувствую публику, перед которой выступаю. Монархи, это, в первую очередь, живые люди, испытывающие эмоции, такие же, как и все мы. Выступая для них, я стараюсь воспринимать их не как монарших или правящих лиц, а именно как личностей, с живым сердцем, умом и чувствами. Может быть, поэтому меня так любят приглашать главы стран. Мне важен человек, а не его титул.

— Вы занимаете призовые места на различных конкурсах. Какой опыт они дают?

— Знаете, для меня конкурсы не очень любимая тема. Я неконку-

рентный человек, скорее миролюбивый. Люблю заводить дружбу на таких мероприятиях, находить единомышленников и соревноваться с ними в мастерстве.

Единственный по-настоящему интересный конкурс Евровидение, где я выступала дважды. Это мероприятие, на котором весело, вне зависимости от результата. Волшебная «тусовка» творческих людей. Правда, каждое выступление требует колоссального труда.

После неожиданно обрушившейся на меня известности стали часто приглашать принять участие в различных проектах, организованных

в разных странах. Но я быстро поняла — одного раза достаточно. Когда участвовала в том первом шоу, я вообще не настраивалась ни на победу, ни даже на проход в финал. Просто была очарована атмосферой, новыми друзьями, работой — все было острым, ярким и интересным. В день полуфинала я с утра собрала чемодан, понимая, что на другой день, скорее всего, уеду домой. У меня была причина спешить — мы оставили маленького сына в Молдове у родителей мужа и очень хотели его увидеть. Но, к моему удивлению и, конечно, радости, меня объявили финалистом. После конкурса мы мчались на старенькой машине в Кишинев, и я знать не знала, что в это время творится в Интернете — в ту ночь мое выступление на Ютубе набрало более 2 мил-

Работы: *«Мамина любовь»*

Фото — Simonova.TV

лионов просмотров — для 2009 года это была космическая цифра.

— Какую работу показывали в финале?

— Историю для финала «Не опоздайте» я «родила» за ночь, за три дня до выступления. Мы собирались показывать «Маленького принца», но я чувствовала, что хочу сказать о большем. О чем-то из жизни здесь и сейчас. В итоге, отказавшись от первоначальной идеи, я никак не могла найти новую. И вдруг приходит письмо от одного волонтера. Она просила снять песочный ролик о маленькой девочке, больной раком. Подобного мы никогда не делали, и я не имела понятия, как. Ночью заперлись в комнате и, вместо того чтобы работать над выступлением в финале шоу, сняли наш первый благотворительный песочный ролик — «Настенька». Его просмотрело около

миллиона пользователей, но об этом мы узнали намного позже. Под утро я встала, перекрестилась, подошла к песочному столу и нарисовала, словно давно готовую от начала до конца, историю «Не опоздайте» о родителях. Именно с этим сюжетом я выступила в финале и, в итоге, победила.

— Недавно вы заняли третье место в конкурсе AGT Champions (чемпионский сезон шоу America's got talent), в Великобритании. Жюри аплодировало вам стоя. А что испытывали вы в этот момент?

— В середине прошлого года пришло приглашение на AGT Champions, от которого я изначально хотела отказаться. Но мне написали, что это битва победителей, и вы, как победитель, должны принять в ней участие. Я подумала и согласилась. В этом была большая доля азарта.

Мне стало интересно, я снова почувствовала радость совместного сопереживания чего-то большого, как на своем первом конкурсе. Ну, а главное — было что рассказать миру.

Первое выступление на том конкурсе я посвятила детям, которые борются с тяжелыми заболеваниями.

— Почему именно этой теме?

— Потому что она для меня важна. Она связана с моей работой в сфере благотворительности. Мы с мужем создали маленькое общественное движение «Живи, Сол-

нышко», это был, как говорил Чебурашка, клуб друзей. Мы хотели по мере сил делать что-то хорошее и делали, что могли. Помогали беременным женщинам в кризисных ситуациях, отговаривали от абортов и потом поддерживали. Одна из них оказала мне честь, и я стала крестной ее ребенка. Потом мы стали помогать детскому дому, адресно поддерживать некоторых людей, нуждающихся в помощи. Но главной своей волонтерской работой я считаю создание песочных видео о больных детках, которым нужно лечение.

У таких роликов несколько целей. Первая — поддержка ребенка. Он видит себя героем песочной истории, узнает родителей, родной дом, любимые игрушки и занятия. Для этого заранее изучаю его историю. Иногда эти рассказы о судьбе малыша читать настолько трудно, что ком в горле ... Порой, совершенно опустошенная, я подхожу к своему песочному столу и молюсь: «Господи, помоги мне оказать помощь. Помоги мне стать карандашом в Твоей руке. Чтобы я нарисовала то, что его порадовало бы и поддержало. Поддержало его родителей». Я изображаю печальные истории, но в конце их мой герой обязательно побеждает. Он видит себя в песочном фильме здоровым и веселым, возвращающимся к друзьям, в школу, в садик, к любимой собаке. Это дает больным силы, программирует их на победу над недугом.

— Сколько подобных терапевтических фильмов создано?

— Снято около 50 мини-фильмов. Каждого своего героя я помню по имени. К сожалению, большинство уже ушли... Как с этим жить? Не знаю. Я молюсь. Но ведь эти дети живут в моих роликах. Это память о них.

Некоторые ребята выздоравливают, и это для нас огромная радость.

— Что вас вдохновляет на творчество?

— Когда проживаю драматический путь моих героев, меня разрывает на части. И тут помогает вера. И еще материнство. Я люблю говорить, что родилась вместе со своими детьми. С рождением старшего сына Димы в мою жизнь пришло ощущение чуда, которое не проходит и по сей день, наоборот, только усиливается. Пришло понимание сверхценности человеческой жизни. Любой. Еще возникло ощущение, что каждый взрослый в душе остается ребенком.

Уверена, как творческий человек я состоялась благодаря материнству. Если бы не почувствовала всего того, что испытала, будучи мамой Димы, я бы никогда не создала историй, которые сейчас смотрят миллионы зрителей по всему миру.

А потом родился Сима, Серафим, и было Небо, спустившееся на землю, когда этот маленький человек пришел в мир...

— Какой работой вы покорили жюри на британском конкурсе?

— В финале я рассказала историю принцессы Дианы с помощью песка и снега. Эта персона для меня крайне важна, один из идеалов детства.

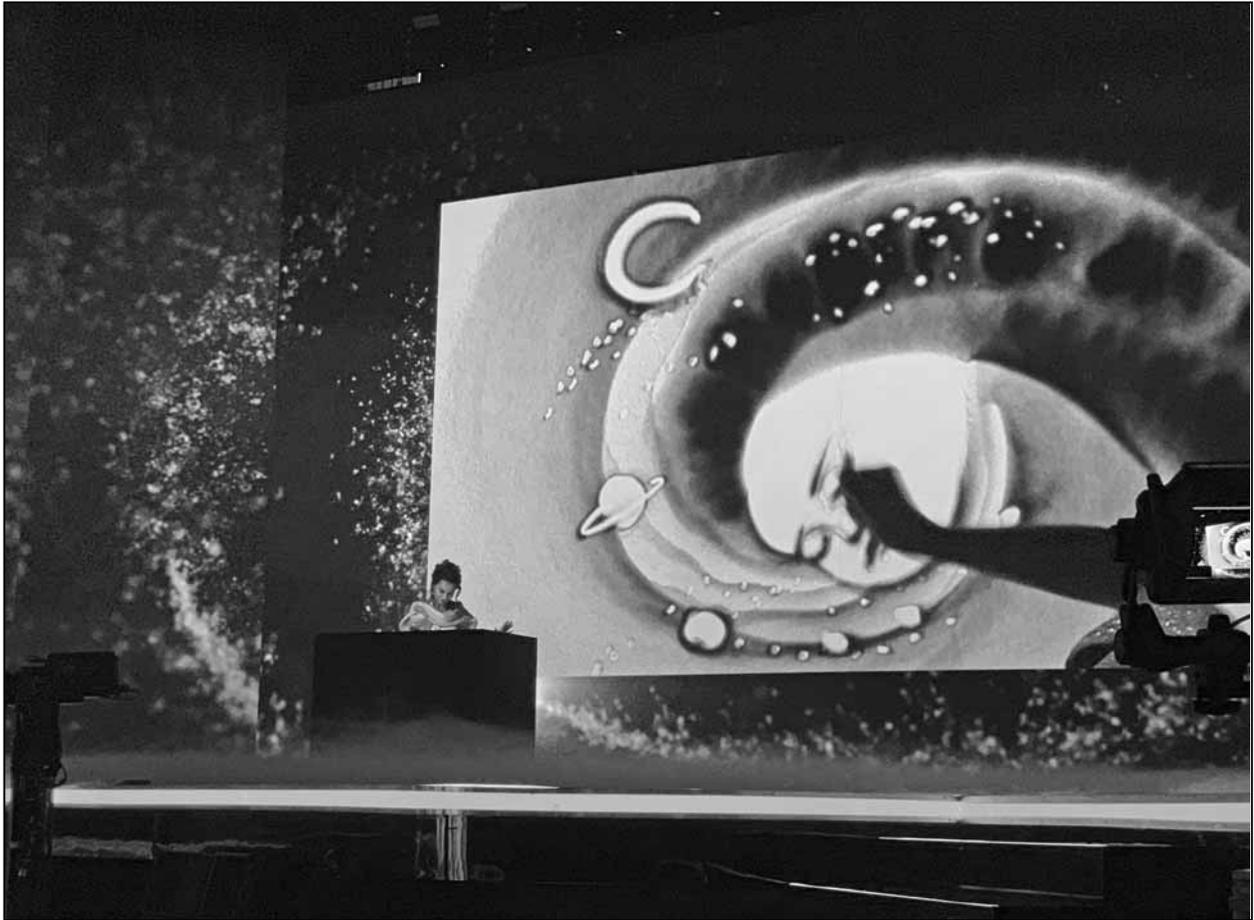
Я выступила в эфире британского ТВ, и судья Аманда Холден нажала золотую кнопку, дающую дорогу в финал без зрительского голосования. Аманда — человек, от которого такая награда особенно почетна. Она знает цену жизни. Была при смерти, месяц в коме. Глядя сейчас на эту красавицу, невозможно поверить, но это правда.

— Интересно, как готовитесь к выступлениям? Репетируете, делаете эскизы, пишете сценарии сюжетов?

— Где сценарии и эскизы, там нет жизни. История рождается в голове и вызревает в душе. Никто ничего не пишет. Я подхожу к столу с песком, прикасаюсь к нему, и рождается новый мир...

Как создаются мои сюжеты? Это частый и самый трудный вопрос. Скажу как есть — не знаю. То есть я, конечно, автор и художник, у меня есть образ будущей картины, но, как правило, лишь с этим зыбким образом я подхожу к столу, прикасаюсь к песку... а дальше, словно следуя за чьей-то уверенной и сильной рукой.

Часто, создавая ролики о больных, прочитав историю ребенка, пережив его боль и драму родителей, я не имею в голове ничего, кроме этой боли. Подхожу к столу, мо-

люсь, и история рождается сама. Так, кстати, появились мои самые известные работы, которые принесли мне победу — «Ты всегда рядом» и «Не опоздайте!»

— Бывают ли моменты импровизации на выступлениях?

— Практически все — импровизация, даже если сюжет продуман заранее. Это театр. Историю можно повторить, людей никогда. Персонажи всегда разные.

— Какая работа наиболее любима вами?

— Наверное, работы, посвященные больным детям.

— Волнуетесь ли перед выступлениями, готовитесь морально? Может быть, разминаете руки?

— Это не гимнастика, здесь дело не в разминании рук. Перед выступлениями читаю хорошие книги, пью чай, играю с детьми, пишу картины, рисую графику. Все это гармонизирует внутренний мир, дает ощущение покоя, необходимого для выступления.

— Есть сюжеты, которые мечтаете воплотить в будущем?

— Эпос и легенды стран мира. Истории стран в песке — это мне очень близко и интересно.

Еще есть одна девочка в Симферополе по имени Этери. Сейчас она на диализе в РДКБ на Титова. Потрясающий ребенок, молодая леди шести лет от роду. Она пережила онкологию почек, одной почки лишилась, вторая работает на 8%.

С ее замечательной мамой Эдие Мкртчян мы знакомы уже три года. Воспитывая шестерых детей при такой беде, она не ушла в себя, а основала общественное движение помощи детям «Этери — группа помощи детям онкогематологии Крыма». Большая семья Эдие ютится в однокомнатной квартире. Она постоянно куда-то пишет и звонит, пытаюсь найти помощь. К сожалению,

зачастую получает лишь стандартные отписки и отговорки.

Я хочу помочь этой семье посвоему. Снять о ней песочный фильм. На ТВ вряд ли возьмут, там эта тема никому не интересна — не политика и не жареные факты. Но есть Интернет, и он меняет мир. Мы меняем мир. Надеюсь, что и мой песочный фильм что-то изменит в судьбе Этери.

— Что должен иметь за душой художник, чтобы воплощать в песке различные образы?

— Не думать о том, какие бонусы он за это получит. Это важнейшее качество. □

Беседовала **Елена Митрохина**

Дмитрий Зелов

Страж Карельского перешейка

НА КУКУШКИНОМ ОСТРОВЕ

Первое упоминание о крепости, возведенной на Кукушкином острове посреди Вуоксы, относится к исходу XIII столетия (1295 г.). Тогда деревянную и слабо укрепленную от неприятеля Корелу, получившую свое название, вероятно, по наименованию проживавших вокруг карель-

ских племен, разграбил отряд шведских рыцарей, выступивших рейдом из Выборга под предводительством Сигурда Локке. Основателями крепости посреди бурной, порожиистой реки Узервы (а именно так в русских летописях именовалась Вуокса) были новгородцы. Уже в начале следующего столетия, в 1310 году, для защиты от все более досаждавших

новгородцам беспокойных шведских соседей была возведена новая, более мощная деревянная крепость. Примечательно, что средневековая Корела стала самым дальним северо-западным форпостом древнерусских земель. Кроме того, именно через Корелу проходила одна из «запасных» веток знаменитого военно-торгового пути из варяг в греки.

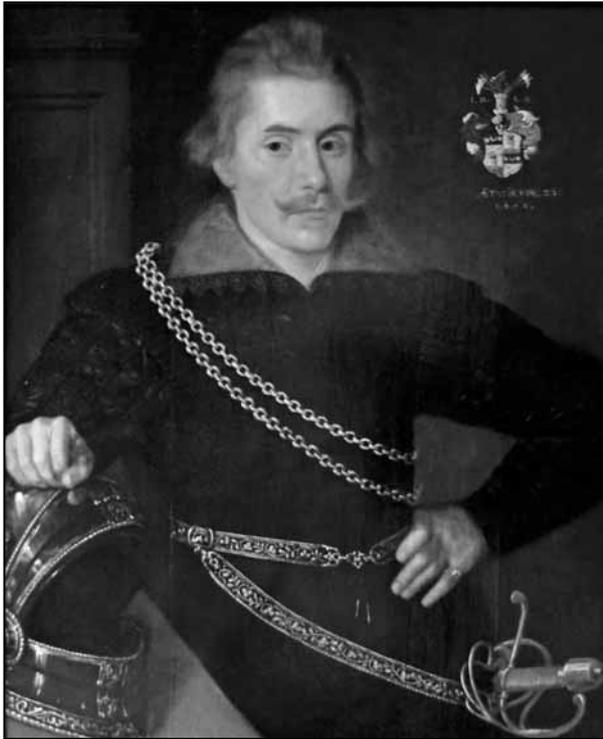
Остров, на котором стояла русская Корела, в местной топонимике издавна носил название Кукушкиного острова. Сей факт отсылал к тем далеким временам, когда водившиеся на нем в изобилии пернатые птицы не только умели виртуозно подбрасывать свои яйца в чужие гнезда, но еще и предсказывать своим знаменитым «ку-ку-ку-ку» окрестным жителям нити их судеб. Забегая вперед, отметим, что и шведы, и финны практически дословно воспроизводили название острова и расположенной на нем крепости: на шведском Kexholm — Кукушкин остров, а на финском Kkksalmi — Кукушкин пролив.

ШВЕДСКАЯ НАПАСТЬ, ИЛИ ТУДА-СЮДА ИЗ РУК В РУКИ

Шло время, одно столетие сменяло другое. Новгородская Корела росла и богатела, в ней появлялись массивные каменные здания. Она уже давно вышла за пределы небольшого Кукушкиного острова, крепостные укрепления были также возведены и на соседнем, в несколько раз превосходившем по площади Спас-

ском острове. Естественно, это не могло нравиться соседям, в первую очередь, Швеции. Впрочем, разведка боем, произведенная шведами в 1573 году, оказалась для них неудачной — штурм был отбит, и неприятель был вынужден убраться восвояси не солоно хлебавши. В течение последующих нескольких лет местные воеводы методично укрепляли и ремонтировали поврежденные врагами стены и башни Корелы: внутрь деревянных бастионов для усиления прочности на случай нового штурма набивали привозимую на остров землю.

Увы, затяжная и не слишком удачная для России Ливонская война требовала от государства все больше и больше людских и материальных ресурсов. Снабжение и финансирование отдаленных рубежей державы сокращалось и становилось нерегулярным. Воспользовавшись этой непростой для России ситуацией, талантливый шведский военачальник, француз по происхождению Понтус Делагарди, в конце октября 1580 года вновь осадил Корелу — главный опорный пункт русских на Карельском перешейке и в Северном Приладожье. В начале ноября шведы подвезли к Кореле артиллерию, и с помощью пушек им удалось поджечь раскаленными ядрами деревянные стены крепости. Зажатые в узком и тесном пространстве крепостного гарнизона, защитники Корелы задыхались от чадящего удушья дымом. Потери русских были очень значительными и составили

Якоб Понтуссон Делагарди

свыше 2 тысяч человек. Ввиду бессмысленности дальнейшего сопротивления гарнизон был вынужден сдаться. Противник, захвативший стратегический пункт и получивший контроль над всем Карельским перешейком, переименовал Корелу в Кексгольм. Тогда же было образовано Кексгольмское герцогство, на гербе которого были отображены события осады осени 1580 года: горящая крепость, золотые языки пламени с красными отсветами и два пылающих пушечных ядра.

Впрочем, шведы владели Кексгольмом совсем недолго. Вскоре после окончания Ливонской войны между Россией и Швецией, так и не решивших свои территориальные претензии друг к другу в северо-западном углу Прибалтики, вспыхнула новая война (1590-1595гг.). По ее

окончании, согласно условиям Тязинского мира, Корела вновь вернулась под крыло московского двуглавого орла. Однако за полтора десятка лет владения крепостью шведы произвели в ней столь значительные фортификационные изменения, что следы их мы можем видеть и сегодня. Проще говоря, они полностью перестроили крепость, одев ее в камень. По образцу западноевропейских бастионных укреплений в Кексгольме появились рондели — невысокие полукруглые выступы стен, не защищенные сверху и составляющие вместе с пряслами единое целое. В западной части Кукушкиного острова была сооружена двухъярусная каменная башня высотой в 8 метров и толщиной стен нижнего яруса в 4 метра. Это типичное для конца XVI столетия шведское оборонительное сооружение за свои формы получило название Круглой башни.

В начале следующего столетия на Руси началось Смутное время. В условиях, когда судьба Отечества висела буквально на волоске, боярский царь Василий Шуйский пообещал шведам во главе с Якобом Понтуссоном Делагарди (сыном того самого Делагарди, что захватил крепость в 1580 году) за помощь в усмирении Смуты Корелу с уездом. Однако местное русское и карельское население позорное решение из Москвы о передаче их в шведское подданство попросту проигнорировали и встали на защиту родного края, сформировав местное ополчение. Изнурительная осада длилась более

полугода: с сентября 1710-го по март 1711-го года. Лишь с большим трудом шведам удалось подчинить Корелу с округой своей власти. Город новыми хозяевами был вновь переименован в Кексгольм.

ПОД СЕНЬЮ ДВУГЛАВОГО ОРЛА РОССИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Ровно век находилась Корела под шведским владычеством. За это время крепость Кексгольм пережила опустошительный пожар 1634 года, после которого уцелела лишь Круглая башня да четыре двора; и длившуюся почти три месяца русскую осаду в июле-сентябре 1656 года в ходе очередной русско-шведской войны. Артиллерийский огонь русских нанес тогда Кексгольму значительный ущерб. Отбив неприятеля от

своих стен, шведы исправили повреждения, а также со временем облицевали камнем и нарастили до 6-7 метров крепостные куртины и бастيونы. Восемнадцатое столетие шведский Кексгольм был готов встретить во всеоружии.

Фортуна переменчива и очень капризна. Получив под стенами Нарвы в 1700 году жесточайшее поражение, юный российский царь Петр извлек урок из разгрома своих войск и, к изумлению всей Европы, довольно быстро превзошел казавшегося непобедимым противника. В первое десятилетие XVIII века шведские крепости в Ингерманландии стали сдаваться под натиском русских одна за другой. В 1710 году пришел черед и для шведского Кексгольма. В разгар лета 1710 года выступившие из-под Выборга осадные войска

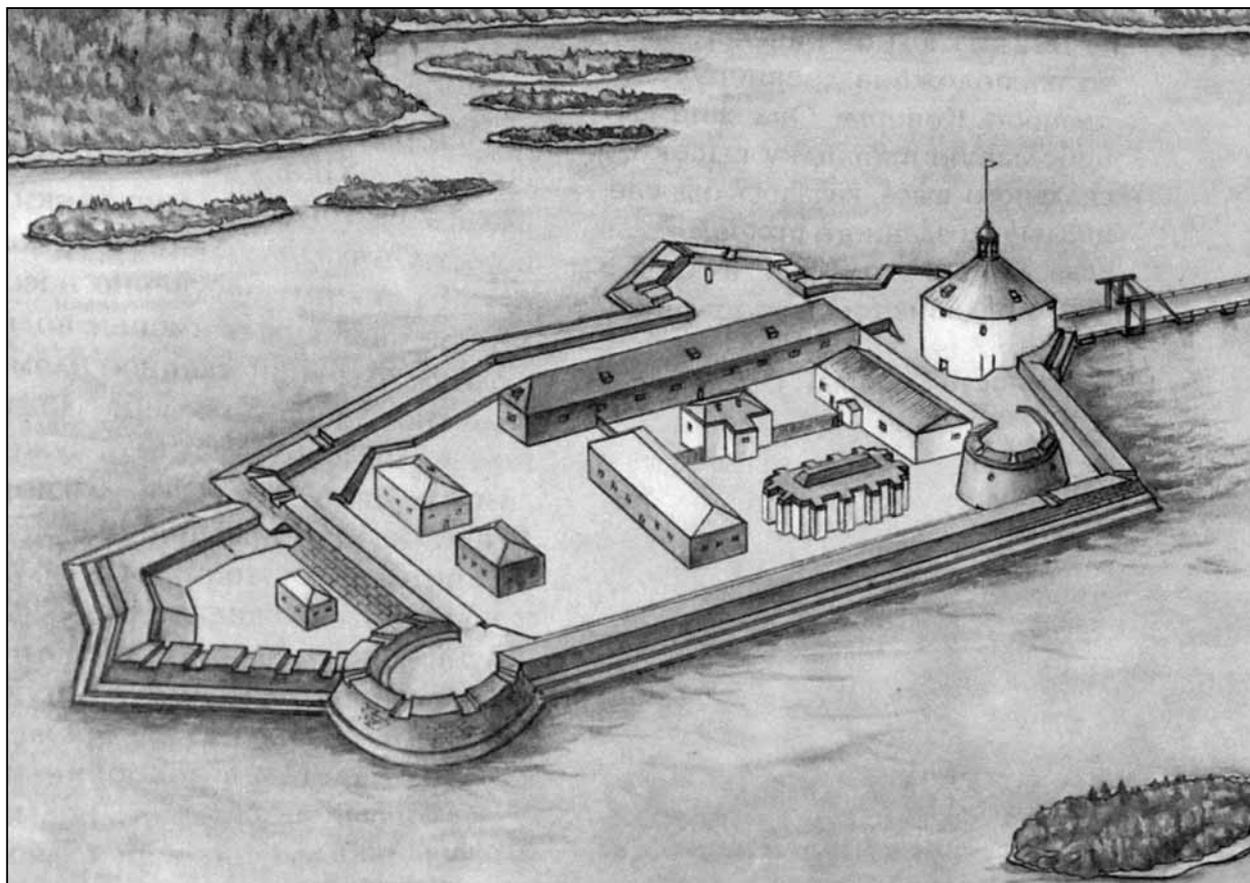
под командованием генерал-майора Романа Вилимовича Брюса (старшего брата того самого, согласно народной молве, «мага и чернокнижника» Якова Брюса, который смотрел на звезды, сидя в своем кабинете на самом вершине Сухаревой башни) блокировали Кексгольм. Отрезанный от внутренних районов шведской Финляндии, ровно через два месяца после начала осады гарнизон Кексгольма под началом полковника Шернтанца сдался на милость победителя. Еще одна шведская твердыня пала, а весь Карельский перешеек перешел под власть российской державы. В честь знаменательного события была выбита ме-

даль, а Роберт Брюс, ставший первым обер-комендантом Санкт-Петербурга, был произведен в генерал-лейтенанты. Ныне в Круглой башне, являющейся частью комплекса историко-краеведческого музея «Крепость Корела», можно воочию увидеть легендарный экспонат — ворота Петра Великого. По легенде, в честь взятия крепости царь приказал обить одни из ворот трофейными шведскими доспехами. После окончания победоносной для России Северной войны крепость, сохранившая прежнее шведское название Кексгольм, вскоре утратила свое военно-стратегическое значение. И вот здесь начинается самое интересное...

ТАИНСТВЕННЫЕ УЗНИКИ

По примеру многих отдаленных крепостей Европы, крепостной замок в Кексгольме стал использоваться как место изоляции для неугодных или опасных для режима индивидуумов. Попросту говоря, тюрьма. После восстания на Сенатской площади здесь в одиночных камерах в разное время отбывали наказание некоторые из декабристов. Например, более года просидел друг Пушкина по Лицею Вильгельм Кюхельбекер. А вот несколькими десятилетиями ранее в Кексгольмской крепости томилась в неволе...семья Емельяна Пугачева. Там одновременно находились в заключении первая и вторая жена Пугачева: законная супруга Софья

Дмитриевна и юная казачка Устинья Петровна, пробывшая женой предводителя бунта всего 10 дней. А также дети от первого брака: девятилетний Трофим, шестилетняя Аграфена и трехлетняя Христина. Обеих жен и дочерей Емельяна Пугачева поместили в сырую и холодную камеру Круглой башни, а сына Трофима — в отдельный каземат на гауптвахте. Для того чтобы хоть как-то согреться, узники были вынуждены разжигать огонь прямо на полу. Кормили секретных арестантов скудно, да и на обязательных работах совсем не жалели. О поведении узников тюремное начальство должно было регулярно докладывать в Тайную канцелярию Сената.

Сменивший в 1796 году на престоле Екатерину II ее сын Павел I к судьбе томившегося под стражей пугачевского семейства остался равнодушен. В начале XIX столетия, в 1802 году, в крепости побывал царь Александр I, который смягчил режим пребывания узников, разрешив им проживать в городе, и назначил пенсию в размере 25 копеек в день. Тогда же из порохового погреба крепости императором был освобожден узник Безымянный: безобидный, но желавший внимания к собственной персоне переводчик Коллегии иностранных дел Иван Паркин, выдававший себя из-за внешнего сходства с императрицей за сына Екатерины Великой от ее связи с графом Никитой Ивановичем Паниным. (Его младший брат генерал-аншеф Петр Панин был активным участником подавления Пугачевского бунта и пленил в 1774 году самого главного зачинщика восстания.) В 1833 году Александр Сергеевич Пушкин, собиравший материалы к своей «Истории Пугачевского бунта», попросил у императора Николая I соизволения посетить в Кексгольме Христину — единственную остававшуюся в живых из семейства Емельяна Пугачева. Но когда навели справки, оказалось, что младшей дочери знаменитого казачьего атамана совсем недавно не стало.

МЕТАМОРФОЗЫ XX СТОЛЕТИЯ

После признания в самом конце 1917 года большевиками независи-

мости Финляндии Кексгольм, сменивший свое название на Кякисалми, оказался в стране Суоми. Дело в том, что еще с 1811 года Кексгольмский уезд территориально относился к входившему в состав Российской империи Великому княжеству Финляндскому. Но уже в марте 1940 года, после поражения финнов в войне с красными в ходе Зимней войны 1939–1940 годов, Кякисалми вновь отошел к России и вновь сменил свое название на Кексгольм. А всего лишь через полтора года финны отвоевали эти территории и снова сменили название города на Кякисалми. В ходе Второй мировой войны сам город был сильно разрушен. Крепости же повезло больше. Когда Красная армия в 1944 году отвоевала эти земли обратно, городу вновь вернули старое шведское название Кексгольм. А спустя четыре года сменили его на нейтральное Приозерск — ведь город стоит почти что на берегу огромного Ладожского озера, — так он называется и поныне.

...Вот уже более полувека на территории Старой крепости действует прекрасный историко-краеведческий музей-крепость «Корела». Его сотрудники бережно хранят для посетителей разнообразные и, несомненно, уникальные экспонаты и артефакты, позволяющие любознательным туристам и путешественникам соприкоснуться со славными и трагичными, широко известными и порой совсем забытыми страницами нашего Отечества. □

КРАСАВИЦЫ

царя Касаппы I

В 1831 году отряд британских солдат (78 отважных шотландцев) под командованием бравого майора Джонатана Форбса возвращался домой, в свой гарнизон, из Поллонарувы, тогдашней столицы Цейлона (так тогда назывался остров Шри-Ланка). Неожиданно на пути британцев возникла величественная скала, покрытая кустами, с руинами древнего города. Это была Сигирия (или Львиная гора, как ее называют на Шри-Ланке), памятник давно ушедшей культуры, народа, жившего много веков назад на территории острова. Конечно, Форбс и его солдаты тогда этого не знали, но грандиозные развалины, сам вид скалы, возвышающейся над джунглями, произвел на них впечатление. Конечно, Форбс рассказал об этой горе с развалинами начальству, но британские власти были тогда озабочены совсем другими проблема-

ми — они укрепляли Британскую империю, и известие о каких-то руинах в джунглях их совсем не заинтересовали. Только через 60 лет в Сигирию приехали профессиональные археологи. Начались исследования, были обнаружены уникальные фрески, и в 1907 году историк Джон Стил описал «огромную картинную галерею» Сигирии, по его словам, «возможно, крупнейшую картину в мире». Но должно было пройти еще 70 лет, чтобы Сигирия стала настоящим местом паломничества историков и археологов — в начале 1980-х годов по инициативе шри-ланкийского правительства здесь начались широкомасштабные работы. С 1982 года Сигирия — памятник Всемирного наследия, состоит под охраной ЮНЕСКО.

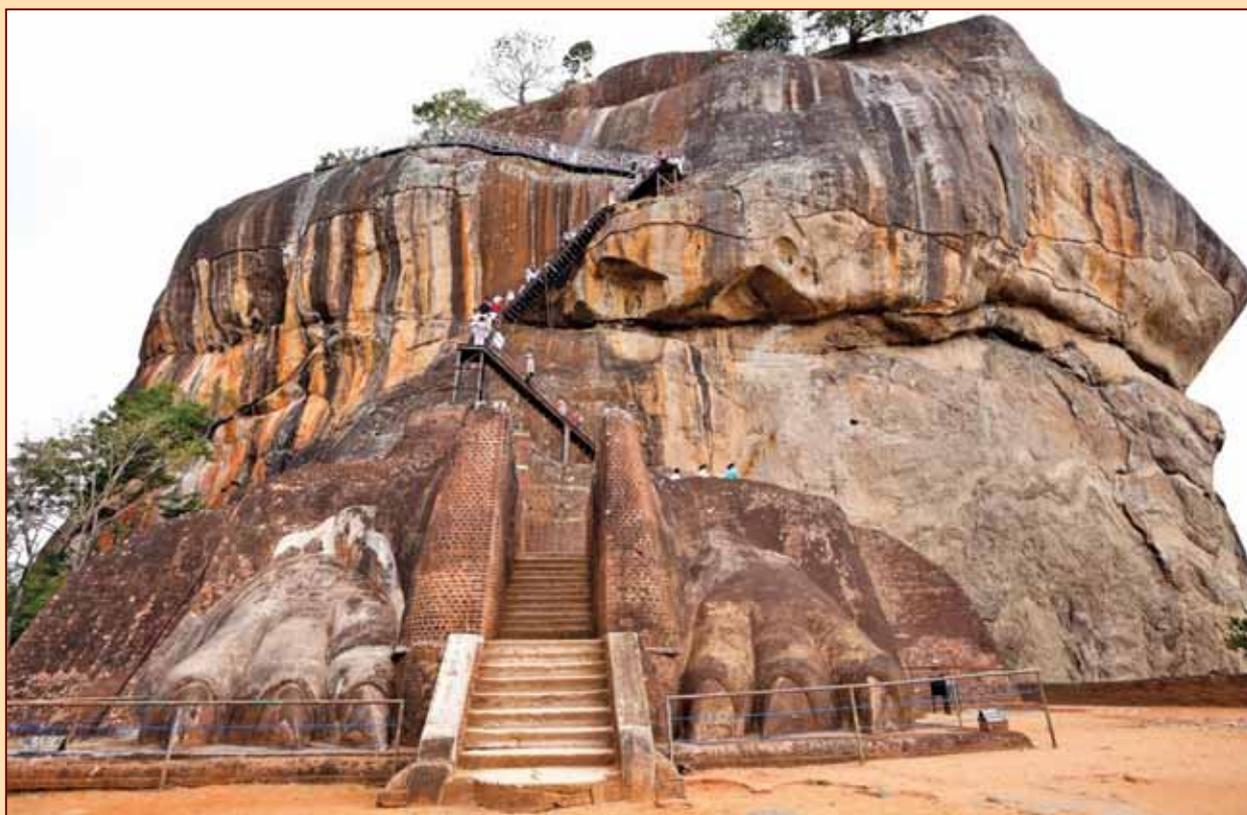
Скала Сигирия (150 метров над уровнем моря) возвышается, словно фантастическая сахарная голова над окружающими ее джунглями. Она расположена в 200 километрах от столицы Шри-Ланки Коломбо. Сегодня к ней ведет удобная трасса, по которой везут туристов со всего мира, — приехать на Шри-Ланку и не посетить Сигирию просто невыносимо! Сюда едут, чтобы увидеть удивительную галерею, которую историки называют чудом света. Это прекрасные картины, созданные древним мастером, — портреты прелестных дам, запечатленных на древних фресках Сигирии и не теряющих своего очарования уже несколько столетий...

С созданием этих фресок связана легенда, в которой много вымысла, но, по-видимому, и много правды.

Жил на этой земле (дело происходит в конце V века) царь Дхатусена, и было у него две жены — одна, красавица, но простолюдинка, а вторая — высокородная, но уродина. Понятное дело, царь любил красавицу, только вот та его не очень любила, зато вторая жена, уродливая аристократка, царя обожала и была ему всецело предана. Обе жены родили царю по сыну. Касаппа, сын красавицы, пошел в мать, был тоже красив, но отличался коварством и жад-

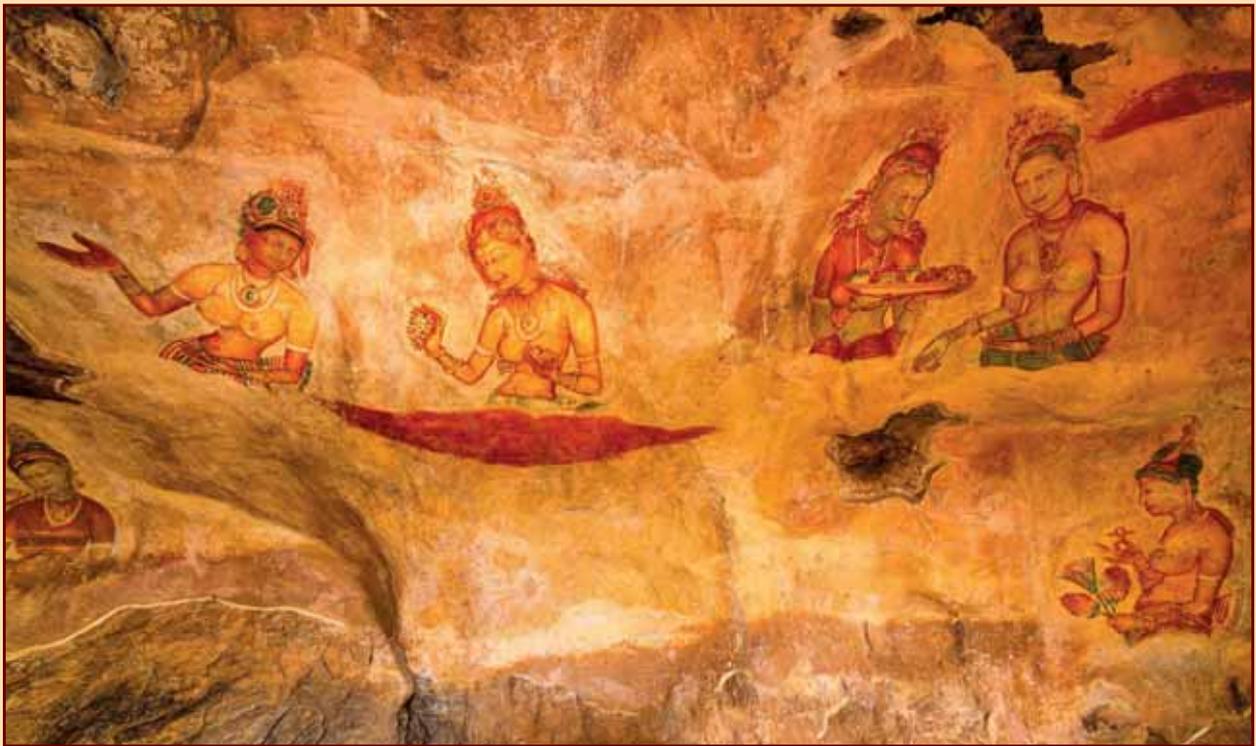
ностью. И сын аристократки, Моналлана, тоже пошел в мать — был уродлив, но добр и справедлив. Еще у царя Дхатусены была дочь, которую он обожал и всячески лелеял. В жены он отдал ее командующему конницей, смелому, отважному воину. Все было хорошо, да только не понравилась принцесса свекрови, и та стала строить ей всяческие козни, даже побивала порой. В общем, была принцесса глубоко несчастлива. Узнав о том, что его любимую дочь

обижают, царь возмутился, а уж когда увидел следы побоев на ее белом стройном теле, пришел в ярость и приказал заживо сжечь мамашу ее мужа. А тот был близким другом Касаппы и, движимый жаждой мести, подговорил Касаппу совершить переворот и захватить власть в стране. И вот тут Касаппа, уже давно мечтавший о троне, понял — пришло его время. Он убил отца, замуровал его в крепостной стене и провозгласил себя царем. Правда, у него была одна проблема: брат Моналлана, который тоже мог претендовать на трон, причем по праву рожденного от аристократки. Но ведь и его можно было убить, чтобы не мешал! Однако умный Моналлана, понимая, что его жизнь в опасности, бежал в Индию и таким образом сумел уцелеть.

Касаппа, обретя власть, не обрел покой. Народ его ненавидел — ну как можно было любить отцеубийцу? Его ненавидел собственный брат, умный и дальновидный, способный в любой момент вернуться из изгнания, напасть и, кто знает, может, и одержать победу... И тогда Касаппа решил построить крепость, захватить которую не сможет никто из его врагов. После долгих поисков он нашел подходящее место — это была высокая неприступная гора, на вершине которой и был выстроен город Сигирия, новая столица, устроенная так умно, что ее могли охранять от огромных армий всего лишь два воина.

К крепости вела дорога, которая упиралась в крутую лестницу. Ее охранял огромный лев — сегодня сохранились только его когти размером в три человеческих роста.

(Вот откуда возникло название Львиная скала). Голова и туловище этого гигантского льва уже давно разрушены временем, но тогда, в годы правления Касаппы, его можно было увидеть за десятки километров от Сигирии. Материалом для скульптуры послужил кирпич, покрытый слоем известки. (С каким мастерством он был сделан, можно судить по сохранившимся когтям: все детали выполнены так тщательно, что воспроизведены даже шерстинки на лапах.) Между лапами льва и начиналась лестница, которая вела на вершину скалы, к дворцу правителя. Поднимаясь по ней, гость Касаппы попадал в длинную извилистую галерею, огибавшую скалу. С одной стороны — каменный парапет, отполированный так, что можно было увидеть свое отражение в нем, недаром его называют «зеркальная стена», а с другой —

отвесная горная стена. И на высоте 15 метров над галереей, на этой стене, неизвестный мастер создал фрески, на которых великолепно и очень реалистично изображены, причем в человеческий рост, очаровательные девушки. Они практически обнажены. Их тела золотистого и оливкового цвета, профили греческие, хотя разрез глаз восточный. На них множество украшений — в волосах, в ушах, на руках и на длинных изящных шейках. Нередко девушки держат разные плоды и цветки лотоса. (Для росписи использовались природные минеральные краски, которые наносились на слой сырой штукатурки.) На внутренней стороне парапета посетители Сигирии, переполненные впечатлениями, оставляли надписи, в которых выражали свой восторг от увиденного. Например: «Мое сердце трепещет, когда я смотрю на этих пре-

красных дам». Рядом — другая надпись: «Она отягощена пышными грудями; ее тонкая талия украшена прекрасным поясом. Ее глаза подобны голубой водяной лилии. Кто же эта очаровательная дева?!» Сегодня в этой своеобразной «Книге отзывов» около 685 одних только стихотворных произведений (они относятся в основном к VII–XI вв.) Искусство

художника было столь велико, что казалось, дамы с фресок вот-вот заговорят, и их молчание объясняли дурным характером прелестниц, а авторы некоторых надписей считали, что нарисовал их сам царь Касаппа. (Дошедшие до сегодняшнего дня 20 изображений — лишь незначительная часть грандиозной фрески. Об этом гласит и надпись, сде-

ланная в V веке: «Пятьсот юных женщин в своем великолепии подобны венцу славы царских сокровищ». Причина гибели фресок — высокая влажность: год за годом в сезон дождей осадки вызывают большие разрушения древних памятников.)

Поднимаясь по винтовой лестнице, гость царя, наконец, попадал на вершину скалы, где стоял город Касаппы. Дворец окружали великолепные сады с отделанными мрамором фонтанами, с прохладными ручьями и живописными озерцами, посреди которых были рукотворные островки с изящными павильонами. Вода в парковые пруды поступала по специально проложенным под землей трубам.

Дворец был сложен из сотен тысяч кирпичей, доставленных наверх ценой невероятных усилий. Люди, создавшие полторы тысячи лет на-

зад это чудо, позаботились обо всем, и даже продумали дренажи, дабы в сезон дождей потоки воды не уничтожили дворец и все вокруг него, позаботились они и о системе водоснабжения. Инженерная мысль подданных Касаппы восхищает и сегодня!

Восемнадцать лет правил Шри-Ланкой Касаппа, но не мысли о том, как сделать жизнь народа лучше, занимали царя — все в стране знали о его пирах и пышных празднествах, о его распутных забавах и развлечениях. Однако всему приходит конец, и наступил день, когда его брат, собрав большую и сильную армию, вернулся на родину и пришел в Сигирию. Его победа была неизбежна, и, осознав свое поражение, гордый Касаппа, не желая попасть в руки противника, перерезал себе горло. (По историче-

ским источникам, это случилось в 496 году).

Моналлана не стал жить в Сигирии, где все напоминало ему о брате, — он вернулся в прежнюю столицу острова Анарадхапуру. Постепенно Сигирию, крепость отцеубийцы и самоубийцы, люди забыли, и ее поглотили непроходимые джунгли...

Прошло несколько веков, и сюда забрели странствующие буддисты, проповедовавшие течение махаяна — они пришли сюда не от хо-

рошей жизни, а спасаясь от преследовавших их последователей ортодоксальной школы буддизма — тхеравады. Так на скале Сигирия возник монастырь. Но и монахи примерно в 1150 году по неизвестной историкам причине тоже покинули это место — наверное, мир, созданный убийцей Касаппой, не пришелся по вкусу буддистам махаяна. И вновь Сигирия осталась наедине с джунглями, отдавшись полностью их воле.

Так было долгие годы, пока сюда в 1831 году не попали доблестные солдаты майора Форбса...

Сегодня древний памятник снова вернулся к людям, и снова можно увидеть эту фантастическую галерею — фрески Сигирии. Вот они, эти красавицы, написанные в человеческий рост, — почти обнаженные, прикрытые ниже бедер то ли облаками, то ли волнами, они часто стоят парами, белая и темнокожая, наверное, госпожа и служанка. Кто они? Ученые до сих пор не дали точного и окончательного ответа на этот вопрос. Одни утверждают, что это апсары, полубогини, духи облаков или воды, небесные танцовщицы, бросающие на землю цветы, — недаром девушки порой словно летят над облаками, а между бровей у них на лбу священный знак «урна». Об этом же говорит и древняя надпись, принадлежавшая какому-то посетителю: «Обдумав все, что мне говорили, я так решил возникший вопрос: это небесные апсары спустились на землю». Другие историки уверены, что на фресках — символическое изображение молний в облаках. Есть и такое мнение: художник изобразил похоронную процессию. Но, скорее всего, на фресках — наложницы Касаппы, услаждающие его жизнь. В пользу последнего предположения говорит одна из надписей: «Останемся в гареме царя, мы не должны уходить, когда его с нами нет».

Так или иначе, ясно одно — художник Сигирии изобразил своих

современниц, красивых, полных любви и несущих людям любовь, чувственных, женственных, манящих в свой чудесный мир. Он написал тех, кого хорошо знал, воспел жизнь, ее радости и печали. И сделал это так, что и сегодня, когда от его грандиозного творения сохранилась столь малая часть, мы не можем не восхищаться его поразительным мастерством.

Однажды некий маньяк захотел убить красавиц Сигирии — доделать то, что не успели годы и дожди. Пока его не остановили, ему удалось нанести фрескам серьезные повреждения. К счастью, его гнусный замысел не увенчался успехом.

В истории такое бывало не раз — истинная красота нередко возбуждает желание уничтожить ее. Вспомним, к примеру, «Даная» Рембрандта, «Венеру с зеркалом» Веласкеса...

Немногие сегодня назовут имя царя Касаппы, правившего на Шри-Ланке в V веке, немногие вспомнят трагические обстоятельства, приведшие его к власти, и его трагическую смерть — его деяния остались в далеком прошлом, а вот искусство мастера, создавшего когда-то для Касаппы фрески, и сегодня, спустя 16 столетий, живет в памяти человечества. О фресках Сигирии пишут серьезные исследования, увидеть их приезжают ценители искусства со всего мира. Память о художниках бывает порой гораздо прочнее и живет гораздо дольше, чем память об их венценосных заказчиках... □

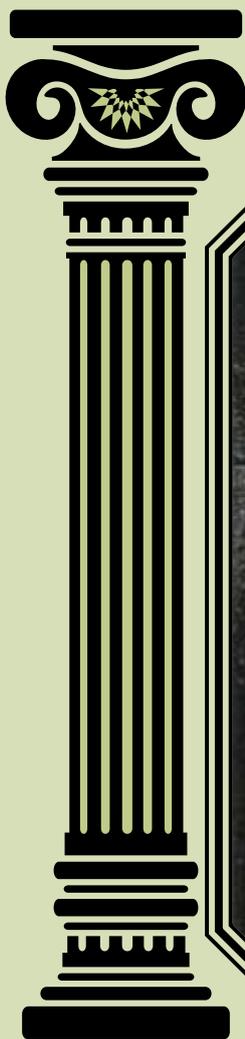

АКАДЕМИК из Арзамаса

Имя Ступина должно занимать почетное место в каждом трактате о живописи нашего Отечества, служа синонимом доблести и любви к искусству, которому он посвятил всю свою жизнь.

А.Н. Андреев, искусствовед, 1857 год.

*Александр
Васильевич
Ступин*

...То утро в городе Арзамасе, как и всегда, начиналось с восхода солнца...

Он открыл глаза и в полудреме рассматривал верхний уголок окна, за которым польхал золотым светом кусочек неба, и вдруг удар в грудь — день сей — судьбоносный! Он ждал его, веря и не веря, но чувствовал сердцем, что без «дела этого» не будет настоящего удовлетворения, и пропадут для него счастливые дни жизни.

Прямо словесами выговаривала его душа — «даже личные успехи в искусстве не доставят тех радостей, какие ждут тебя на этом пути — самим тобою начертанном»...

«Восход — начало новой жизни! — подумал он. — Что сулит она — такая манящая?»

Так пришел долгожданный летний день 1802 года...

Александр Васильевич Ступин, окончивший Императорскую Академию художеств в Петербурге, вступал в новый этап — сам становился наставником, учителем, воспитателем, словом, проводником юных душ в мир прекрасного — мир искусства! Как долго мечталось, и вот мечты так просто обратились в реальное событие — открытие собственной школы! Первой провинциальной частной школы живописи и рисования на всю огромную Россию! Для способных детей всех сословий, даже крепостных! Он же сам установил «высший закон» школы. В ней будет «править бал» одно и самое главное — наличие таланта! Истинное мерило, которое он, как художник и учитель, должен блюсти, как зеницу ока, при отборе учеников...

Эхо слухов разнеслось по городу посредством «сарафанного радио», что в Арзамасе открывается художественная школа — народу собралось неожиданно много. Уж очень необычное дело учреждалось, особенно учитывая, что речь идет о глубинке страны. Загадочным для земляков Ступина было подобное заведение в бытовании их жизни. Оценили это начинание только местные помещики, владельцы «дворянских гнезд», у них всегда была нужда в оформлении своих вотчин и семейных храмов. Всегда требовались талантливые художники, архитекторы, садовники и декораторы для самых разных работ, где созидалась красота. Господа знали — выписывать мастеров из столиц дело затратное, и подготовка своих арзамасских мастеров было делом не только престижным, но и очень нужным!

Выглядело все в тот день празднично. Люди пришли нарядно одетые, военный оркестр играл бравые мелодии. Это смущало оробевшего Ступина — главного «зачинщика» городского действия. Явился городничий Юрлов и городской голова, купец первой гильдии Степан Цыбышев. Почетных гостей усадили в кресла, и они, поднимаясь, говорили краткие речи.

Первыми в здание вступили священники — как и подобает в любом начинании дела общественного, состоялось освящение школы.

А гости все прибывали и прибывали... Сам виновник столпотворения стоял рядом с городничим и — очень волновался. Перекладывал из руки в руку маленькую папку, где был список привлеченных к учебе учеников, и не верил во все происходящее. Слушая приветственные речи, как-то вдруг отстранился от происходящего — и все, предшествовавшее сему дню, ярко всплыло перед глазами...

...Саша Ступин жил, как и все другие дети. Была мать, добрая и ласковая, заботливая и любящая, а отца не бы-

ло. Мальчик видел, что у дружков его есть отцы, но из робости вопросов матери не задавал. Она тоже

А.В. Ступин. «Вид города Арзамаса»

молчала, не касаясь болезненной темы. Так и жили... Бедновато — как могли.

И все же тягостный разговор со слезами случился... Как-то Саша услышал за спиной чьи-то колкие, злые слова: «Не родной Сашка — приемыш! А она, стало быть, — мачеха!» Проняло его крепко. Он с ужасом подумал: «А если правда? За что мне такое? За грехи и непослушание?» Неожиданно открылся «секрет» его происхождения, и Саша, не сдержавшись, зарыдал.

После того случая мальчик впал в задумчивость. Вставал рано и уходил из дома, долго бродил где-то, возвращаясь только к вечеру. А однажды, набравшись духу, прямо спросил у матери: «Правду ли болтают, что ты, маманя, мне не родная?»

Не устояла Анисья Степановна — плюхнулась на табуретку, заплака-

ла... И сквозь слезы да рыдания все рассказала... На самом деле, он ей не родной, рожден другой матерью, но она давно уже померла.. А отец... Да что отец?!.. Крутнулся на каблучке, будто и не бывало ребеночка, и завеялся куда-то. Сыщи, где он ныне! И все же, открыв мальчику тайну его рождения, Анисья Степановна не сказала ему о его дворянском происхождении. Жизненный опыт удержал ее — а вдруг возомнит о себе несбыточное, так ведь и жизнь молодую можно сгубить. Пускай возмужает, о жизни поболее узнает, тогда правда его сама найдет. Выслушав ее, Саша взглянул на мать, в глазах которой светились доброта и любовь, подошел к ней и, обняв, стал гладить ее вздрагивающее худенькое плечико... Она все равно, несмотря ни на что, была для него настоящей родной матерью, такой дорогой!

А.В. Ступин

Справа:

*Н.М. Алексеев.
«А.В. Ступин
с учениками»*

Жизнь продолжалась, как и у всех, главным было — раздобыть средства к существованию. У всех вековая забота — прокормиться...

Анисья Степановна, подумав, рискнула открыть палатку для торговли всякой хозяйственной мелочью. Ей требовалась помощь, а он у нее был один. И Саша оказался сидельцем-торгашом. С раннего утра до позднего вечера — без выходных. Только и теплилась надежда, что маманя придет да подменит хоть на полденечка...

Торговля — дело хлопотливое, требующее серьезного внимания, она отнимала все жизненное время. Будни текли невыносимо скучно, и

только по воскресным дням настроение у Саши поднималось. Цветистой становилась базарная толпа. Какие типы являлись на базарной площади! А фасоны одежек! А характеры и физиономии! Чудные и необычные... Он хватал карандаш и на бумагах, какие маманя выдавала для торговых записей, зарисовывал... А когда не оставалось места, рисовал прямо на стенке палатки. Маманя ругалась и за испорченные бумаги, и за испачканные стены, даже подзатыльниками одаривала...

Так в базарной палатке, среди пыльной площади, проявились у Саши первые рисовальные потуги. Вна-

чале будто от невыносимой скуки сидения, а потом уже от появившегося страстного желания запечатлеть людей, их внешность и даже выражения лиц. Но, увы, никак не получалось, хоть плачь... Видел — ярко и красочно, а получалось...коряво и некрасиво...

До отчаяния Саша не доходил, тут же принимался за новый рисунок, забывая о маманиных подзатыльниках, брал тетрадку для приходных записей и — рисовал, рисовал, рисовал...

Задумал изобразить старого Каюма, который напротив его палатки торговал тюбетейками. Это был бед-

ный и очень добрый пожилой татарин. Палатки у него не было, торговал с рук — в прямом смысле. Укрепил на двух палках подобие зонта, и от дождя так укрывался, и от жары. Зато целые гирлянды разноцветных тюбетеек красовались на длинных веревках. Дед Каюм привязывал концы веревок за ветки кустов сирени, и они растягивались от его лавки метров на пять и больше. У самого Каюма всегда на голове красовалась тюбетейка, уже бесцветная от пыли, грязи и такая засаленная, казалось, пора выбросить — но куда там! Старик отшучивался: «Да я рада бил би, так моя тюпка приросла

*А.В. Ступин.
«Портрет жены
художника
Е.М. Ступиной»*

к голове, не оторвать. Помирать в ней придется...»

Нарисовал Саша старенького татарина так, что маманя ахнула и больше не ругала за разрисованные тетрадки, а поутру выдавала чистые листки.

На другой день Саша принялся рисовать голубей. Они каждое утро расхаживали прямо по маленькому прилавочку возле окошка, а он бросал им крошки хлеба. Иной раз и пшенички захватывал. В погребке у мамани тайком брал... но ведь не просто из-за баловства, а для дела,

оправдывался Саша. Нарисовал целую стайку голубей, так красиво и душевно, что маманя повесила рисунок над своей кроватью и хранила листок с рисунком до самой смерти...

Рисунки сына убедили Анисью Степановну, что у мальчика большие способности в рисовании, и его требуется учить. Первым учителем Саши был сосед — иконник Александр Блахин, дьякон приходской Троицкой церкви. Сторговали цену за обучение... Пять рублей требовалось выложить за науку. Теперь Саша

*Н.М. Алексеев
(Сыромянский) —
зять Ступина,
получил звание
академика ИАХ.
«Автопортрет»*

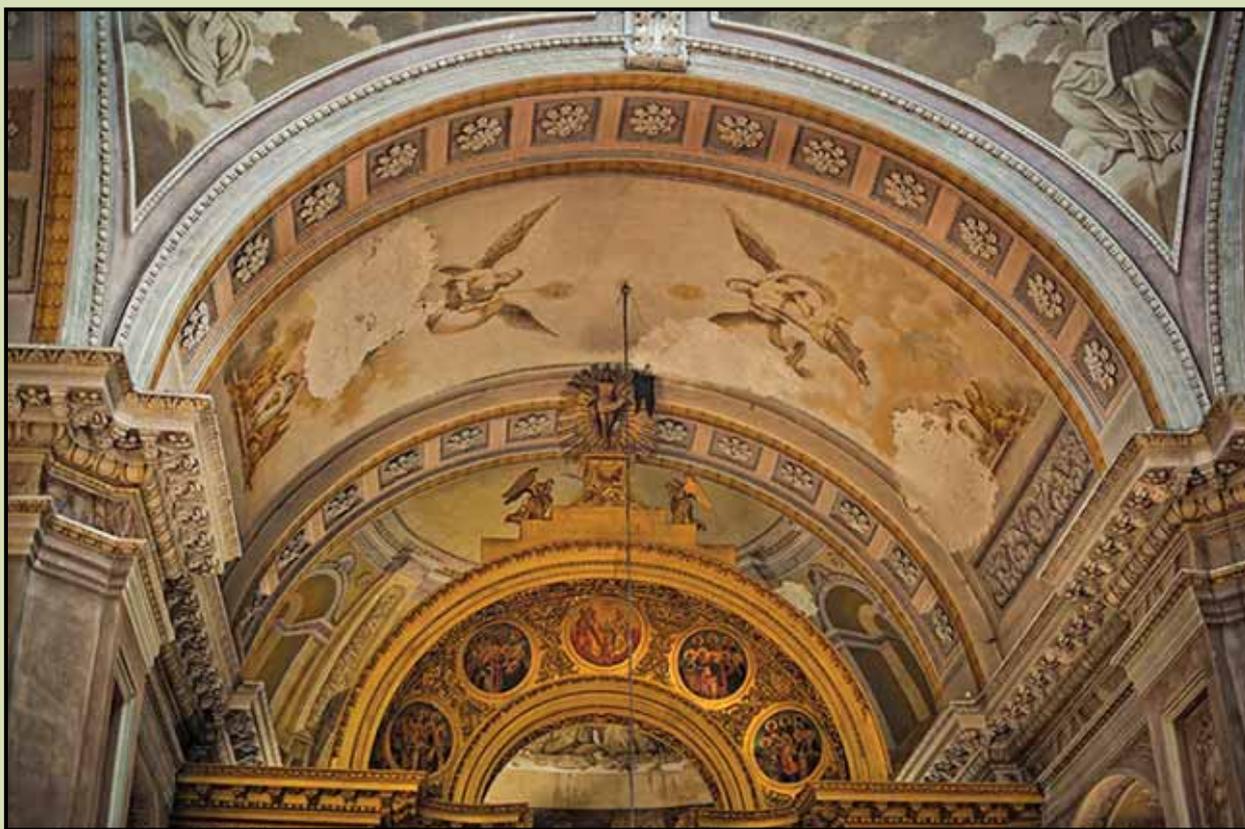
с раннего утра до ночи был у Блахиных. И едва приловчился к хозяевам, только пообвык и научился тереть краски, как вдруг узнал, что в Арзамасе открылось Народное училище. Ему страсть как захотелось попасть туда и тут же подумалось — зря пошел к Блахину.

И опять Саша потерял покой. Куда бы ни шел — ноги несли к училищу... Бегал просто поглядеть на учителя — Милайлу Герасимова. Настырность у паренька была неумемной. Набрался-таки храбрости, подошел поговорить с учителем. На счастье,

тот оказался приветливым и словоохотливым.

Саша пересказал ему все свои беды, а главное, про бедность — что не может он посещать уроки и что ныне отдан на обучение к живописных дел мастеру. Потом вздохнул глубоко и спросил: «А нельзя ли все же посещать уроки как-то сбоку, сторонне?»

«Да-а, юноша, художнику потребует знать многое... — произнес Герасимов. — Отвечу так: отворачивать юнца от света знания — грешно! Стало быть, приходи...»

Росписи Воскресенского кафедрального собора г. Арзамаса, выполненные Семеном и его сыном Александром Серебряковыми, учениками А.В. Ступина

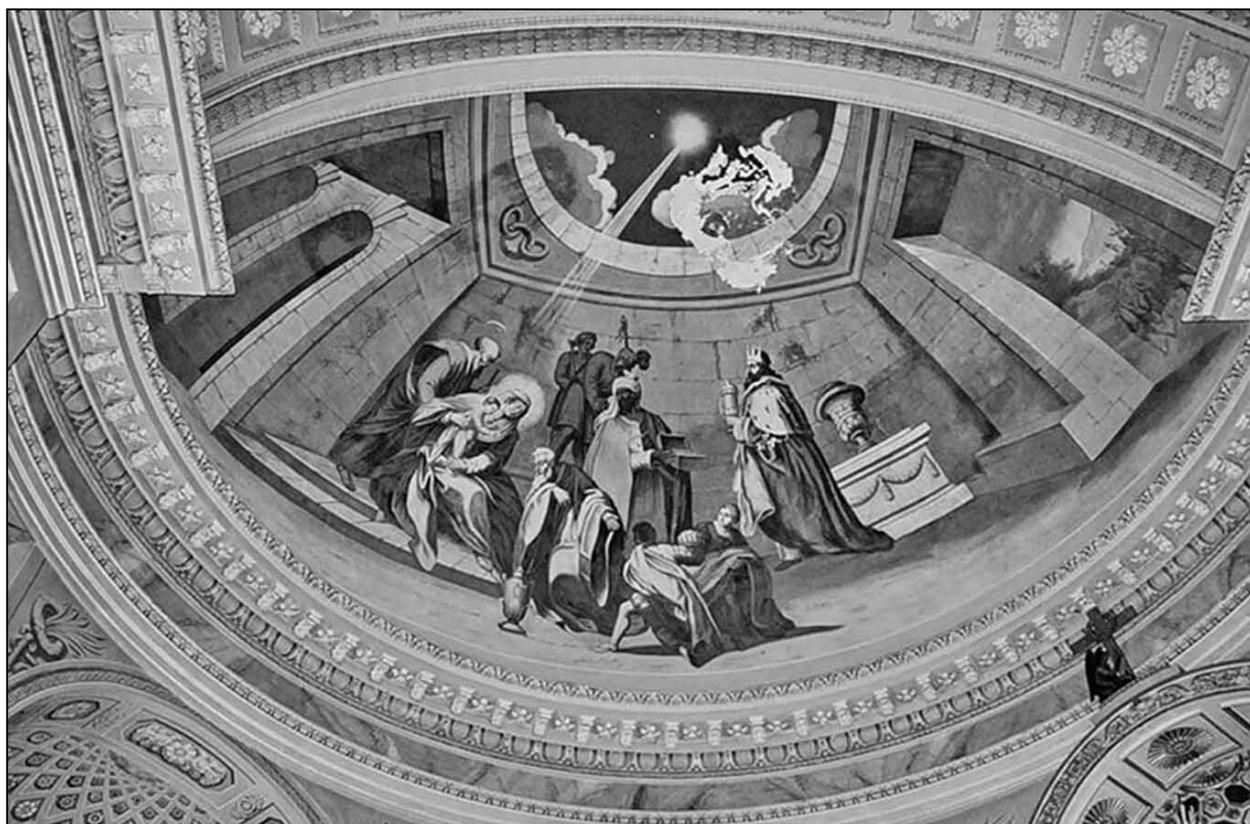
С тех пор Саша забыл, что такое «свободное время». Как Блахин записывал, а у него это случалось через каждые два дня, он убегал в училище, сунув за пазуху самодельную тетрадку. Записывал все... самое нужное.

Но в самый разгар страсти к наукам объявили в Арзамасе очередной рекрутский набор, и Саша попал под него «прямой наводкой»... Парень растерялся, страх охватил неокрепшее сознание. И тут на помощь пришла мать. Несколько дней ходила растерянной, а потом усадила Сашу напротив себя и, грохнув по столу, громко сказала: «Все, господа хорошие, хватит! Муж мой Василь Кузьмич ушел так же... и на-

век пропал... Теперь, значит, и сына хотите отобрать да под ружьишко поставить — единственного мальчика?! — Анисья Степановна резко свернула фигу своими мозолистыми пальцами и крикнула: — А вот а шиш вам, а не сына мово! — Взглянула на растерянного Сашу и опять крикнула: — А ты поднимись, коды мать говорит, и слушай, что велю... Беги зараз же в Выездну — там затаись на время, пока пройдет сей набор...»

В Выездном когда-то была казачья слободка, потом вотчина боярина Б.М. Салтыкова. И вечером Саша ушел с узелком в Выездное.

В Арзамас он вернулся через два месяца. Набор рекрутов «отплакался», страсти вокруг него улеглись...

Саша наслышан был о дьяконе Владимирской церкви, что стояла в низине города. Семена Иванова читли арзамасские живописцы. Юноша готов был бесплатно работать у него, была бы возможность учиться. Он изобретал способ, как познакомиться с Ивановым и попросить поработать под его приглядом, да вдоволь насмотреться, как он обрабатывает лики. Встреча состоялась неожиданно — будто небеса вмещались и свели. Едва Саша вежливо и учтиво поклонился при встрече знатному живописцу, тот сразу и сказал: «Слыхал я, малец, преуспеваешь ты в писании образов... А мне добры руки требуются для вспомощления... не управляюсь ужо. Грешен — заказов нахватал, к сроку выполнить не успеваю... Ну что, заглянешь в мою берлогу?»

Саша обомлел от этих слов, но, опомнившись, поклонился мастеру и тихо ответил: «Буду... премного благодарен — приду к вам!»

Когда он, наконец, пришел к мастеру, то сразу впился взглядом в стену, завешенную образами. Пиршество красок, образов, причудливых композиций!

Время, между тем, не стояло на месте. Закончив учебу у Иванова, Саша сразу открыл свою мастерскую. А тут пришла и первая любовь. Внимательная мать давно заметила его томление, несвойственную рассеянность и задумчивость. Причину она, многоопытная по жизни, конечно, поняла и решила оженить свое чадушко. Пошла к соседке и попросила ее побыть свахой. Та с радостью согласилась и через неделю

пришла к Селивановым, потому как была у них дочь на выданье — Катюша. Дело сделалось споро, и через какое-то время заиграла, заплясала свадьба...

А после звонкой на всю округу свадьбы осталось у молодых всего несколько рублей, и «госпожа нужда» сразу погнала Александра искать заработок. Не зря он учился у Иванова — мастер, который пригласил работать в его мастерской, зарплату назначил хорошую — пятнадцать рублей в месяц. Расписывали храм в имени помещицы Арцибашевой. Жаль только, что мастер был горьким пьяницей, причем буйным... У него было еще несколько учеников, а поскольку сам работать не мог, расписал храм Александр с учениками. Вернувшись домой, он радостно сообщил жене: «Катюха, я — изограф!»

После этого на него буквально посыпались заказы, в семье появились деньги. Пришел и первый большой и ответственный заказ на иконостас — первый в жизни нового изографа Арзамаса Александра Ступина. Он решил выполнить его самостоятельно...

Работа предстояла серьезная, и Саша взял в подмастерья двоих ребят. Оба происходили из семей духовных и уже изрядно покрутились вокруг работающих иконников и изографов в арзамасских храмах. Так в жизни Саши появился приятель детства Васька Турин, который после выполнения заказа стал уговаривать его поехать учиться в петер-

бургскую Академию художеств. Саша и сам уже думал об этом, понимая, что без настоящей учебы, без мастерства, которое может дать только академия, навсегда останется лишь «местным мазилой». И он решился оставить молодую жену, мать и уехать учиться! Сильна была его тяга и любовь к искусству, душа рвалась к нему...

И вот — Академия художеств!.. Стоя на Сенатской площади, Саша внимательно вглядывался в силуэт здания и не верил себе, что уже в Петербурге и видит воочию свою мечту!

... Российская Академия художеств! Она, как главное учебное заведение в сфере изобразительных искусств, начиналась еще в царствование Петра Первого, но довершила начатое уже императрица Екатерина II. Именно при ней академия была учреждена как специальное заведение.

Вначале преподавателями были иностранцы, но ситуация быстро изменилась, и к преподаванию были привлечены русские мастера. Следует назвать А.П. Лосенко, К.И. Головачевского, И.С. Саблукова, П.И. Соколова и знаменитого гравера Евграфа Чемесова. В академии преподавали мастера портретного искусства Ф.С. Рокотов и Д.Г. Левицкий, мастер исторической живописи Г.И. Козлов, батальной — Г.И. Серебряков, пейзажной — С.Ф. Щедрин. В конце 18 века в преподавательский состав академии вошли великие художники: Г.И. Уг-

рюмов, И.А. Акимов, А.Е. Егоров, В.К. Шебуев, А.И. Иванов, и многие другие...

Обучение в академии было долгим. Набирали сначала в Воспитательное училище при академии, с пяти-шести лет, причем даже из низших сословий, но не крепостных, этим двери закрыли навсегда... Всех делили на пять возрастов, а прибывание в каждом возрастном обучении длилось по три года. Эти годы посвящались только общей подготовке, а два последующих занимались уже в специальных классах. Жили при академии, носили форменное одеяние и содержались за счет казны.

Занимались и ученики «приходящие», то есть — сторонние. После сдачи определенного числа установленных экзаменов, а они устраивались трижды в году, эти ученики получали звание классных и неклассных художников. Медалистам выдавалась высшая аттестация — «аттестат первой степени со шпагой» и «офицерский» чин 14 класса.

Ряды этих «приходящих» должен был пополнить и Александр Васильевич Ступин.

Дни полетели безоглядно... Вся жизнь подстроилась под занятия — рисовальные классы, выставки, музеи, а вечерами до полного засыпу — книги, книги, книги... А еще — коллеги-друзья. И, прежде всего, Орест Кипренский и Варнек. В то время в коридорах академии эти фамилии только и звучали день ото дня. Это

были совсем молодые ребята, но вполне сложившиеся художники. Не удивительно, ведь они учились в академии с шести лет. Все студенты и профессура обожали их, даже сидеть в классе рядом с Кипренским или Варнеком считалось большой удачей, потому что эти молодые вундеркинды просто заряжали творческой энергией и безудержной отдачей работе.

К окончанию учебы состоялось заседание членов Совета академии. Конференц-секретарь предложил выдать господину Ступину «аттестат первой степени со шпагой». Возражений не последовало, всем были хорошо известны успехи Александра. К тому же безудержное устремление к мастерству и любовь к искусству очень импонировали старым профессорам. Каждый из них подумал: «Да, талантливый арзамасец заслуживает самых высоких похвал и наград!»

После заседания Александру сообщили, что к первому дню Пасхи он должен иметь мундир, шляпу и шпагу, потому что будет представлен графу Строганову, известному поклоннику искусств и меценату. Радостный Александр помчался к любимому учителю, профессору Егорову Алексею Егоровичу, которому давно поверял свои горести и радости...

Еще две недели Ступин провел в Петербурге. Занимался тем, что ездил и благодарил всех, кто помогал ему и принимал участие в его судьбе. А еще — закупал множество худо-

жественных материалов и принадлежностей для работы дома. Пришлось даже занять целых семьсот рублей (фантастические деньги по тем временам!) и на все купить материалов.

Во время учебы Саша часто вспоминал родной Арзамас. Малая родина его не отпускала... и, наверное, поэтому родилась мысль создать там свою школу.

Вот, наконец, он дома! Первые дни по приезду Александр посвятил семье. Но смог вытерпеть не более двух дней — душа и руки рвались к работе...

Так и стал реальностью солнечный летний день 1802 года, а с ним — торжественное открытие школы! Его школы — Александра Ступина! Ему пока еще не верилось в то, что теперь происходило...

...Уже сказали напутственные слова городничий, городской голова, священники и другие городские чиновники. Выступили писатели и представители артистического мира из Нижегородского театра. Дошла очередь и до «возмутителя провинциального спокойствия» — Александра Ступина. Ведущий церемонии назвал его фамилию, и Александр Васильевич вынырнул из своих воспоминаний. Быстро оглядевшись, шагнул вперед и громко сказал: «Дорогие земляки — соотечественники! Я счастлив, давняя мечта моя осуществляется! Благодарен властям моего любимого Арзамаса, священ-

нослужителям нашей епархии и всем, кто мне помогал в эти хлопотные дни. Здесь присутствуют несколько моих учеников, уже зачисленных в состав учащихся. Так что пусть слова мои обратятся и к ним, будущим прославителям нашего края».

И он заговорил о силе искусства, о его воспитательной, образовательной и духовной роли... Назвал великих художников — Леонардо да Винчи, божественного Рафаэля и, конечно, автора стенописи в Сикстинской капелле — художника и скульптора Микеланджело. А закончил свое выступление словами: «А теперь, дорогие мои, требуется одно — работать! работать! — и работать! Да поможет нам в этом Всевышний Господь!»

Вскоре начались учебные будни... Трудными были первые дни, первый месяц — дальше пошло складнее. Организовывала сама работа, ее процесс. В первый год Александру Васильевичу приходилось многое показывать ученикам самому, а не только объяснять, но он не жалел времени для того, чтобы научить своих подопечных, передать им все, что знал и чем владел сам. В этом он был бескорыстен и искренен.

В 1805–1806 годах ученики школы выполняли первую большую работу — росписи церкви села Катунки, принадлежащего князю Грузинскому. Они написали почти девяносто картин библейского содержания. И написали настолько хорошо и до-

Вид школы А.В. Ступина

стойно, что весть об этом разнеслась далеко...

1808 год. Школа Ступина уже почти шесть лет успешно работала, но была одна большая проблема — не хватало площадей под рисовальные классы и комнат для общеобразовательных занятий. Наконец Александру Васильевичу удалось сторговать дом у генеральши Юрловой. Александр Васильевич понимал, как важно создать необходимую творческую атмосферу, и для этого требовались подходящие условия.

Тут, к счастью, вернулся из Петербурга в родной Арзамас старинный друг Александра Васильевича и благодарный ученик Коринфский. Вернулся домой настоящим аттестованным архитектором. Одаренный «от Бога», он сразу набросился на работу, создавая проект перестройки нового здания для школы Ступина. Вскоре «дом Юрловой» разобрали и начали выкладывать фун-

дамент с обширными сводчатыми подвалами.

Построенный новый дом превзошел все ожидания Александра Васильевича. На фасаде школы — девять больших окон. Рустованный фасад архитектор украсил четырехколонным портиком. Так же был оформлен и боковой фасад картинной галереи, обращенный все на ту же Прогонную. А со стороны Троицкой улицы лицевой фасад здания был огражден строгой чугунной решеткой. Ну а к украшению классных комнат и аудиторий, библиотеки и галереи Ступин привлек своих учеников. То есть требовалась не просто жилая комната — это должна быть настоящая мастерская, где ученик будет учиться и творить. Много сил ушло на обустройство дома под нужды школы. Ученики старались, потому что видели — все делается для них. Учитель стал для них не только непререкаемым авторитетом в сфере искусства, но и от-

*В.Г. Перов,
ученик А.В. Ступина.
«Автопортрет»*

звчивым, добрейшим человеком, как бы вторым отцом...

Почти семь лет прошло в трудах обучения учеников, и, наконец, в августе 1809 года Ступин впервые решил представить в Академии художеств работы своих учеников — Ивана Лебедева, Ивана Горбунова и Соколова. Его очень тронули те-

плые отзывы профессоров об их работах, которые стали огромным стимулом к новым достижениям. Арзамасцы были награждены серебряными медалями! Академия приняла в число своих воспитанников сына Ступина Рафаила, Ивана Горбунова и Михаила Коринского, определив его в мастерскую профессора архитектуры А.Н. Воронихина.

Отметил Совет академии и деяния самого Александра Васильевича. Ему, как «заводителю дела необыкновенного», за преподавательскую деятельность было присвоено звание академика, а арзамасскую художественную школу приняли под покровительство Императорской Академии художеств! Это были необыкновенные возможности и фантастические надежды... Это был настоящий триумф!

Вернувшийся в 1813 году из академии Михаил Петрович Коринфский (уже с буквой «ф») перестроил, с учетом нужд школы, здание по своему оригинальному проекту. Он всю жизнь дружил со Ступиным, своим первым учителем и наставником по жизни, и с радостью принялся за работу. Как и мечтал Александр Васильевич, появилась в их усадьбе и галерея для скульптурных произведений и живописных полотен.

Художественные работы «ступинцев» находятся в соборе города Пензы, в селах Петине и Салме. Они расписывали храм, писали иконы для собора в городе Починки Нижегородской губернии, а еще расписывали Ярмарочный собор в самом Нижнем Новгороде.

Но вот «грянул» над всей Россией 1825 год! Год незабываемый, навсегда оставшийся в истории. На Сенатской площади Санкт-Петербурга выступили декабристы. Волна слухов, реакционных мер и всевозможных

«страшилок» захлестнула не только столицу — всю страну!

Однако Александр Васильевич не отложил свой визит в Академию художеств с отчетом и работами учеников, несмотря на напряженную атмосферу в столице и в обществе. Слава богу, это драматическое событие не коснулось дел директора арзамасской школы живописи, а итоги поездки оказались обнадеживающими, зовущими к будущим успехам. Кузьму Макарова наградили 1-й серебряной медалью, Ивана Соколова — 2-й, а крепостному Афанасию Надежину выдали Свидетельство на получение медали. Совет Императорской Академии художеств постановил — довести до сведения государя о делах и трудах Александра Васильевича Ступина! А школе были подарены слепки с античных статуй — для образцов и рисования...

В следующем, 1826 году, Александр Васильевич был занят ответственной работой, выполнял очень ответственный заказ Нижегородского губернатора Бахметьева, для подношения Государю-императору, — писал маслом холст «Вид города Арзамаса»...

Арзамас был городом хоть и не большим, но весьма своеобразным. История его уходила во времена Ивана Грозного. Он, по преданию, распорядился заложить на месте будущего города крепость. А случилось это в 1552 году, когда царь шел своим третьим походом на Казань.

*Рисунок
А.В. Ступина*

Что касается названия города, здесь приходится полагаться на старинные легенды и догадки (правда, оставшиеся на уровне слухов). Якобы, великого царя русского встретили два брата — Арзай и Масай. Встретили царя дарами, а еще изумили дружелюбием — даже православие приняли в знак поклонения пред царем. Есть и другая версия,

что название этого славного города появилось путем сложения мордовских слов «эрзя» и «мазы».

Царю очень понравилась работа Ступина, и он подарил художнику бриллиантовый перстень.

Первого сентября 1828 года в школе Ступина случилось трагическое событие: один из самых лучших

*А.В. Ступин.
«Портрет
работы
И.К. Макарова»*

учеников, Григорий Мясников, застрелился. Он влюбился в дочь своего учителя — Клавдию. Девушка тоже любила его, но, увы, Григорий был крепостным... После обещания, а потом отказа барина дать ему свободу он застрелился в галерее школы. Мясников оставил записку: «Простите, любезные друзья мои, не порицайте меня за мой поступок.

Я показываю вам пример, как должно поступать против надменности честолюбцев. Милый друг, Василий Егорович! Напишите на моей гробине, что я умер за свободу. Простите».

Последним его видел однокашник Василь Раев, который впоследствии вспоминал: «За четверть часа до смерти я встретился с ним...

Лицо его было печально, и он взглянул на меня с особым чувством... Я вошел в нашу общую спальню, подошел к моей постели и увидел на моем столике записку. В один момент я понял все: и печальный вид, и прощальный взор, со мной сделалась лихорадка, я весь лишился чувств, ноги мои подкосились, но, собравшись с духом, я побежал в мастерскую. Вдруг раздался выстрел, я понял его значение и едва смог добежать до кабинета Александра Васильевича, но, вбежав, не мог вымолвить ни одного слова. Отдал ему роковую записку, он болезненно вскрикнул: «Гришенька...» — и бросился в мастерскую, на ходу с расстроенным видом спрашивая у учеников: «Где Гриша?..»

1834 год в жизни художника Ступина выдался очень значительным — академик был пожалован орденом Святой Анны 3-й степени. Это подчеркивало значительность и необходимость его трудов на ниве просвещения. Александр Васильевич представил в Академию художеств рисунки и портреты учеников своей школы, а также четыре картины Николая Алексеева, которые были высоко оценены профессорами академии. Ученики школы — Павел Рачков и Василий Бовин — были награждены серебряными медалями 2-го достоинства, а Карпу Виноградову и Памфилу Позднееву объявлена особая похвала. Остальные ученики заслужили «одобрения и внимания», что

тоже было хорошим стимулом для стремящихся к совершенству учеников школы.

В 1840 году завершилось строительство и освящение Арзамасского Воскресенского собора. Росписи храма по сырой штукатурке тушью исполнил ученик Ступина — Осип Семенович Серебряков со своим сыном, тоже учащимся школы. Для собора писали иконы ученики Ступина: И.А. Лебедев, И.А. Гладков, Н.М. Алексеев. Сам Александр Васильевич написал на четырех фронтонах храма евангельские сюжеты: «Восстание Христа из гроба», «Святая Троица», «Покров Богородицы» и «Всех святых», а также подарил собору небольшую картину «Моление о чаше».

В том же году Ступин выслал в адрес академии пять картин своего ученика и зятя Н.М. Алексеева, а также 23 рисунка других учеников. За картину «А.В. Ступин с учениками» Н.М. Алексеев был произведен в академики. Два ученика удостоились серебряных медалей, а еще двоим была вынесена особая похвала!

Казалось, все идет отлично, но тут произошло очередное несчастье — поджог школы. Огонь полностью уничтожил здание, погибли статуи, бюсты и другие учебные пособия. По ходатайству Академии художеств государь распорядился выдать Ступину пять тысяч рублей серебром — на восстановление здания, а академия передала школе более десятка

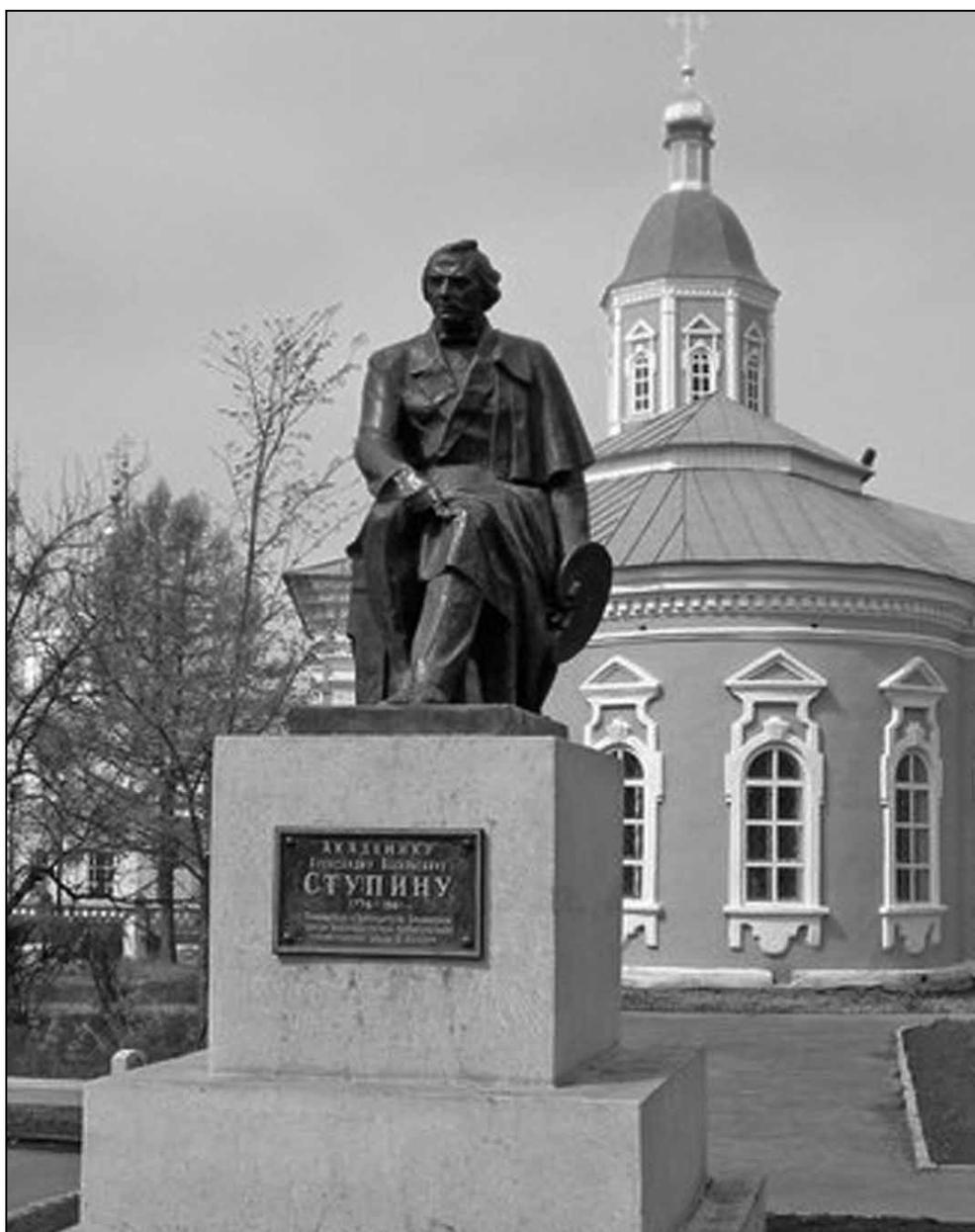
скульптур и бюстов. Вскоре учебный процесс возобновился.

В 1846 году Александр Васильевич Ступин за общественное служение Отечеству был удостоен ордена Святого Владимира 4-й степени. Награда эта особо знаменательна: в эпоху царствования Николая I, как известно, получить орден вообще было крайне трудно.

Надо сказать, что в течение двух лет, правда, с перерывами, в школе Ступина учился Василий Григорьевич Перов, впоследствии прославленный художник-передвижник. Имя выдающегося классика русского искусства прославило школу навсегда и стало ее «визитной карточкой»...

Шли годы, Александр Васильевич старел, был уже слаб и часто недо-

*Памятник
А.В. Ступину
в Арзамасе*

могал. Теперь он все больше времени уделял созерцательной и спокойной жизни, лишенной суетности. Чувствовал, что исполнил все, что было в его силах, исполнил свое служение искусству. Он много времени уделял прогулкам, размышлениям и воспоминаниям. Для старости это характерно и, похоже, необходимо. Душа человека пытается оглянуться и проанализировать пройденный жизненный путь. Его дело взял в свои руки любимый ученик и зять Николай Михайлович Алексеев, который почти десять лет управлял делами школы. А когда его вызвали в Петербург для живописания на стенах Исаакиевского собора, школа Ступина стала тускнеть и терять свое известное положение. Правда, ей удалось продержаться до кончины «прародителя» — Александра Васильевича Ступина. Случилось это в 1861 году.

Сохранилась церковная запись: «Умер от престарелости в возрасте 85 лет арзамасец по рождению, художник-академик Александр Васильевич Ступин. Погребен на Всехсвятском кладбище».

А уже через год зять Ступина, академик Н.М. Алексеев, ликвидировал школу после того, как правительство отказало ему в пособии для перевода школы живописи из Арзамаса в Нижний Новгород... Так закончилась ее история. В 1910 году здание школы было разобрано, а на территории усадьбы Ступина

построили здание Реального училища.

Казалось, увял, буднично и незаметно, первый росток, возвращенный выдающимся арзамасцем Ступиным. Но — ничего в мире не пропадает бесследно! Вскоре появились (теперь по всей стране) новые художественные школы...

В самом Арзамасе свершилось это только в 1948 году, когда открыли детскую художественную школу, которой присвоили имя академика Александра Васильевича Ступина. А в 1959 году, 21 августа, усилиями благодарных потомков открыт памятник Ступину. Ваял его скульптор В.Г. Бобровский.

Писатель М.П. Званцев в своей книге «Арзамасская художественная школа» очень проникновенно и точно выразил отношение к деяниям большого творца и гуманиста:

«Ступин — очень добрый по натуре, умный, деятельный и решительный человек, который сумел в условиях крепостной России создать ценное культурное дело: открыть первую частную художественную школу. Школу, которая в глухой провинции просуществовала почти шестьдесят лет! Это был подвиг, и подвиг, посильный лишь самому Ступину! Вместе с этим большим гуманистом закончила существование и его школа — она просто не могла существовать в условиях того времени. Без подвига — стала она...безжизненной...» □

Плач Ярославны

К.А. Васильев.
«Плач Ярославны»

*«Тебе не наскучило каждому снится,
Кто с князем твоим воевал на войне?
О чем же ты плачешь, княгиня-зегзица,
О ком ты поешь на кремлевской стене?»*

Арсений Тарковский

Выражение «Плач Ярославны» давно стало нарицательным и известно почти всем. Но откуда оно взялось, знают уже немногие. А о том, кто такая эта Ярославна, совсем мало людей может правильно ответить.

Между тем, выражение это — из памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», по мотивам которого позднее было написано множество стихотворений. Но все — или почти все в них — чистая лирика, и ответов на вопросы по-прежнему нет.

Равно как и знаменитая опера «Князь Игорь» русского композитора А.П. Бородин в четырех действиях с прологом, где в четвертом действии Ярославна одна на городской стене, вспоминая Игоря, поет арию «Ах! Плачу я, горько плачу я»...

Вот, собственно, и все. История, как таковая, отсутствует. Но в основу всех лирических произведений положены конкретные исторические события и вполне реальные персонажи.

Напомню, что «Слово о полку Игореве» повествует о неудачном походе на половцев русских дружин во главе с князем Новгород-Северского Игорем. Войско было разбито, князь попал в половецкий плен, а сами половцы хлынули на Русь, разоряя села и города.

В сохранившихся летописях подробно описывается этот злосчаст-

Так или иначе, сын решил закрепить успехи державного родителя. Успеха не добился, но... прославился.

Сегодня такой поход назвали бы авантюрой. Не заручившись достаточной поддержкой остальных князей, князь Игорь выступил со своей дружиной против половцев. Под вечер 1 мая Игорь наблюдал солнеч-

*С.С. Рубцов.
Иллюстрация к изданию «Слово о полку Игореве»*

ный поход. Гораздо более подробно, чем то, что произошло годом ранее, когда отец князя Игоря, великий князь киевский Святослав Всеволодович, разгромил войска половецкого хана Кончака на реке Хорол.

Почему? Ответа на этот вопрос мы, скорее всего, так и не получим.

ное затмение — дурной знак, — но решил продолжать поход.

После короткой, но ожесточенной схватки на реке Каяле князь Игорь был наголову разбит и угодил в плен вместе со своим старшим сыном. Большинство дружинников погибло — кто сразу, а кто мучительной смертью от тяжелых ран.

Хотя самому князю и его старшему сыну удалось из плена бежать и вернуться в родной город, прежней силы у него уже не было.

Ефросинья была дочерью галицкого князя Ярослава Владимировича Осмомысла, который благодаря ей стал одним из заметных персонажей «Слова о полку Игореве». Родилась она от его брака с суздальской княжной Ольгой Юрьевной, дочерью князя Юрия Долгорукого. Ярославна имеет рюриковские, а значит, варяжские корни.

К моменту похода Игорю было около 40 лет. Ярославна, вышедшая замуж в четырнадцать лет, родила Игорю пятерых сыновей и дочь. Это был брак по страстной любви. Отец Ярославны, князь Галицкий, был богатым и сильным и не имел необходимости родниться с Игорем, так что династические интересы тут не играли никакой роли.

Зато понятным становится и сам образ Ярославны — не юной, но уже зрелой женщины, ставшей благодаря «Слову» символом женской любви и верности на Руси.

В «Слове...» есть эпизод большой выразительной силы — княгиня выходит на крепостную стену в Путивле и горестно рыдает. Вот стихотворное переложение этого фрагмента, сделанное Николаем Заболоцким:

*Над широким берегом Дуная,
Над великой Галицкой землей
Плачет, из Путивля долетая,*

*Голос Ярославны молодой:
— Обернусь я, бедная, кукушкой,
По Дунаю-речке полечу
И рукав с бобровою опушкой,
Наклонясь, в Каяле омочу.
Улетят, развеются туманы,
Приоткроет очи Игорь-князь,
И утру кровавые я раны,
Над могучим телом наклонясь.*

Стоя на крепостной стене Путивля, княгиня оплакивает погибших, корит ветер, воду и солнце за то, что они не помогли войску мужа, и надеется на возвращение пленных.

Образ тоскующей по мужу Ярославны — одно из величайших поэтических достижений безымянного создателя «Слова о полку Игореве». Им открывается череда многочисленных русских женщин в отечественной литературе и искусстве. В Ярославне воплотился идеал женщины Древней Руси, независимо от того, к какому сословию она принадлежала.

В отличие от княгини Ольги, мудрой и преданной памяти мужа мстительнице, Ярославна — носительница лирического женского начала. С ней связаны мир, семейные узы и любовь.

Точные годы жизни жены Игоря неизвестны, ее имя в летописях не упоминается. В «Родословнике» императрицы Екатерины II жена Игоря названа Ефросиньей, хотя это имя она приняла при пострижении в монахини уже после смерти своего мужа. Но оно закрепилось за княгиней в исторической литературе.

По мнению исследователей «Слова...», «Плач Ярославны» — один из самых сильных и поэтических фрагментов, который оказал большое влияние на русскую культуру. Ярославна считается символом верной жены, которая может благодаря своей любви сохранить супруга на поле сражения.

Образы из «Плача Ярославны», как уже говорилось, использовали в своих стихах многие поэты. Есть также большое количество гравюр, картин и рисунков с ее изображением, в Новгороде-Северском Ярославне поставлен памятник.

В «Слове о полку Игореве» Ярославна появляется в самый трагический момент повествования. Полки Игоря разгромлены, он сам в плену. Половцы, воодушевленные успехом, готовы кинуться на русскую землю. Призывы к князьям вступить за Русь, спасти Игоря кажутся безнадежными, ибо нет среди них согласия.

Плач Ярославны — плач сетования и заклинания о помощи. Он проникнут языческим восприятием мира и верованием в отзывчивость сил природы на страдания людей. Ярославна обращается к могучим силам природы, умоляя помочь князю вернуться на родную землю. Этот плач оказался наполнен такой силой любви и верой в благополучный исход, что князю Игорю сам бог указывает путь из земли половецкой в землю русскую.

Будто услышав мольбы жены, Игорь бежал из плена. Концовка поэмы выражает желание автора увидеть русских князей объединившимися для отпора общему врагу. Плач Ярославны это не только тоска жены по мужу, это и выражение горя тысяч русских женщин, чьи сыновья, братья, мужья участвуют в войнах и не возвращаются домой.

Естественное желание славянок забыть о несчастьях. А это возможно только, если Русь станет единым сильным государством. Фигура Ярославны стала символом всех русских жен, ждущих своих близких с войн, символом верной и преданной жены, которая своей любовью хранит мужа на поле битвы.

До сих пор образ Ярославны остается самой большой загадкой истории. Не ясны годы жизни, нет ее изображений, в русских летописях ее имя вообще не упоминается.

И, тем не менее, в сокровищницу мировой культуры она вошла. Всего 40 строк понадобилось автору для создания одного из самых глубоких женских образов. И если Игорь все-таки принадлежит русской истории, то Ярославна вне времени и пространства, ее имя стало нарицательным.

Много позже появится Домострой, который очертит круг интересов женщины семейными проблемами, сделает ее в средневековье бессловесной рабыней мужа. Много веков спустя женщинам заново при-

*С.С. Рубцов.
«Игорь
и Ярославна»*

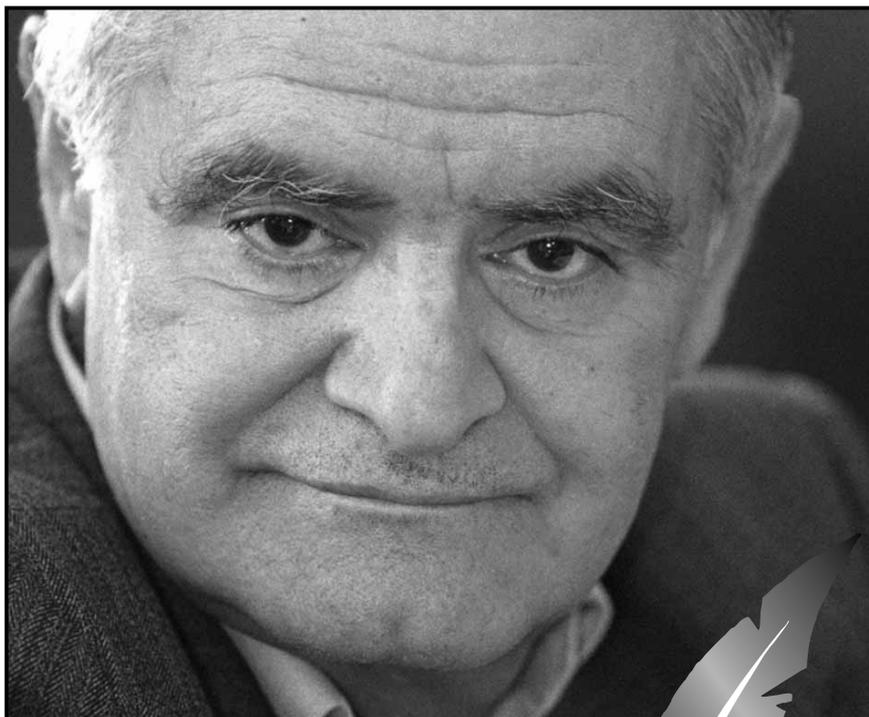
дется завоевывать то особое положение подруги, хранительницы очага, которое она по праву занимала в древности.

И все же Ярославна стала едва ли не самой известной из женщин домонгольского периода Древней Руси.

P.S. Рукопись «Слова» сохранилась только в одном списке, входившем в сборник древнерусских летописей, который принадлежал одному из наиболее известных и удачливых коллекционеров памятников русских древностей графу Алексею Мусину-Пушкину. Со слов самого Мусина-Пушкина, он приобрел рукопись у бывшего настоятеля Спасо-Преображенского мона-

стыря в Ярославле в конце 1780-х годов.

Однако эта версия, долгое время считавшаяся общепринятой, была опровергнута в исследованиях 1990-х годов. Согласно последним исследованиям, более вероятной считается версия о том, что Мусин-Пушкин, будучи обер-прокурором Синода, получил сборник, содержащий «Слово», из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря зимой 1791–1792 года и присвоил его. Рукопись погибла в пожаре Москвы 1812 года, что дало впоследствии повод вообще усомниться в ее существовании и считать сохранившийся переписанный текст более поздним самостоятельным произведением, стилизованным под старину. □

Писатель с планеты Чегем

«Современный человек чувствует неустойчивость всего, что делается вокруг него. У него такое ощущение, что все должно рухнуть, и все почему-то держится. Окружающая жизнь гнетет его двойным гнетом, то есть и тем, что все должно рухнуть, и тем, что все еще держится».

«Человек — это нечто среднее между козой и Шекспиром».

«Если в стране перестали воровать книги, значит, воруют все остальное».

«Мещанин всегда непрост, и это следствие сознания внутренней неполноценности».

Можно легко продолжать и продолжать цитировать удивительные в своей правдивой парадоксальности афоризмы Фазиля Искандера, взятые непосредственно из его незабываемых книг — «Созвездие Козлотура», «Ночной вагон», «Сандро из Чегема»...

В Чегеме, абхазском селе, и родился писатель, всю жизнь проживший в России, писавший по-русски, но, по большей части, о своей

маленькой Абхазии, которую он сделал известной для внешнего мира и которую возвел в ранг некой планеты, окутал таинственным покровом мифа и превратил ее обитателей в обаятельных героев современного плутовского романа. В этом плане Искандер, конечно, модернист, но модернист особого рода, в духе гоголевского магического реализма игравший в сатирико-юмористическую игру с вековой литературной традицией.

Народный депутат от Абхазской АССР на исходе перестройки, член различных комитетов и комиссий по культуре и правам человека после самороспуска Верховного Совета в 1991 году, орденоносец и лауреат многих литературных премий, Фазиль Искандер всегда оставался мудрым и скромным «наблюдателем жизни». И — просто очень добрым, честным человеком, заслужившим народную любовь и общественное признание.

Судьба отмерила ему долгий срок жизни, и до самого конца он не переставал пополнять свою знаменитую эпопею о Сандро Чегемском новыми новеллами, в которых нашлось место множеству его друзей и знакомых. Обычно писатель мог месяцами копить впечатления для очередной вещи, не записывая при этом ни строчки, формируя будущее произведение у себя в голове. А потом садился за пишущую машинку (компьютер так и не освоил) и печатал до тех пор, пока не ставил последнюю точку.

У него хватило мужества выступить в 1979 году на страницах наделавшего много шума подцензурного альманаха «Метрополь» с уморительной повестью «О, Марат!», после чего до середины 80-х годов произведения Искандера не издавались.

Потом пришла пора экранизаций этих произведений, в том числе и «Маленького гиганта большого секса», где главную роль любвеобильного курортного фотографа Марата блестяще сыграл Геннадий Хазанов.

«Мудрость — это ум, настоящий на совести», — любил повторять Фазиль Абдулович. Еще один прекрасный афоризм настоящего мудреца. Когда такие люди уходят, то продолжают дарить нам свет собственной души, отраженный в книгах, спасительную силу созданного ими художественного мира. Творчество Искандера — реальное лекарство против жестокости, фальши и лжи, действенный урок любви к людям.

Родился Фазиль Искандер 6 марта 1929 года в Сухуми. Дед его, Ибрагим, был зажиточным персом, основавшим один из первых кирпичных заводов в городе. Отец будущего писателя, Абдул, старший из сыновей Ибрагима, женился на абхазке из горного села и жил с ней в любви и согласии. Надо заметить, что Фазиль Абдулович прекрасно владел абхазским языком, но всегда писал только на русском, во многом под влиянием русской культуры и литературы, оказавших решающее воздействие на формирование его личности. Несмотря на свое абхазско-персидское происхождение, он считал себя русским писателем.

Родители матери Фазиля жили в Чегеме, и там мальчик обычно проводил летние месяцы, полные волнующих открытий и приключений. Среди сверстников в селе у него было немало друзей, с которыми он совершал длительные вылазки в горы и которыми населил впоследствии страницы своих произведений. В Чегеме он поселил и Сандро, героя главной своей книги, так и названной им — «Сандро из Чегема».

«У каждого писателя свой источник творческой энергии, — говорил Фазиль Абдулович, — источник, из которого он черпает и свои сюжеты, и свое понимание происходящего... чаще всего это годы детства... в детстве формируются взгляды, которые затем сопровождают нас всю жизнь».

Счастливые детские годы оборвались в 1938-м, года отец Фазиля был депортирован в Иран, и семья уже

больше не воссоединилась. Воспитанием подростка занималась мать, Лели Мишелия. Под ее «чутким руководством» Фазиль с золотой медалью окончил среднюю школу в Сухуми и поступил в московский Библиотечный институт, где проучился три года, а затем перевелся в Литературный институт имени А.М. Горького, ставший его судьбой.

Институт Фазиль окончил в 54-м и по распределению работал корреспондентом областных газет сначала в Брянске, потом в Курске. Путь в литературу был не прост. Он лежал через годы редакторства в абхазском отделении Госиздата, через продолжение первых, порой неудачных, проб пера в поэзии и прозе, через поездки с рукописями в Москву...

Еще будучи студентом, начинающий поэт и прозаик познакомился с крупным советским писателем Константином Симоновым и передал ему на отзыв несколько своих стихотворений. Симонов ответил ему уже в Абхазию, разъяснив недостатки одних стихов и выделив достоинства в некоторых других.

Отзыв мэтра окрылил Искандера, однако он все же сосредоточился на прозе, упорно шлифуя слог и стиль. А темы приходили сами, из жизни, из журналистского опыта. Так, в бытность сотрудником «Курской правды», Фазиль написал критическую статью против развернутой Хрущевым «кукурузной кампании», с юга на север, без учета особенностей почв и климатических условий. Статью «зарубили», но схожая коллизия пе-

рекечевала затем в сатирическую повесть «Созвездие Козлотура», высмеивавшую подобные нежизнеспособные «начинания» сверху.

И все же дебютной книгой Искандера стал сборник стихов «Горные тропы», вышедший в Сухуми в 1957 году, когда автор еще работал в абхазском отделении главного союзного издательства. А вот с прозой он дебютировал уже в Москве, в 1962 году. И это была нашумевшая повесть «Созвездие Козлотура», после которой в многонациональной советской литературе прорезался новый сильный голос. При-

иронией. «Я... думал о великой и в то же время немного скупердяйской мудрости природы, стремящейся к равновесию, ибо за все надо платить... И если ты пьешь лимонад, который тебе кажется шампанским, значит, рано или поздно ты будешь пить шампанское, похожее на лимонад».

Со своей будущей женой, москвичкой Антониной Хлебниковой, писатель познакомился летом на сухумской набережной. Этот момент даже описан в «Созвездии Козлотура», а позднее был показан в одноименном фильме. После свадьбы молодые пе-

---

Счастливые годы мальчика Искандера оборвались в 1938-м, когда его отец был депортирован в Иран, и семья больше не воссоединилась. Воспитанием сына занималась мать. Под ее чутким руководством он с золотой медалью окончил школу в Сухуми и поступил в московский Библиотечный институт, где проучился три года, а затем перевелся в Литературный институт имени А.М.Горького, ставший его судьбой

чем голос, открыто дистанцировавшийся от политической конъюнктуры, двигавшей этой литературой.

В повести писатель высмеивал бесплодные попытки выведения новой (и совершенно ненужной!) породы домашнего скота — помесь козла и горного тура. Причем в этой яркой сатире многие местные чиновники с негодованием узнавали самих себя. Исключительно хороши были в повести и лирические отступления, проникнутые чисто кавказской грустной

реехали жить в Москву, и вскоре в семье родилось двое детей — сын Александр и дочь Марина. Жили небогато, но счастливо. Именно в Москве Искандер начинает масштабно и много писать прозу об Абхазии.

С обретенной темой приходят своя оригинальная, в чем-то сказовая форма, свой неповторимый, казалось бы, незатейливый, доверительный стиль повествования и свой сочный русский язык. В одном телеинтервью писатель сказал: «Как и

всякий человек, живущий вдали от родного края, я скучаю по Абхазии, но из самой моей любви к ней я вырабатываю лекарство от тоски». Его часто можно было увидеть с друзьями-писателями: Беллой Ахмадулиной, Андреем Битовым, Робертом Рождественским и другими «шестидесятниками» в Центральном Доме литераторов, на веранде переделкинской дачи. Будучи настоящим кавказцем, он любил и знал толк в застолье...

Между тем пьянящие, веселые годы хрущевской «оттепели» сменились постепенно годами «застоя». Распадались и тускнели прежние писательские компании, честно жить в литературе делалось все труднее. Искандер упорно старался жить и писать честно. Самым значительным его произведением 70-х годов, да, пожалуй, и всего творчества, стал роман «Сандро из Чегема». В СССР он впервые был напечатан лучшим нашим литературным журналом той поры «Новый мир». Но даже в нем произведение пришлось ради публикации подвергнуть жесточайшей цензуре, сократившей роман более чем на половину. Автор принужден был с этим смириться, причем еще и потому, что испытывал значительные финансовые затруднения.

И все же беспощадная редакторская правка не давала писателю покоя, он с горечью повторял, что роман «чудовищно истоптан», и после долгих колебаний написал письмо в редакцию с требованием вернуть ему рукопись. Великий главный редактор «Нового мира» Александр Твардовский уговорил-таки Искан-

дера не отказываться от публикации, хотя тот глубоко переживал цензурные изъятия и, по словам жены, «чувствовал себя раненым, буквально готов был выть».

Полностью роман «Сандро из Чегема» был напечатан лишь в конце 70-х нью-йоркским издательством «Ардис», специализировавшимся на выпуске русскоязычной литературы, которая либо не издавалась в Советском Союзе, либо подвергалась жесточайшей цензурной правке. Основали издательство супруги Проффер, которые благополучно выпустили Набокова, Бродского и многих других наших непризнанных советской властью литературных корифеев. Их книги таким вот подпольным путем попадали на родину и передавались из рук в руки. «Сандро» вышел у Профферов в двух томах объемом более 800 страниц, тогда как у нас его издание не насчитывало и 250. Ну а потом роман был переведен на десятки языков мира и после 90-го года неоднократно переиздавался в России.

Роман образуют 32 новеллы, объединенные не линией сквозного сюжета, но колоритной фигурой главного героя, зачастую выступающего также в роли рассказчика. «Эх, время, в котором стоим!» — поговаривали чегемцы. Но они не «стояли», а жили. Правда, весьма своеобразно, неторопливо, главное — с достоинством. И вот это кавказское достоинство бытового уклада жизни точно передано в чегемском эпосе Искандера.

Собственно, истории романа весьма разнообразны. Тут и эпизоды люб-

ви, ненависти, мести и воздаяния односельчан до и после революции. Жанровая принадлежность этих историй тоже исключительно широка — драма, сказка, притча, детектив. События романа выходят далеко за пределы реально существовавшего, а ныне заброшенного села Чегем, микрокосмоса жизни героя и его друзей, но при этом география подлинных мест действия романа соблюдена точно, а вымышленных — достаточно убедительно.

Так же убедительно представлены в романе фантазмагорические встречи простого крестьянина Сандро со сванской княгиней, ставшей его любовницей, или с «вождем народов» Сталиным, обласкавшим лихого танцора фольклорного ансамбля песни и пляски на званом ужине у главы республики. Невероятно смешно, прямо в духе барона Мюнхаузена, выглядят рассказы постаревшего дяди Сандро о том, как он выполнял нелегкие обязанности краевого тамады...

На страницах замечательного произведения Ф. Искандера увлекательно и подробно описываются национальные традиции и обычаи, родовые правила и сложный кавказский этикет. Очень важную роль в сюжете играют обычаи домашнего очага и кровной мести. Достаточно вспомнить новеллу о пастухе Махазе, убившем своего родственника за то, что тот обесчестил его дочерей.

Есть в романе и неодушевленное действующее лицо — молельное дерево, ветвистый орех, растущий с

незапамятных времен на окраине села. Вокруг этого дерева кипит жизнь и разворачиваются разные события. Недаром последняя новелла романа, повествующая об угасании Чегема, связывает печальный конец села с обрушившимся от старости молельным деревом. А еще в той новелле упоминается пересохший родник, чистая вода которого побудила некогда старого Хабула поселиться на этом месте.

Таким образом, в свободной романной эпопее Фазиля Искандера, которую, перефразируя слова Белинского о «Евгении Онегине», можно назвать подлинной «энциклопедией» абхазской жизни, затронуты многие религиозно-этнические проблемы горских народностей. В эту эпопею органично вливаются детские воспоминания автора, трагические отголоски коллективизации и сталинских репрессий, фольклорные, почти анекдотические сюжеты. вроде «чегемского мифа о Ленине». «Чегемцы про него говорили, что он «хотел хорошего, но не успел». Чего именно хорошего, они не уточняли. Иногда, стыдясь суесловного употребления его имени,.. они не называли его, а говорили: «Тот, кто Хотел Хорошего, но не Успел».

Писатель много лет работал над книгой, «воспевающей поэзию народной жизни», как он сам характеризовал свой роман. Дополнял произведение автобиографическими мотивами, новыми образами и подробностями, подсказанными окружающей действительностью. Скупой на

похвалы лауреат «Русского Букера» Андрей Битов высказался так: «Искандер — великий писатель, который достоин Нобелевской премии за роман «Сандро из Чегема».

Искандер был одним из наиболее вероятных кандидатов от России на эту высшую награду за творчество. Об этом писали и говорили, и, прежде всего, потому, что он нанес на литературную карту территорию, которой там раньше не было, — Абхазию. За такое обыкновено и дают «нобелевку», при условии наличия

этого много неприятностей, вплоть до того, что лишался возможности публиковаться. Но это его не останавливало. «...реакцию на письма, которые мы подписывали по поводу тех или иных репрессивных мер, скажем, по отношению к журналу «Новый мир» или другим изданиям, — говорил впоследствии писатель, — я испытал на собственной шкуре. Инициатором составления подобных писем я никогда не был, но... если видел, что изложенные в них требования справедливы, подписывал безусловно».

С *о своей будущей женой Антониной Хлебниковой писатель познакомился летом на сухумской набережной. После свадьбы молодые переехали жить в Москву, и вскоре у них родилось двое детей — сын Александр и дочь Марина. Жила семья небогато, зато очень счастливо. Именно в Москве Искандер начал масштабно писать прозу об Абхазии*

высокого мастерства. Им роман тоже был наделен в полной мере. Конечно, искандеровская Абхазия весьма далека от реальной. В книгах писателя мы встречаем метафорическую Абхазию, символ «утраченного рая», некий идеал ясной жизни.

Фазиль Искандер был дважды номинирован на получение Нобелевской премии в области литературы, но, увы, оба раза безуспешно.

В беспросветный, казалось бы, период брежневского застоя Искандер всегда откровенно выражал свою гражданскую позицию и имел из-за

Жить в окружении завесы молчания было тяжело. Особенно такой жизнерадостной, по-кавказски радужной и широкой натуре, как Фазиль Искандер. И трудно поверить, что именно в тот период он пишет веселый, проникнутый солнцем счастливого детства цикл рассказов о мальчишке Чике и его верных друзьях. Причем прототип Чика — сам автор, а в городе Мухус проступают колоритные черты Сухума. Там, в далеком мухусском дворе торжествуют добро и справедливость. Там участие соседей и тепло человеческих сердец противостоят холодной казенщине

официальной жизни, исполненной тревог, забот и страхов. Двор детства в рассказах — это целый мир со своими незыблемыми законами, своим сводом житейских правил, своей системой наказаний и поощрений.

И вновь мягкая ирония писателя, чуждая подтруниванию и нравоучениям, развенчивает напыщенность, глупость и самодовольство чинуш и карьеристов, мнящих себя хозяевами жизни. Народный, по сути, юмор рассказов убивает гнездящийся в простых людях страх перед «господами», которые Искандеру глубоко ненавистны, хоть он этого впрямую и не показывает. Но его плутовской смех торжествует над ложью партийных лозунгов, над всеми попытками государственного оболванивания народа.

«Человек должен быть порядочным, — утверждал писатель. — ...Порядочность не предполагает героичности, она предполагает неучастие в подлости». Право, лучше не скажешь.

В 1989 году Фазиль Абдулович стал одним из одиннадцати депутатов от Абхазской АССР в Верховном Совете Советского Союза и проработал там до самороспуска этого высшего органа власти в 1991 году в связи с распадом СССР. К своим депутатским обязанностям относился серьезно, но в дальнейшем политикой уже не занимался, сохраняя верность либеральным убеждениям, которые сочетались у него с социальным пессимизмом.

Зато политика еще не раз вспоминала о нем, когда требовался честный писательский голос и непрере-

каемый нравственный авторитет. Не даром ему была вручена почетная премия имени академика Андрея Сахарова «За мужество в литературе». А в 2002-м в Абхазии Фазилю Искандеру вручили высшую награду республики — орден «Честь и слава» I степени. Ранее он дважды получал из рук двух президентов России орден «За заслуги перед Отечеством» и был назван при этом личностью, которая «символизирует вековые традиции дружбы наших народов».

Шло время. Он продолжал неустанно трудиться за письменным столом, но печатался не так уж часто. Случались у него, как у всякого взыскательного к себе художника, и кризисные периоды, которые он преодолевал, возвращаясь памятью в заповедную страну детства. Эта тема была для Искандера неисчерпаема. В рассказе «Время счастливых находок» он пишет: «Земля детства — это мокрый загадочный берег после отлива, на котором можно найти самые неожиданные вещи... Я понял, что все счастливые находки детства — это тайный кредит судьбы, за который мы потом расплачиваемся взрослыми. И это вполне справедливо».

Литературное наследие Фазилия Искандера велико. В поздние годы его талант ничуть не померк, и им были созданы повесть-притча «Кролик и удавы», эссе-диалог «Думающий о России и американец», лирико-философские повести «Школьный вальс, или Энергия стыда», «Стоянка человека» и «Софичка», а также золотая россыпь рассказов. И вновь

писатель поднимает в этих своеобразных, окрашенных порой грустным, порой веселым юмором вещах свою коронную тему Дома, символизирующую моральные устои, честь, совесть, извечные основы бытия. Этот свободный сплав сочных картин жизни, острой сатиры, публицистических размышлений и социального анализа замешан на авторской рефлексии и отличается вторичностью сюжетных построений, как у большинства современных прозаиков-модернистов.

Искандера волновала проблема места человека в постиндустриальном, обезличенном мире, проблема выбора и проблема смерти. Он ставил эти глобальные проблемы на бытовом, «частном» материале, отчего они не теряли под его пером своей значимости. «Поиски снежного человека, — замечал писатель в повести «Стоянка человека», — это, может быть, тоска человека по своему началу в предчувствии своего конца. Люди хотят увидеть своего далекого пращура, чтобы попытаться понять, где и когда именно они свихнулись».

Удивительно яркая, буквально осязаемая, богатая зримыми образами проза Искандера всегда манила к себе кинематографистов. Сам Фазиль Абдулович считал, что фильм, даже хороший, все же сильно упрощает художественный мир литературного произведения. Тем не менее самые удачные экранизации его вещей по-прежнему любимы и почитаемы зрителями разных поко-

лений. В первую очередь, это упоминавшийся уже «Маленький гигант большого секса», «Время счастливых находок», «Пир Валтасара, или Ночь со Сталиным» (по мотивам главы из чегемского цикла), «Воры в законе» (по мотивам рассказов «Бармен Адгур» и «Чегемская Кармен»), все то же «Созвездие Козлотура», «Расстанемся, пока хорошие», «Софичка».

Фазиль Абдулович хранил бесчисленные читательские письма, дорожил ими. Были и такие, в которых поклонники писателя признавались, что в отчаянии собирались покончить жизнь самоубийством, однако под влиянием его книг отказывались от этой идеи. Мнения читателей он ценил выше мнений критиков.

Писать Искандер любил, полностью отрешившись от житейской суеты и телефонных разговоров, которые в принципе не жаловал, запирались в комнате и подолгу ходить, обдумывая новую вещь, из угла в угол. Отвлекать его в эти дни даже самым близким не стоило. Писал он трудно, много раз переделывая написанное. А когда читаешь его книги, кажется, что они созданы на одном дыхании. Обманчивая легкость!

*Защемленная совесть России,
Иноверец, чужой человек,
Что тебе эти беды чужие,
Этот гиблый пространства разбег?
.....
Что тебе? Посмотрели в сторонку.
Почему же, на гибель спеша,*

*В ледовитую эту воронку,
Погружаясь, уходит душа?*

Он писал хорошие стихи, хотя как бы немного стеснялся своего поэтического творчества, считал его, по сравнению с прозой, вторичным. Процитированное выше стихотворение мастер иносказательно назвал «Кюхельбекер», прибегнув к нехитрой уловке ради прорыва сквозь чуткую цензуру к читателю. Вопрос своего места в русской культуре, в России был для Фазиля Искандера исключительно важен. Его проза и его стихи служили читателям антидепрессантом от уныния и безверия.

Потускнел ли с течением времени причудливый, пестрый мир произве-

личину». Так сказал однажды Фазиль Абдулович, выступая на международной конференции под Копенгагеном, и доказывал это всем своим творчеством.

...К концу семидесятых проза и стихи «мудреца из Чегема» лишаются привычной жизнерадостности. Мрачнеют и ожесточаются его прежде столь веселые и беззаботные герои. Писатель отказывается теперь от своей виртуозной иносказательности, спасительного эзопова языка, обусловленного цензурными препонами, и говорит с читателем «прямым текстом». Другими предстают перед нами уже «Бармен Адгур» и «Чегемская Кармен». В другие

В 2002-м году Фазилю Искандеру вручили в Абхазии высшую награду республики — орден «Честь и слава» I степени. Ранее он дважды получал орден «За заслуги перед Отечеством» и был при этом назван личностью, которая «символизирует вековые традиции дружбы народов»

дений Искандера, который он, подобно всем выдающимся писателям, приращивал новыми текстами всю жизнь? Едва ли. Географически этот мир совсем не велик — часть Черного моря, горы, селенья, щедрый солнечный свет. Но мир этот изначален и незыблем. Он являет собой гармоническое целое, к которому в любую эпоху исподволь стремится людская душа. «Бог дает счастье каждому народу одинаково, невзирая на ве-

тона окрашиваются сюжетные коллизии «Софички». И все же радостный, искрящийся юмором мир Искандера не исчезает со страниц его произведений, продолжая согревать читательские сердца.

Лауреат Пушкинской премии, премии «Большая книга» в номинации «За честь и достоинство», а также еще целого ряда почетных литературных наград, Фазиль Абдулович

Искандер ушел (именно, не умер, а ушел!) из жизни на 88-м году, во сне, в разгар жаркого летнего дня 2016 года, у себе на даче в писательском поселке Переделкино. Ушел в окружении родных и близких, как и положено всенародно почитаемому аксакалу, и был похоронен на Новодевичьем кладбище. «Легкой жизни я просил у бога, // Легкой смерти на-

до бы просить». Он-то уж точно заслужил ее.

Фазиль Искандер писал о современниках, но думал о будущем и пристально вглядывался в лица молодых, хотел быть им интересен и понятен. Он мечтал сказать о себе словами великого поэта: «Читателя найду в потомстве я». Думается, эта его заветная мечта сбылась... □

Фазиль Искандер

ДВОЕ

*Потрескивали по ночам цикады
В сухом, смолистом древнем
сосняке.*

*Они звучали странно, как цитаты
Из книги вечности на мертвом языке.*

*А тело юное дневным палящим
жаром*

*Бестрепетно дышало в простоте,
Светящееся в темноте загаром,
Остыть не успевало в темноте.*

*И день вставал, как счастье,
неподвижен.*

*Чтоб тут же лечь в горячие пески.
Под сосняком веснушчатым
и рыжим*

*Баркасы драили ночные рыбаки.
Пыталась петь, слегка перевернула*

*Мелодии полузабытой вязь.
Ладонями песок перебирала,
Стекала струйка, мягко золотясь.*

*Такие же волна перетирала
Песчинки у оранжевой косы.
Ладонями песок перебирала.
Текли и таяли песочные часы.*

*Как струйка этого песка во власти
Судьбы, по-своему сверяющей
весы,*

*Не понимали две, что и у счастья
Такие же песочные часы.*

*Не понимали двое. Но в наклоне
Ее руки сквозила эта связь.
Безвольно и безоблачно с ладони
Стекала струйка, слабо золотясь.*

КАК СТРАННО ДОГАДАТЬСЯ ВДРУГ...

Как странно догадаться вдруг,
Что признаки душевной смуты,
Что все суды и пересуды,
Озноб и праздничный испуг,

Брожение, робость, задыханье
И нежности горячий ком,
Зрачков расширенных сиянье,
Отмеченное божеством,

Что было тайною свободой,
Счастливым перехлестом глаз,
До нас задумано природой,
Но сотворялось через нас.

О МАТЕРИ

Бессонной ночи темная громада.
То вздрогну, то прислушаюсь опять,
Когда услышу, как за дверью рядом,
Не просыпаясь, вдруг застонет мать.

Тревожный стон доносится до слуха,
Как грозный отзвук прожитого дня,
Как будто сердце жалуется глухо
На одиночество, на холод, на меня.

Не знаю я, какую боль скрывает.
Обида ли? А может быть, верней,
Перед закрытыми глазами
проплывают
Забывшие ошибки сыновей.

Как будто жизнь налажена посильно,
Но многих, многих ей недосчитать.
Страдания немые кинофильмы
Во сне упорно догоняют мать.

Какая все-таки невысказанная сила
Ее глаза уберегла от лжи,
Какую тяжесть время провозило
Через гудящий мост ее души.

Гражданские и мировые войны.
Немало было и иных потерь.
Они ушли, строители и воины,
Портреты грустно улыбаются
теперь.

Охотники, табаководы, братья,
Большой семьи веселая братва.
От боли к боли — траурное платье.
Над ним, над черным, побелела голова.

Она об этой боли не кричала.
С достоинством несла ее печать,
Но если смерть — забвения начало,
То дело смерти побеждала мать.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ бизнес

Этот старенький дом находился где-то в далеком Подмоскowie и выделялся среди других построек своей особой запущенностью. Окажись здесь случайный прохожий, он ни за что бы не подумал, что в подобном гадюшнике могут жить люди, и очень бы удивился, услышав монотонный стук клавиш, раздававшийся откуда-то из глубины сооружения. В тесной камере сидели человек десять или двенадцать. Все они представляли разные регионы нашей необъятной Родины и прежде не были знакомы друг с другом. Это были люди разной судьбы, но объединенные одной общей целью — писать романы за именитых и хорошо раскрученных писателей. «Литературные негры», как их именуют в народе. Денно и ночью они строчили фантастику, боевики, детективы (особой популярностью пользовались иронические), а Гена и вовсе специализировался на детских сказках. Это был самый настоящий конвейер, не останавливающийся ни на минуту, выдержать который мог далеко не каждый. На смену выбывшим «неграм» немедленно приходили новые, благо с пополнением никогда не возникало проблем: каждый, кто умел читать и писать, имел шанс оказаться здесь. Кто не умел — проходил краткий курс обучения прямо на месте.

Сбежать не представлялось никакой возможности — территория охранялась вооруженными людьми с собаками, а непосредственно за работой следил обычно подающий надежды писатель, ради которого в данный момент и трудились «негры». Антон Творцов, издавший пять успешных книг, приступил к дежурству буквально пару дней назад.

— Посмотрите на себя, вы, жалкое отребье! — говорил он. — Любого из вас могли зарезать в подворотне, вы могли бы спиться или сгнить за решеткой. А вместо этого такая честь — стать частью российской культуры! Да, ваши имена не останутся в истории, там будет значиться лишь мое имя, но какое это имеет значение! Вы — бойцы невидимого фронта! Вы несете свет в тысячи, миллионы российских семей! Вы — новые Лермонтовы, Достоевские, Толстые! Вам было суждено прийти на смену великим гениям, и, кто знает, быть может, даже затмить их славу! О, какая это честь! Какой вызов! Разве вы могли хотя бы мечтать о таком!

Новые Лермонтовы, Достоевские, Толстые лишь охали и продолжали стучать по клавишам, сочиняя сюжеты залихватских погонь, любовных интриг и фантастических приключений, которые затем отправятся в издательство, превратятся там в яркие, красочные книги и в результате окажутся на книжных прилавках, откуда их радостно сметут читатели, успевшие порядком истосковаться по любимым героям...

Неожиданно в кармане у Антона Творцова запиликал мобильный. Судя по номеру, это был руководитель издательства, Сергей Викторович Соколов, личность во всех смыслах серьезная и авторитетная. Его боялись все: коллеги, родные, даже случайные прохожие. Собаки при его появлении обычно начинали громко выть, а рыбки в аквариумах и вовсе стремительно умирали. Писатель заметно напрягся и поспешил ответить на звонок.

— Здорово, Антоха, — сказал издатель. — Короче, спешу тебя порадовать — идем на рекорд!

— Какой еще рекорд? — удивился Антон.

— Ну, сколько твоих книг мы издали, пять, кажется. Так вот, только что я утвердил редакторский план, и до конца года мы опубликуем еще пятьсот!

— Как пятьсот?.. Ведь до конца года осталось лишь четыре месяца!

— Вот я и говорю, идем на рекорд. Составители Книги рекордов Гиннесса подъедут, пресс-конференцию соберем, в общем, я обо всем договорился.

— Но «негры» могут не справиться!

— А ты там для чего находишься? Подгони их. В общем, это твои проблемы, не справишься, сам займешь их место! А то ишь избаловались! Вон наши конкуренты за те же четыре месяца вообще шестьсот книг одного автора планируют издать. Если поперло — куй железо, пока горячо, читатель ждаться не любит. Но ты не бойсь, рекорд мы поставим. Среди их «негров» есть наши люди, там все схвачено. Ладно, довольно лирики, есть и другие новости!

— Какие? — со страхом в голосе произнес Антон.

— Хорошие, какие же еще! Открываем сеть книжных магазинов! А знаешь, как она будет называться? «Мир Антона Творцова». Круто? А ты, тварь неблагодарная, пятьсот книг подготовить не можешь!

— Целая сеть, посвященная мне... — удивился писатель.

— Ну а ты как хотел. В обычные книжные твои опусы просто не влезут. Ты ж у нас автор плодовитый, гы-гы-гы!

— Да как-то нескромно....

— Ой, не надо мне ля-ля-ля. Ты еще не знаешь, какую я тебе рекламную кампанию придумал! Это же целая стратегия, только послушай! Я договорился с производителями посуды, всяких там банок-склянок и прочего. Мы обклеим твоим лицом все вокруг! Женщины будут жарить на тебе картошку и печь блинчики, варить в тебе суп, пить из тебя мартини! А реклама в сети — вообще песня! Только представь, заходит человек на почтовый сервер, видит письмо от лучшего друга, невесты или родителей, открывает, — а тут фига ему на весь экран! Представляешь, фига!!!

— Как это, фига? — не понял Антон.

— Да вот так! Пока не введет кодовое слово, находящееся в твоём 101-м романе — не видать ему письма, как своих ушей. С почтовиками тоже есть договоренность, а с упертыми разберутся хакеры.

— Но это же подло! — возмутился писатель.

— Понимал бы чего! — ответил Сергей Соколов. — Подло — это когда люди не смогут включить компьютер без кодового слова в твоём 202-м романе или мобильник, новый пин которого находится в 321 книге. На нас работают лучшие программисты, фирма веников не вяжет!

— Вы — гений! — тихо пробормотал Антон.

— Кто бы сомневался! — ответил издатель и отключил сотовый телефон.

Попрощавшись с подающим надежды писателем, Соколов хотел, было, отправиться на обед, но тут в его кабинет вбежал запыхавшийся помощник Дмитрий Спиридонов.

— У нас ЧП, — заявил он прямо с порога.

— Что еще стряслось?

— Это все молодые авторы! Никакого спасу от них нет, многие наши сотрудники на грани нервного срыва!

— Ну что вы — как дети! — возмутился издатель. — Я же сказал, никаких присланных произведений не читать — сразу в корзину.

— Так они и не читают — удалять замучались. Жалуются на боли в пальцах, требуют дополнительных выходных!

— Ух, неблагодарные! Организуйте им экскурсию к «литературным неграм», это сделает их посговорчивее!

— Но это еще не все проблемы, — продолжил помощник. — У наших окон столпились молодые авторы. Они возмущены, что на их письма не отвечают, вас требуют!

— Совсем обнаглели, — ответил Соколов. — Отрывают нас от важных дел, мешают развивать культуру России! Дай-ка мне рупор.

Высунувшись в окно, Сергей приставил рупор ко рту и обратился к толпе, насчитывающей несколько сотен человек:

— Внимание! Вы действительно хотите публиковаться у нас?

— Да! Да! — закричали молодые люди.

— Отлично, даю вам десять минут. Разбейтесь по жанровой принадлежности и обозначьте себя какими-нибудь транспарантами, чтобы я понял, кто есть кто.

— Что это там за группа слева? — обратился издатель к своему помощнику, когда заявленное время вышло. — Что-то не разгляжу с такого расстояния.

— О, это авторы исторических романов.

— Исторических? — задумчиво произнес Соколов. — Где они находятся согласно рейтингу продаж?

— На последнем месте, Сергей Викторович.

— Очень хорошо, тащи сюда лук и стрелы.

— Получайте, писаки хреновы! — кричал издатель, ведя беспорядочную стрельбу из лука и наблюдая, как авторы спешно разбегаются в разные стороны. — Тоже мне, Ключевские долбаные! И не появляйтесь здесь, пока ваш рейтинг не вырастет! Так, кто там у нас следующий?

— Дальше идут поэты, Сергей Викторович.

— Самоубийцы, — с тоской в голосе произнес издатель. — Кто сейчас поэтов публикует? Так, и кто у нас еще остался?

— Далее контингент попрличнее, — радостно сообщил помощник. — Авторы любовных романов, фантастики и детективов.

— Что ж, раздай им бейсбольные биты, пусть останутся лучшие из лучших!

Час спустя в кабинете издателя стояли четверо ребят и одна молодая девушка. С разбитыми носами, синяками и кровоподтеками они представляли весьма жалкое зрелище, но Сергей Викторович был доволен.

— Поздравляю вас, друзья, — заявил он, обратившись к авторам. — Потом и кровью вы завоевали свое право на место под солнцем! Теперь у каждого из вас есть шанс оставить свой след в русской литературе, обрести славу и известность!

Увидев, что на лицах юных писателей заиграли улыбки, Сергей Викторович еще раз окинул взором ребят и обратился к долговязому пареньку:

— Вот ты, длинноногий, тебя как зовут?

— Антон.

— Думаю, что из тебя получится отличный курьер! С такими ногами тебе сам Бог велел быстро передвигаться. Верно я говорю?

— Могу и быстро, только ведь я хочу стать писателем.

— Антон, ну что ты как маленький! Пойми, путь этот долог и тернист. Вот поработаешь лет десять курьером, затем «литературным негром» лет пять, ну а если выживешь, то уж тогда....

— Но я считал...

— Так, все, с тобой я закончил! Иди, работай!

— Девушка, ну а теперь с тобой будем разбираться, — продолжил Сергей Викторович. — Ты, я смотрю, ничего так, симпатичная! Чего пишешь?

— Любовные романы.

— Ах, вот оно как! Чудненько! Ты себя в порядок приведи, а где-нибудь через недельку приезжай ко мне на дачу. Буду из тебя писательницу делать!

— Правда? — обрадовалась девушка. — А рукописи захватить?

— Нет, лучше чулки и стринги.

— Но...

— Следующий, — произнес издатель, закуривая сигару.

Следующим оказался едва стоящий на ногах молодой человек по имени Кирилл.

— А ты откуда такой загорелый? — поинтересовался Сергей Викторович.

— В Крыму отдыхал.

— Нормально. Вижу я в тебе определенный талант, у меня на такие вещи глаз наметан!

— Ну, в общем да, — приободрился писатель. — Вот недавно я выиграл премию...

— Это мне не очень интересно. Скажу откровенно: есть у тебя шанс перескочить через самую нижнюю ступеньку карьерной лестницы. Думаю, должность курьера или уборщика ты уже перерос. Так что запишись в солярий, еще чуть позагорай, ну а затем из тебя можно будет сделать вполне приличного «литературного негра». Поедешь в Подмоскovie, там у нас организована база для таких, как ты. Будешь усердно трудиться — за свое писательское будущее можешь быть спокоен!

Отправив восвояси молодого человека, Сергей Викторович наконец-то решил пообедать, но ему вновь не повезло! Точнее, не повезло писателю-фантасту Леониду Пряникову, с которым Соколов встретился в коридоре. Леонид был уже известным писателем, завтра у него должна была выйти триста первая книга, а послезавтра триста вторая.

— Слушай, ты меня задолбал, — гневно произнес Сергей Викторович. — Сколько можно писать про эльфов, троллей, гоблинов!

— Но позвольте! Я ведь пишу про драконов! Боевых, огнедышащих драконов! — заявил Леонид, многозначительно жестикулируя руками.

— Да ведь это же еще хуже! — возмутился издатель. — Где новые ходы, сколько можно выезжать на старом багаже? Пусть будут пупырчатые ухогрызы, слано-тараканы, птице-хвосты, да пусть даже и зловонные глаза-ноги! Ну, не мне же тебя учить, фантаст ты или где?

— Как это, глаза-ноги? — произнес заметно смутившийся писатель.

— Да очень просто! Сочиняй, выдумывай, богатый русский язык в твоём полном распоряжении! Добавь заодно саблезубых ногтегрызов, ядовитых лобощипов, летающих дерьмобросов! Зла на вас не хватает, бедари! А ты чего ржешь? — обратился Сергей Викторович к проходящему мимо Игорю Дроздову, автору любовных романов. — Думаешь, к тебе нет претензий?

— А какие ко мне претензии, я вообще-то в топе!

— В попе ты, а не в топе! Штмп на штампе сидит и штампом погоняет! Что твои герои то на столе, то на стуле, то, упаси Боже, на кровати! Ты вообще свою целевую аудиторию представляешь?

— Ну, так...

— Вот именно, что так! Это женщины старшего поколения, как правило, тучные, дородные домохозяйки. Вот начитаются они твоих романов, дождутся мужика своего с работы, схватят его за шкирман, потащат на стул или стол, и плачь мебель крокодильими слезами! А нам потом в суде отвечать, компенсации выплачивать за порчу чужого имущества! А эти слащавые сцены, где они кормят друг друга фруктами. Как они до сих пор не сдохли от ожорства, Дроздов?

— А что же делать ...

— Думать, Дроздов, думать! Добавь элемент неожиданности. Вот представь! Парочка, истосковавшаяся друг по другу, наконец-то остается наедине, а тут... — Издатель осекся и махнул рукой: — Все, иди работать! Надоел!

Добравшись, наконец, до ресторана и сытно пообедав, Сергей Викторович вернулся в издательство и на пару со своим помощником Дмитрием Спиридоновым занялся текучкой. Но работа как-то не клеилась. Отложив в сторону бумаги, издатель закрыл глаза и принялся мечтать. Он представил себе огромную толпу людей с цветами и его портретами в руках. Вот президент вручает ему орден и на всю страну объявляет о его достижениях перед российской культурой. Вот газеты соревнуются друг с другом в похвалах, телеканалы приглашают его на самые топовые программы! В его честь воздвигают памятники, его именем называют новую религию, а еще города, страны и парочку континентов. Весь земной шар поет ему осанну...

— Сергей Викторович, а вы чего такой довольный? — спросил вдруг Дмитрий Спиридонов, выведя издателя из легкого транса.

— Тьфу, ты, черт! Все мечты испортил! — разозлился Соколов.

— Ну, извините. А о чем мечтали хоть?

— О будущем. Важное все-таки дело мы с тобой делаем! Сколько трудов, сколько бессонных ночей, сколько сил и нервов тратим! И все для чего? Для нашей отечественной культуры! Что без нас делали бы люди? А что стало бы с нашей страной? Одного только я боюсь...

— Чего же, Сергей Викторович?

— Не возгордиться бы! Не пошла бы кругом голова от успехов! Ведь пропадет без нас культура, Дима, как пить дать, пропадет!

— Сергей Викторович, Сергей Викторович, — раздался вдруг голос за дверью, и в кабинет влетел писатель-фантаст Леонид Пряников.

— Что стряслось, ну что ты как ураган врываешься?

— Готовы! Готовы эскизы!

— Какие еще эскизы?

— Ну, как же! Вы же сами просили пупырчатых ухогрызов, птице-хвостов, зловонных глаза-ногов, ну, и так далее! Пойдемте скорее к художнику, он по моей просьбе уже кое-что набросал!

— Вот видишь, Дмитрий, — задумчиво произнес издатель, — ни на секунду русскую культуру без присмотра не оставишь! Всего себя ей отдавать приходится!

— А что делать! Таков уж наш крест, — философски заметил Дмитрий Спиридонов и уткнулся носом в бумаги.. □

Первый японец в России

Первым сыном Страны восходящего Солнца, попавшим в пределы Российской империи стал некий Денбей — сын купца из Осаки. Правда, прибыл он не по своей воле — его судно потерпело крушение у берегов Камчатки в конце XVII столетия, в 1697 году. В Японии в то время действовал строжайший запрет на выезд ее граждан за пределы государства, и ослушников, дерзнувших его нарушить, ждала неминуемая смерть. Поскольку обратный путь на родину для Денбея был теперь закрыт, он решил остаться в России. И не просто остаться, а добраться до самой Москвы. На этот долгий и опасный путь у Денбея ушло несколько лет. В итоге в 1701 году он, много раз в пути бывший буквально на волосок от гибели, все-таки увидел златоглавые соборы Первопрестольной.

А в начале следующего года Денбей удостоился чести быть представленным русскому царю — Петру I. После проведенной с российским монархом аудиенции в царском подмосковном селе Преображенском Денбей стал переводчиком и преподавателем японского языка в Артиллерийском приказе. Так бывший купец из Осаки, сам того не желая, дал мощный толчок к изучению и освоению Россией пограничных с Японией Камчатки и Курильских островов. Через несколько лет, по настоянию петровского сподвижника Якова Брюса, Денбей крестился, взяв себе имя Гавриил Богданов. Этот шаг окончательно закрыл для него даже гипотетическую обратную дорогу на родину, так как христианство в то время в Японии было строжайше запрещено. А вот основанную Богдановым-Денбеем школу переводчиков ждала более долгая судьба: в 1739 году она была переведена в Иркутск, где просуществовала до 1816 года.

АВГУСТ – собираем урожаем

Август...
Последний месяц солнечного, жаркого лета.

Днем еще по-прежнему очень тепло, хоть световой день уже заметно убавился. По утрам и вечерам роса приятно бодрит, ощутимо отдавая целебной прохладой. Да и купальный сезон в средней полосе России в августе, увы, уже быстро подходит к своему концу. В предвечерний час упоительно стрекочут кузнечики и цикады, а как стемнеет, на небосводе зажигаются тысячи звезд. В последнем летнем месяце они особенно ярки: надо спешить загадать желание, которое непременно сбудется, если увидеть, как одна из них вдруг стремительно

падает вниз. Под конец лета август вознаграждает нас за труды и хлопоты прошедших декад, даря обильный и разнообразный урожай овощей, плодов и фруктов. Чего только нет на августовском столе. Ведь именно в августе поспевают, набирая силу, многие дикоросы, целебные травы и ягоды (брусника, черника, морошка). Да и грибы, поднимающие свои разноцветные шляпки после теплых «грибных», в их честь так и прозванных, дождей, так и просятся в корзинку с лукошком. Успевай только собирать! Но какие же

Всеволод Иванов

праздники отмечали в этом месяце наши далекие предки славяне?

Последний месяц лета славяне называли серпень или жнивень. Несмотря на прошедшие столетия, эти слова не требуют перевода или разъяснения — в августе у крестьян в самом разгаре была летняя жатва — пора сбора с полей урожая зерновых. А еще август называли густоедом, хлебосолом или разносолом. И эти названия нам тоже понятны без лишних слов — в августе в домах жителей сел и деревень царило

праздничное застолье. Вот уж действительно пир был на весь мир, когда от разнообразия угощений и яств разбегались глаза и текли слюнки. На заре славянской истории, до утверждения на Руси христианства, бытовало и еще одно название последнего месяца лета — зарев (от холодных зорь по утрам).

Август, этот величественный и божественный в обилии даров природы месяц года, был назван в честь основателя Римской империи Гая Юлия Цезаря Октавиана Августа (63 г. до н.э. — 14 г. н.э.). Первый

римский император оставил след в древней истории не только как выдающийся военный и политический деятель, но и как автор реформы календаря. Именно в его честь и по его имени последний месяц лета и получил свое название: август означает — божественный.

На исходе первой седмицы последнего месяца лета наши предки отмечали Спожники, или праздник Хлебного урожая. Праздник начинался на убранном после урожая поле, на котором на заранее выбранном небольшом участке специально оставляли один несжатый сноп. Наши предки верили, что на каждом поле обитают его стражи. Ими были полевики — духи поля, охраняющие его от многочисленных вредителей, а значит, помогающие людям вырастить и сохранить урожай зерна, от обилия которого напрямую зависело благополучие местного рода и общины. Жрецы общины торжественно крепко-накрепко перевязывали сноп, как бы приглашая духов поля занять свое новое жилище. Ну а после завершения этого обряда вся деревня собиралась за одним большим, выставленным прямо на улице столом, и начинался пир на весь мир. Завершался праздничный вечер традиционными играми и плясками, на которых от души веселились и стар, и млад. И, конечно же, в августовской темноте ярким пламенем вспыхивали величественные ритуальные костры, дым и огонь которых долж-

ны были унести прочь все беды и невзгоды.

Отметим, что после установления христианства на Руси церковь, не будучи в силах уничтожить подобное «поганое языческое действо», передвинула Спожники на конец месяца, совместив его с завершением Успенского поста. Ныне Спожники, этот, казалось бы, безвозвратно и полностью забытый древний славянский праздник, начинает медленно, но верно возрождаться.

По завершении третьей недели августа (21-го) наши далекие предки отмечали День Стрибога, повелителя ветров и всего воздушного пространства. Славяне именовали это божество своего пантеона по-разному: Стрый, Стриба или же Ветрыла. Стрибог имел власть не только над ветрами, но и вообще над всем, что имеется и движется в небе: над птицами и даже над стрелами, выпущенными удалыми охотниками или дружинниками князя из туго натянутой тетивы лука. В зависимости от своего расположения или, наоборот, неприятия к людям, Стрибог мог наслат тучу с долгожданным для роста посевов дождем или же пригнать разрушительный ураган и смерч. Представляли Стрибога в образе увенчанного длинной седой бородой старца, умудренного жизненным опытом, в руках которого был золотой лук. Прося о своей милости и защите, люди подносили Стрибогу невероятно щедрые и богатые дары-угощения.

Естественно, что столь грозное и обладающее невероятной силой божество наши предки почитали особо. Причем как земледельцы, так и путешественники — купцы, рыбаки и моряки. Ведь именно от превратностей погоды напрямую зависел не только урожай, но полный опасностей путь передвижения по многочисленным рекам от города к городу, от селения к селению. Напомним, что именно водные артерии Руси были в раннем средневековье главным, а зачастую и единственным способом передвижения на длительные расстояния, обеспечивая как связи внутри государства, так и с внешним миром.

....С окончанием августа завершается и лето, на смену которому приходит осень. Этот переход был очень важным и значимым в жизни славян — ведь не просто один месяц уступал время другому, а одно время года сменяло другое. Многие столетия, вплоть до зна-

Константин Васильев. «Жница»

менитого указа Петра I от 20 декабря 1699 года о праздновании со следующего года Нового года с 1 января, Новолетие (или Новый год) начиналось на Руси с 1 сентября. □

«НИССАН-ТЕРРАНО»

ГЛАВА 1

Обогнать с первого раза учебную «шестерку» с предупреждающим треугольником на крыше мне не удалось. Как раз в тот момент, когда я обходил машину слева, «шестерка» повела себя так, словно за ее рулем сидел плохо выдрессированный медведь. Машина вдруг рванула вперед, зашуршав колесами по гравию, и, обгоняя стоящий впереди хлебный фургон, тоже начала брать влево. Она беспардонно прижимала мой «ниссан-террано» к бордюру встречной полосы. Я на всякий случай посигналил, потом притормозил, уважительно пропуская ошалевшую машину.

Мы бы разминулись вполне благополучно, если бы из-за поворота прямо на меня не выкатил автобус. Спасая машину от издержек учебного процесса, я со всей силы нажал ногой на педаль акселератора, и сто двадцать пять «лошадок» турбодизеля снарядом кинули «ниссан» вперед, в узкий промежуток между «шестеркой» и автобусом. Когда я, наконец, снова вырулил на свою полосу, оставив учебную машину позади себя, «шестерка» встала как вкопанная посреди дороги и заглохла.

Со стороны инструктора распахнулась дверь, и из машины вывалился коренастый крепыш в темных брюках, сандалиях, одетых на красные носки, и в майке, украшенной рекламой пива. Он был очень огорчен, сильно размахивал руками, отчитывая ученика, который по-прежнему сидел в машине и не высовывался.

На ловца и зверь бежит, подумал я, узнав в инструкторе своего соседа Виктора Куценко, который в прошлом месяце одолжил у меня, кажется, «штуку» (или две?) баксов. Дал задний ход, мягко прижавшись к передку «шестерки», заглушил машину и вышел наружу.

Виктор не сразу разглядел мои добрые намерения и на всякий случай отступил назад. Исподлобья глядя на меня, он тихо выругался:

— Да что за дела!.. Не поймешь, черт возьми, что творится! Все с ног на голову поставлено!..

Я снял темные очки, и Виктор, узнав меня, откровенно обрадовался тому, что хозяин «ниссана» его сосед, а не какой-нибудь уголовный элемент с туманным прошлым. Правда, уже через мгновение по его лицу пробежала тень — кажется, он вспомнил про долг, и это испортило ему настроение.

— Привет, — упавшим голосом сказал он, протягивая свою широкую ладонь.

Люди, которые должны, так не любят смотреть в глаза!

— Чего шумишь? — примирительно проговорил я.

Виктор, ожидавший неприятного вопроса о баксах, сразу оживился:

— Я объясняю, что педаль сцепления надо отпустить сначала на треть хода, а потом потихоньку, как пробку из-под шампанского...

— Так возьми бутылку и покажи, а не ругайся, — посоветовал я. — Или дай разок по затылку. Это помогает.

— По затылку! — буркнул Виктор и мельком взглянул на запыленное окно «шестерки». — Эту нельзя. Актриса!

Вокруг нас скапливался народ, в основном местные пенсионерки. В отличие от курортников им было скучно, и они хотели посмотреть на разборку.

А я всматривался сквозь стекло «шестерки», тщетно пытаюсь рассмотреть сидящую за рулем актрису. В этот момент дверь открылась, и я увидел каштановую шляпку волос с обесцвеченной челкой, а затем и широкоскулое загорелое лицо девушки лет двадцати пяти. Она заметно отличалась от приезжих девушек, переполнивших пляж, необычным сочетанием цвета волос и ярко-зеленых миндалевидных глаз, а также профессиональным макияжем, где тональный крем, тушь и тени едва угадывались на ее лице. Ступив босыми ногами на горячий асфальт, она вытащила откуда-то из-под педалей пару босоножек, надела их, после чего оперлась о горячий капот «шестерки» и, высокомерно взглянув на меня, спросила:

— Надеюсь, я вас не задела?

— К счастью, нет. Но я просто чудом успел выскользнуть из-под ваших колес.

— Я не виновата, — объявила девушка безапелляционным тоном. — Просто у этих «Жигулей» плохо крутится руль. И инструктор у меня злой.

— Насчет руля вы, может быть, не совсем точно выразились, — тактично заметил Виктор. — Я лично проверял машину перед выездом. Дело в другом: прежде чем перестроиться в соседний ряд, надо убедиться, что этим маневром водитель не создаст...

Я с любопытством рассматривал актрису. Где она играет? И какие роли? Потом, не удержавшись, спросил:

— Вы, в самом деле, актриса?

Она не ответила на мой вопрос и опустила на глаза непроницаемо-черные очки с круглыми стеклами в оправе из белого металла.

Монахиню она сыграть не сможет, решил я, разве что в кинокомедии.

Виктор топтался рядом, мечтая быстрее распрощаться со мной. Зрители разочарованно покидали место действия. Был полдень. Злое солнце и аура курортного безделья возбуждали человеческие слабости. Я продолжал пялиться на девушку, и затянувшуюся паузу мой сосед воспринял как немой вопрос относительно денег.

— У меня сейчас небольшие финансовые затруднения, — наконец сказал он.

— Как вас зовут? — не обратив внимания на его реплику, повернулся я к девушке.

— Эту? — зачем-то уточнил Виктор и, нехотя ответив: — Инга, кажется, — залез в салон.

— Не вернешь бабки через два дня, — ласковым голосом сказал я ему, — включу счетчик.

Деловое выражение стало сползать с лица инструктора, как пригоревший блин со сковородки. Ничего, успокоил я себя, провожая глазами «ше-стерку», которая, как хромая лошадь, толчками набирала скорость, ночь не поспит, зато духовно обогатится, общаясь с этой зеленоглазой музой. Все в жизни должно быть сбалансировано.

ГЛАВА 2

Я дождался первого гудка и мысленно попросил бога связи и телефонных коммуникаций проявить милосердие. Слушая второй гудок, остановил дыхание. Затем раздался щелчок, и опять включился автоответчик.

Не знаю, принимала ли Анна мои сообщения, но на все мои старания напомнить о себе она не подавала признаков существования, не звонила и не писала мне. Этим летом она почему-то изменила своей традиции и не приехала в Судак. Я чувствовал себя одиноким, мечтал о бескорыстной любви и наполнялся ненавистью к бригаде строителей, которая третий месяц ремонтировала мою гостиницу.

«...Оставьте свое сообщение после длинного сигнала», — в сотый раз выдал автоответчик из далекой московской квартиры.

Я посмотрел на трубку и вслух сказал себе: «Кирилл Вацура! Ты звонил ей в последний раз!»

В спортклуб «Персей» я обычно приезжал в часы полуденной сиесты, когда город плавился, как шоколад во рту. В это время в залах пустовало, и не было необходимости дожидаться своей очереди у снарядов. Я «качался» на пару с тренером клуба Герой. У него было интересное ко мне отношение. Гера считал, что тренер, он же учитель, должен воплощать в себе идеал физического совершенства, и всячески пытался продемонстрировать мне свое превосходство. Когда ему это не удавалось, он нервничал и истязал себя.

Мы вроде как дрались друг с другом, и наш поединок продолжался уже больше года. А вообще он был хороший парень, только стрижка наголо да татуировки на руках несколько его портили. И еще, несмотря на свой внушительный вид, Гера смертельно боялся девчонок и уже много лет подряд тщетно пытался жениться.

— Кончай потеть! — сказал Гера, когда я приседал со штангой на плечах, мысленно сравнивая ее со своими проблемами. — К тебе мужик пришел.

Я вышел в тамбур и взглянул на лестницу. На ступенях стоял Виктор Куценко и нервно наматывал на ладонь скрученный жгутом полиэтиленовый мешок; улыбка его была искусственной, словно кто-то невидимый сунул ему два пальца в рот и растянул губы. Наверное, моя еще не остывшая от нагрузки грудь произвела на него тяжелое впечатление, и сосед как-то сразу сник.

Виктор никогда раньше не приходил в клуб, и мне это не понравилось. Тот, кого не ждут, приходит обычно с дурными новостями.

— А-а, сосед! — воскликнул я, стараясь по глазам угадать, с чем он пришел. — Как идет учебный процесс? Научил свою актрису отпускать сцепление?

— Два дня прошло, — заговорил Виктор, кидая настороженные взгляды на дверь в зал, где гремел железом Гера. — Если можешь, то подожди еще неделю. Через неделю я отдам все...

Я уже забыл о своей нехорошей шутке про счетчик, а Виктор, оказывается, воспринял мои слова всерьез. Мне тотчас захотелось дать соседу еще денег. Я похлопал его по плечу и завел в раздевалку. Здесь можно было посидеть в кресле под распахнутыми настежь окнами и попить ледяной минералки.

— Садись, — сказал я ему, заглядывая в холодильник. Виктору показалось, что я настроен на долгий и крайне неприятный разговор, и он решил не оттягивать экзекуцию.

— Нет, давай уже сразу все решим. Можешь меня казнить. Но ситуация вот такая, понимаешь... Брат с деньгами задержался, должен был еще вчера приехать...

— Да ладно, успокойся! — махнул я на него рукой. Нет ничего хуже, когда человек боится тебя без причины и наоборот. — Лучше про Ингу расскажи. Где ты ее нашел?

— Да я ее и не искал, — пожал плечами Виктор. — Ко мне ее привел незнакомый парень и сказал, что за десять дней ее надо научить водить машину.

— Почему именно за десять?

— А потом начнутся съемки фильма. А она должна сыграть в нем эпизод, как садится в машину и мчится по улицам.

— Что ты говоришь! — воскликнул я. — Представляю, какой это будет захватывающий фильм! А как будет называться? «Смертельная погоня»? Или «Кровавая гонка»?

— Не знаю, не интересовался.

— А откуда она? С какой киностудии?

— Кажется, с Ялтинской.

— Где остановилась? Адрес знаешь?

— Нет. Она приходит в автошколу, мы садимся в машину и едем. Через час расстаемся. Вот и все.

— И сколько уже дней, ты говоришь, она в твоей машине дрессируется?

— Два. Пока два.

— Вот и хорошо! Оставшиеся восемь дней я буду учить ее вместо тебя, — улыбнулся я.

— Да ты что? — с испугом посмотрел на меня Виктор. — Ты зря думаешь, что это интересно. Я тебе не советую.

— Восемь дней, конечно, многовато, — гнул я свое, — а пару раз покатаюсь с ней.

— Это невозможно, Кирилл! Что я скажу директору? А как на это киношники посмотрят? Они пообещали мне приличные бабки...

— Ничего говорить не надо, — перебил я его. — Никто ничего не узнает. Завтра, когда она сядет в машину, скажешь, чтобы вырулила к гаражам, и объяснишь, что на два дня тебя подменит гонщик мирового класса Бартолемео Лесепс. У гаражей я вас и встречу.

Виктор вздохнул, потом молча кивнул и ушел.

ГЛАВА 3

— Я вот почему просила тебя прийти, Кирилл, — сказала Лебединская, проводя меня через зал в подсобное помещение. — Зеленого чаю хочешь?

Она, как всегда, держала в руке большую раковину рапана, в которую поминутно стряхивала пепел с папиросы. Темный брючный костюм,

короткая стрижка, низкий, хрипловатый голос и неистребимая тяга к папиросам и автомобилям настолько затушевывали женское начало в заведующей музеем, что мне всякий раз хотелось назвать ее «дядя Шура».

— Нет, чаю не надо, тетя Шура, — ответил я.

— А я вчера Анну вспоминала. Какая все же милая девочка! Кофточку и клофелин от гипертонии из Москвы мне прислала... А почему она не приехала?

— Вы ведь не для того меня позвали, чтобы спросить про Анну? — предположил я. — Разве такая деловая и энергичная женщина стала бы тратить время на ерунду?

Лебединская затанулась, прищурилась и погрозила мне пальцем:

— Только Кирилл Вацура умеет взять за горло так, что будет приятно. Ты прав, я не собираюсь читать тебе мораль, у меня к тебе серьезный разговор... Тебе о чем-нибудь говорит имя Лембит Лехтине?

— Нет. Это имя мне незнакомо.

— Странно. А он утверждал, что вы знакомы.

— Кто он такой, этот Лехтине? — спросил я, впрочем, без особого любопытства. — Что ему было нужно?

— Он представился искусствоведом и частным коллекционером, — медленно сказала Лебединская. — Из Тарту, кажется... Говорил с сильным акцентом, часто путал слова. Его интересовали золотые генуэзские монеты пятнадцатого века.

— Очень приятная новость, тетя Шура, — резко проговорил я.

— Приятного мало, — ответила она так, словно не поняла моего сарказма.

О том, что у меня есть такие монеты, в Судаче знали только два человека — заведующая музеем Лебединская и «черный» антиквар Кучер, которому два месяца назад я продал полсотни штук по пятьсот пятьдесят долларов. В честности Лебединской и Кучера я не сомневался, а потому осведомленность незваного гостя меня насторожила.

— Я же вас предупреждал! — сказал я, привставая с кресла. — Значит, вы меня не послушались? Вы выставили подлинники всем напоказ? И этот ваш Лембит, естественно, их увидел?

— Ах, Кирилл! — воскликнула Лебединская. — Какое послушание? Я же не девочка и, кажется, гожусь тебе в матери!

— Но вы же сами пообещали мне, что закажете латунные копии, а золотые монеты спрячете. Ведь вы не хуже меня знаете, чего стоят эти монеты. И любой мало-мальски осведомленный в антиквариате специалист без труда определит их цену. И чем выше цена, тем больше всякой криминальной нечисти будет к этому золоту липнуть. Спрячьте их от греха подалее и никому не показывайте!

— Я уже говорила, что ты, Кирилл, циник! — холодно заметила Лебединская. — В моем несчастном музее одни муляжи, кроме нескольких обломков гончарной черепицы, сомнительных каменных наконечников для стрел и картин начинающих пейзажистов. Впервые за свою жизнь я смогла показать людям бесценные исторические реликвии, а ты требуешь, чтобы я спрятала их подальше.

— Но это же опасно! — взмолился я. — Неужели вы не понимаете, что даже за одну монету преступники могут пойти на все! Какой-то эстонец уже заинтересовался монетами, уже знает мою фамилию. А откуда, спрашивается, он мог узнать, что у меня тоже есть такие монеты?

— Не знаю, — ответила Лебединская. — Шила в мешке не утаишь.

— Правильно. Поэтому шило не надо класть в мешок. Лучше его зарыть в землю. Так безопаснее и...

— Опять ты за свое! — возмутилась заведующая, перебивая меня и с грохотом опуская раковину на стол. — Я уже от тебя устала! Ты сгущаешь краски! Кто догадается, что под стеклом лежат подлинники, когда их тут сроду не было? Об этом знаем только ты и я.

— Ну, хорошо! Я понял, что не могу вас убедить убрать с витрин монеты. Мне проще самому их сгрести и спрятать в более надежное место!

— Я очень благодарна тебе за монеты, Кирилл, за этот щедрый подарок, — вздохнула она, — но теперь позволь мне самой распорядиться ими.

— Так что хотел от меня ваш коллекционер Лехтине? — спросил я, направляясь к двери.

— Во-первых, он не мой коллекционер, — нарочито безразличным голосом ответила заведующая. — А во-вторых, он не сказал, что от тебя хочет. Спросил лишь, не знаю ли я, где ты живешь. Я ответила, что не знаю. Вот, собственно, вся история.

— Он, конечно, подходил к шкафам, рассматривал монеты?

— Ошибаешься. Он не подходил к экспозициям. Только поговорил со мной и вышел... Это сколько уже на твоих часах пропиликало? Неужели ровно два? Все, мой милый, я пошла за пирожками. В моем возрасте привычкам изменять нельзя.

Мы расстались недовольные друг другом. Никогда еще я не был так зол на заведующую, как сейчас, и даже не предложил подвезти ее к «пирожковой», куда она с педантичной точностью ходила каждый день.

ГЛАВА 4

Лучше бы я пошел в тренажерный зал к Гере и выплеснул дурную энергию на кетлеровские станки. Но меня как магнитом потянуло в автошколу. Когда

я подъехал, из ворот выкатилась красная «шестерка» с предупреждающей надписью на капоте: «ОСТОРОЖНО, ЗА РУЛЕМ УЧЕНИК!» и свернула к гаражам. Я подождал, когда она остановится, и вышел из своей засады.

Полагая, что Виктор уже рассказал Инге о рокировке и вопрос решен, я с некоторым недоумением увидел, что мотор у «Жигулей» продолжает работать, а Виктор, сидя на инструкторском месте, о чем-то эмоционально говорит девушке, включая и выключая рычаг поворотных огней.

Я открыл дверцу, склонился и сдержанно, как и подобает учителю с ученицей, поздоровался с Ингой. Виктор осекся, раскрыл рот и хлопнул себя по лбу, очень фальшиво разыграв провал в памяти.

— Я ж совсем забыл! — с досадой произнес он, глядя то на меня, то на Ингу. — Мне же надо сегодня ехать в Белогорск!

— Ну, давай! Выметайся! — нетерпеливо хлопнул я его по плечу.

Инга, еще не понимая, что происходит, настороженно смотрела на меня своими зелеными глазами.

— Это как понять? — процедила она, когда я взгромоздился на сиденье инструктора и стал подгонять его под свой рост. — Я вас сюда не приглашала.

— Инга, — заискивающе произнес Виктор, — я забыл вас предупредить! Меня временно заменит мастер вождения Кирилл Вацура.

— Вообще-то меня зовут Бартоломео Лесепс, — поправил я, захлопывая дверь. — Но это не имеет значения. На Виктора свалились проблемы, ему срочно надо в Белогорск, поэтому учить вас вождению буду я. Не робейте, сцепление, первая передача, и плавно трогаемся... Ну что, поехали!

— Хорошо, — тряхнула головой Инга и, решительно взявшись за рычаг передач, добавила: — Принимать экзамен будет Браз, а его лучше не нервировать.

— Браз — это инспектор ГИБДД? — предположил я.

— Нет, это наш режиссер... Я должна научиться не столько водить машину по правилам, сколько эффектно, с визгом и искрами, трогаться с места и быстро набирать сумасшедшую скорость. Ну, куда рулить? — Она плавно тронулась с места и, уверенно проведя машину между гаражей, продолжила: — В фильме будет эпизод, как студентка Марта убегает от мафии, прыгает в первую попавшуюся машину и срывается с места. Марту буду играть я. Мне предлагали дублера, но я отказалась, пообещала, что за десять дней, пока оператор и художник занимаются выбором природы, научусь выполнять этот трюк.

— Теперь все понятно. Только на старой «шестерке» сумасшедшую скорость тебе вряд ли удастся развить. А ты играешь главную роль?

— Да, — кивнула Инга.

— А как фильм будет называться?

— «Час волка». Там будет и современность, и средневековье. В современной части я играю Марту, а в исторической — графиню Лавани... Ой, смотри! Смотри! — тыкнула она пальцем в ветровое стекло.

— Куда смотреть? — не понял я, выворачивая шею.

— Наверх!

— А что там я должен увидеть?

— Дельтаплан с мотором!.. Поздно, улетел уже.

— Да видел я его тысячи раз! Зачем так громко кричать?

— В нашем фильме тоже будет дельтаплан. Он зависнет над моторной лодкой, а Марта ухватится за свисающий фал...

— Марта, насколько я понял, это ты?

Инга опять попыталась эффектно стартовать. В общем, уже что-то вырисовывалось, хотя она еще не уловила тот тонкий момент со сцеплением, при котором двигатель не глохнет, а колеса шлифуют асфальт с визгом и дымом.

Мы подкатили к рынку, и я попросил:

— Остановись у обочины.

Инга решительно кинула машину на бордюр. Я лишь головой покачал.

— Плохо, да? — с надеждой спросила она.

— Постоим минутку, ладно? — ответил я, приоткрывая дверь.

У входных ворот кругами ходили менялы, шлепали пачками купюр по ладони и безостановочно бормотали:

— По выгодному курсу... Рубли на доллары...

Я искал среди них усатого, Вечного Мальчика, как я называл тощего спекулянта по кличке «Холера». Ему было за сорок, но выглядел он как болезненный подросток. Он прятался от солнца в тени козырька у входа в мясной павильон и искоса наблюдал за нашей машиной.

Я не стал к нему подходить и качнул головой. Вечный Мальчик, соблюдая понятную только ему конспирацию, медленно прошелся до ограды, оттуда к остановке автобуса, после чего, шлепая купюрами по ладони, приблизился к «шестерке».

— Здрасьте! — поздоровался он, слегка склоняясь над дверью и мельком взглянув на Ингу. — Какие проблемы? Баксы нужны?

— Мне Кучер нужен.

— Нужен — найдем, — негромко пропел Вечный Мальчик. — А чего это ты на «шестерку» пересел? С «ниссаном» что-нибудь случилось? Зато водитель у тебя — нет слов!

— Завтра я жду его на остановке у гостиницы «Горизонт» в это же время.

— А что я буду с этого иметь?

— Вставные передние зубы, — пообещал я. — Не слышал о таком нумизмате Лембите Лехтине? На рынке он не появлялся?

— Редкая фамилия, — ответил Вечный Мальчик, перебирая купюры, как колоду карт. — Не слышал и не встречал.

Я захлопнул дверь, и Инга завела машину.

— Куда едем, мой тиче?

— Прямо, к автостанции, потом свернешь направо. Там село Дачное находится, дорога не загружена, можно тренироваться. Заодно выполнишь одну мою просьбу.

— Какую?

— Узнаешь.

Мы выехали на шоссе, миновали каменные башни горы Гребешок и свернули на грунтовую улочку, зажатую с двух сторон заборами, из которых ломились пышные сады.

— Стой! — вдруг скомандовал я. — Выйди, пожалуйста, из машины и пройди по этой улице вперед метров сто. Справа увидишь двухэтажный дом с мансардой, номер сто тридцать четыре, покрыт красной кровельной медью. В общем, не ошибешься. Позвонишь. Если выйдет детина ростом выше меня и с лысиной, скажешь, что тебе нужен господин Кучер. Он не признается, начнет спрашивать, зачем, для чего? А ты скажешь, что интересуешься старинными монетами.

— Это все?

— Да, все. Весь фокус заключается в том, что он тебе ответит. Тебе, артистке, нетрудно ведь сыграть нумизмата?

— Я многое могу сыграть.

— Тогда сделай одолжение. Не бойся, это не страшно... Да, подожди! Вот сто долларов. Без них он не станет с тобой разговаривать.

Инга вышла, поправила прическу и протянула руку:

— Сумочку!

— Что? — не понял я.

— Мою сумочку дай!

— Да, конечно! — усмехнулся я, взял с сиденья маленький черный чемоданчик размером с книгу и протянул Инге.

Она не очень решительно зашагала по улочке, оборачиваясь и глядя на меня, словно проверяя, не розыгрыш ли это? Я пересел за руль и развернул машину. Инга шла посреди улицы, рассматривая утонувшие в садах дома. Ее бежевый костюм блестел и отливал металлом. Она выглядела слишком броско для этой пыльной дачной улицы и совсем не была похожа на нумизматку.

Ничего он ей не скажет, уныло подумал я.

Инга вернулась очень быстро, видимо, Кучера не было дома.

— Ну? — поторопил я ее, когда она села рядом.

— Значит, так, — начала она и посмотрела на потолок кабины. — Он дал адрес. Улица Набережная, дом два. Это там, где ремонтируется частная гостиница...

Гравий вылетел из-под задних колес машины с силой пулеметной очереди. Набирая скорость на предельных оборотах, я послал машину на шоссе, выскочил на встречную полосу и, уступая место идущему в лобовую грузовику, пропылил по обочине.

— Вот именно так... — произнесла Инга, придя в себя, когда «шестерка» гладко покатила в город. — Я тоже так хочу...

— Занятия закончены, — зло процедил я, а про себя подумал: «Сволочь! Зарю!»

ГЛАВА 5

— Ну что, остыл? — заботливо спросила меня Инга, когда мы покатались по центральной улице города. — Ты ожидал, что он назовет какой-нибудь другой адрес?

— Я ожидал, что он вообще ничего тебе не скажет и не возьмет деньги, — пояснил я. — А вообще не спрашивай меня ни о чем, все это тебя не касается.

— Знаешь, дорогой мой тиче, — звонко проговорила Инга, — если у тебя не ладятся какие-то дела, то не надо срывать злость на малознакомом тебе человеке. Это дурной тон.

— Во! — Я вздернул кверху указательный палец. — Точно! Ты права! А потому надо познакомиться еще ближе.

— Особого смысла я в этом не вижу, — хмыкнула она.

Я с воем промчался по Приморской и, остановившись перед музеем, повернулся к Инге:

— Посиди в машине, а я загляну на минутку к своей давней подруге.

Она шумно выдохнула и нарочито скривила губы. А я, выйдя из машины, поднялся по ступеням к двери выставочного зала и подергал отполированную ручку. Дверь была заперта. Я взглянул на часы: четверть третьего. Все ясно, тетя Шура ушла за пирожками.

— Ты хотел сводить меня в музей? — спросила Инга, когда я вернулся.

— Видишь ли, к заведующей недавно подходил какой-то мужичок из Прибалтики, мной интересовался. Ну, Лебединская из добрых побуждений дала ему от ворот поворот. А я сейчас подумал, раз Кучер за сто баксов кому хочешь дает адреса местных коллекционеров, то зачем от этого эстонца прятаться. Правда?

— А что ты хотел от этой Лебединской?

— Во-первых, чтобы подробно обрисовала мне этого эстонца — вдруг случайно встречу его на пляже или на рынке. А во-вторых, надо предупредить ее, чтобы смело дала мой адрес, если он снова к ней придет. Познакомлюсь, поговорю, узнаю, что ему от меня надо. Но Лебединская ушла, она всегда ровно в два идет к кинотеатру за пирожками. Слушай, а поехали ко мне, покажу свою гостиницу. Кажется, в холодильнике пара бутылок шампанского валяется.

— Знаешь что, тиче? Давай не будем форсировать события. У меня сейчас нет времени ехать к тебе, — покачала головой Инга.

— Что значит — нет времени? Еще не прошел первый академический час!

— Уже прошел второй астрономический. Отвези меня, пожалуйста, на набережную, к «Прибою».

— Ты хочешь пива?

— Нет. Просто меня там давно ждут.

Я не стал давать кругалю, поехал на набережную через военный санаторий и выкатился к причалу, аккуратно объезжая обнаглевших курортников, которые млели на асфальте, как гамбургские сосиски на гриле.

— Останови! — сказала Инга. — Вон они! Подъезжать не надо. Лучше, чтобы нас не видели вместе.

Метрах в пятидесяти от нас пристроились на парапете с пивными кружками трое мужчин. Одного из них, с большим кофром, с проплешиной, но бородатого, в шортах, из которых торчали тонкие волосатые ноги, я сразу окрестил Художником. Как в воду глядел.

— Это наш художник Эдик, — пояснила Инга. — Они ходили на выбор природы.

— А рядом с ним кто? Мужчина или женщина?

— Сам ты женщина! Это режиссер Браз. Просто у него прическа такая.

— А пижон в белом костюме и шляпе?

— Это продюсер.

— Кто-о-о? Я и слов таких не знаю.

— Продюсер, — повторила Инга каким-то странным голосом. — Тот, кто за все платит.

Пижону в белом костюме на вид было лет под пятьдесят, гладко выбрит, бронзовый загар, волосы с проседью, орлиный нос, сигарета в золотом мундштуке.

— Все понятно, — сказал я.

— Что тебе понятно?

— Все, — гробовым голосом повторил я. — Но ты мне оставляешь надежду?

Инга улыбнулась и опустила на глаза очки.

— Гуд бай, май тиче!

— Завтра в тот же час, на том же месте! — напомнил я.

Хлопнула дверь. Я смотрел, как Инга входит в роль актрисы, приближающейся к своему продюсеру. Она шла как по подиуму и не замечала никого, кроме пижона в белом.

И все-таки день прошел не зря.

ГЛАВА 6

Я уже собирался ложиться спать и не вставать до утра, как раздался низкий зуммер системы «шериф», которую я обычно включал на ночь. Гостей я не ждал, потому был несколько озадачен. Открыл окно и посмотрел вниз, но из-за плотных сумерек и пышной кроны абрикосового дерева, растущего под окном, ничего нельзя было различить.

Некстати я вспомнил о таинственном нумизмате из Прибалтики. Стыдясь самого себя, снял со стены гладкоствольное помповое ружье с дарственной надписью начальника уголовного розыска области и, словно охотник на медведя, вышел во двор. Не знаю, почему на меня так подействовало воспоминание о Лембите Лехтине, но я на всякий случай перевернул затвор и, держа оружие наготове, неслышно приблизился к стальной двери калитки. Кто-то несильно постучал в дверь ногой.

Я сдвинул в сторону засов, резко распахнул калитку и, увидев, как из темноты проявляется нечто похожее на большую чайную розу, воскликнул:

— Инга! Ты?

Мне казалось, она не должна была заметить ружье, которое я опустил вдоль туловища, прижимая его к телу рукой, но девушка, едва переступив порог, сразу спросила:

— Что это ты с оружием? Случилось что-нибудь?

— Да вот... решил ворон попугать.

— Понятно, — ответила Инга и внимательно посмотрела мне в глаза: — Вообще-то я ненадолго, не переживай.

Я «завис». Настроившись на встречу с незнакомым типом, что не исключало мордобоя, никак не мог сразу перестроиться. Инга восприняла затянувшуюся паузу как отрицательную реакцию на свой приход и сказала, попятившись к калитке:

— Лучше зайду к тебе завтра.

Я взял Ингу за руку, притянул к себе и, закрыв дверь, сказал:

— Извини. Я не ожидал, что это ты.

— У меня к тебе деловое предложение.

— Валяй!

— Покажи мне гостиницу. Где тут вход?

— Здесь. Надо пройти через бар.

Я включил освещение. Неоновые лампы, идущие по периметру тонированных окон, вспыхнули молочно-белым светом.

— Как здесь уютно! — воскликнула Инга. — А где вход в номера?

Я взял ее за руку и повел по винтовой лестнице, освещенной настенными бра в виде факелов, на третий этаж.

— Как в замке. Мне здесь нравится! — произнесла она. — Наверное, ты вбухал сюда мешок денег... А это что?

— Это дверь в мою резервацию.

— Куда-а??

— Сейчас увидишь.

Я открыл дверь, обитую коричневой кожей, и, не зажигая свет, провел Ингу в спальню со стеклопластиковым окном во всю стену, из которого открывался прекрасный вид на море и крепость, с душевой кабиной и барной стойкой из красного дерева с встроенными холодильником и микроволновой печью.

— Какое окно! Это же сцена! Подиум! — шепотом произнесла она, подходя к стеклянной стене, разделенной металлическими рейками на трапеции. — Крепость! Небо! Звезды! — и, помолчав немного, вдруг добавила: — Ну? Не стой как истукан, сними с меня платье.

Ее слова кружили голову. Я повернул Ингу к себе, коснулся ладонями ее лица, провел по округлым плечам, зацепил пальцами край платья, потянул его вниз, и оно упало на пол. Перешагнув через него, Инга встала лицом к окну и, опираясь руками в стекло, со стоном нетерпения произнесла:

— Быстрее! Ну же!..

Я чувствовал себя не слишком уютно, словно вдруг оказался на большой сцене. Наверное, Инге было так привычнее, ведь у актеров свои причуды. Она била ладонями по толстому стеклу, словно пыталась вырваться наружу и схватить в охапку звезды. Потом стала оседать, а я, почувствовав ее спину, щекочущее прикосновение ее волос, стремительно входил в роль, которую она мне навязала, и мне уже было наплевать на сцену, на луну со звездами, и узкий мир между стеклом и тюлем превратился во Вселенную...

Выйдя из душевой кабины, я увидел, что она стоит у окна, подняв руки над головой, и попросил:

— Оденься.

— Зачем?

— Ты выставила себя напоказ.

— Ну и что? Это же хорошо! Об этом только и мечтают актеры!

— Это не экран, Инга. Это окно квартиры.

— Ты думаешь, в этом есть разница?

Она одевалась медленно и лениво. Я изо всех сил убеждал себя в том, что она мне еще интересна, и одновременно с этим разогревал кофе.

— Вот номера, — сказал я, когда мы вышли в коридор. — Есть однокомнатные, есть двухкомнатные.

— Свет? Горячая вода? — спрашивала она, открывая одну за другой двери. — Холодильник? Телевизор?

Я утвердительно мычал.

— Мне нравится, — резюмировала Инга. — Значит, так. Мы подыскиваем на время съемок приличную гостиницу.

— Кто мы? — уточнил я.

— Съёмочная группа.

— Сколько вас человек?

— Режиссер, оператор и я.

— А продюсер?

— Он уже нашел себе место, — быстро ответила Инга, и было видно, что ей неприятен мой интерес к личности продюсера.

— Кстати, у меня пока не работает кухня и идет ремонт сауны, — заметил я. — Во дворе цемент, пыль, грязь.

— Это не важно. Все равно мы днем питаемся бутербродами, а вечером ходим в ресторан, — махнула рукой Инга. — Ну, как? Завтра можно въезжать?

— Хуже всего то, — не сдавался я, — что рабочие иногда пашут здесь до глубокой ночи, а то и до утра. А когда работает перфоратор, это, знаешь, сродни зубной боли.

— Не переживай! — Инга доверительно опустила ладонь мне на плечо. — У нас половина съемок — ночные, и мы неделю можем сидеть в палаточном городке на Соколе.

— А хочешь, я помогу вам устроиться в гостиницу «Горизонт»? — уже без всякой надежды предложил я.

— Что ты! В «Горизонте» по коридорам отдыхающие толпами ходят. Там нет никаких условий для работы.

— Но у меня дорогие номера!

— У нас богатый продюсер, — уверенно ответила Инга, — он все оплатит.

Мне ничего не оставалось, как принять ее предложение. Она радостно хлопнула в ладоши и тотчас стала выбирать апартаменты для себя. Ей приглянулся однокомнатный номер на втором этаже с маленькой лоджией, откуда открывался чудесный вид на город, и осталась там ночевать.

ГЛАВА 7

Телефонный звонок застал меня в душе. Пришлось мне, голому и мокрому, идти к аппарату. Звонил Виктор.

— Ну, старина, ты даешь! — ворчал он. — Лишний час перекатал! Мне такой втык в школе дали! Ты хотя бы обо мне подумал! Я пошел тебе на встречу...

В его положении не стоило так откровенно наезжать на меня, поэтому я коротко, но доступно объяснил ему, что за все в жизни надо платить, в том числе и за удовольствие не возвращать вовремя долги.

— Подгони машину к моей гостинице, — сказал я ему. — Мы с Ингой договорились встретиться здесь.

Инга, наверное, еще спала, во всяком случае, из-за двери ее номера не доносилось ни звука. Я не стал ее будить, спустился во двор, где уже добросовестно размешивал раствор мой самый трудолюбивый рабочий по кличке «Доходяга», вывел «ниссан» из гаража и поехал на ремонтно-дорожную базу за цементом.

Вернулся я около двух, опоздав к началу занятий. Красная «шестерка» уже стояла у гаражных ворот, Инга и Виктор, присев на край капота, о чем-то разговаривали. Увидев мою машину, Виктор вяло махнул рукой и пошел к лестнице, ведущей на набережную. Инга сдержанно поздоровалась со мной и села за руль «Жигулей».

— Сцепление, первая передача и плавно отпускаем педаль, — сказал я, подавляя зевок и понимая, что третьего занятия уже не выдержу.

Машина зашуршала колесами. Мы вырулили на Новосветское шоссе. Инга вела машину так, словно засыпала, и никак не могла обогнать «Таврию», за рулем которой сидел инвалид. Я смотрел по сторонам. Знакомый пейзаж действовал на нервы. «Где Анна? — думал я. — Почему не звонит и не приезжает?»

Мы пропылили мимо гостиницы «Горизонт». Я вдруг хлопнул себя по лбу и посмотрел на часы. Без четверти два! Меня уже давно ждет Кучер!

— Останови!

Инга ударила по тормозам. Я выскочил из машины, сжимая кулаки и мысленно говоря себе, что долгого разговора не будет, одна минута... Подошел к автобусной остановке, но там никого не было, и пришлось возвращаться к машине. Одно из двух, либо Кучер уже ушел, либо не приходил вовсе.

— На рынок! — скомандовал я, усаживаясь рядом с Ингой.

Она со страдальческим лицом толкнула рычаг скоростей и вздохнула:

— Сегодня такая скучная программа!

— Учеба — это всегда труд, — изрек я заплесневелую банальность и погрузился в свои мысли. Чувствует кот, чье мясо сожрал, охаивал я образ мешковатого увальня с идеально выбритой головой. Почувствовал недоброе, струсил, решил отсидеться дома. Но ничего, я тебя и там достану. Ты должен понять, что нехорошо продавать мой адрес незнакомым людям.

Машина точно передавала состояние Инги — полусонное, вялое, с заторможенными движениями. На подъеме у «Сурожа» двигатель стал захлебываться.

— Да переключись ты на пониженную! — взмолился я. — Не чувствуешь разве, что еле тянет!

— А ты не ори на меня! — огрызнулась Инга. — А то назло не буду переключаться!

— Все! — покачал я головой. — С завтрашнего дня пусть Виктор тобой занимается. Я переоценил свои возможности.

— Слава Богу! Наконец мной займется настоящий профессионал, а не самоучка.

— Давай-ка ты посидишь, успокоишься, а я на минутку сбегаю на рынок, — примирительно посмотрел я на нее.

Инга ничего не ответила, на малом ходу прокатилась вперед, остановилась напротив ограды и входных ворот, где тусовались менялы. Я вышел из машины, поискал глазами, но Вечного Мальчика не нашел. Его не было ни в дверях мясной павильон, ни у будки обмена валюты. Покрутившись немного, я уже хотел, было, возвратиться к машине, как вдруг увидел мелкое личико с усами, возвышающееся над пирамидами ранних арбузов. Вечный Мальчик, слюнявя палец, отсчитывал кому-то купюры, профессионально поглядывая по сторонам. Рассчитавшись с клиентом, он медленно двинулся в обход своего рабочего места, похлопывая пачкой денег по ладони. Я быстро пошел к мясному павильону и встал за дверью у стены. Вечный Мальчик, сделав круг, стал приближаться ко мне. Он меня не видел и, чувствуя, что потерял объект из поля зрения, начал крутить во все стороны головой. В этот момент я шагнул к нему, крепко схватил за ворот рубашки, притянул к себе и зашипел:

— В кошки-мышки со мной играешь, недоросль?

— Отпусти! — огрызнулся он. — Мужиков свистну — пересчитают тебе ребра.

— Ну-ка, свистни!

— Да не хочу я никаких дел с тобой иметь!

— Когда дело касается Кучера, — пояснил я, — то мои просьбы надо выполнять.

— Ага, выполнять, — кивнул он, по-прежнему избегая смотреть мне в глаза. — За идиота меня принимаешь? Я в такие игры не играю.

— Что ты несешь? — поморщился я. — Ты предупредил Кучера, что я хочу его видеть?

— Нет! Как-то, знаешь, не удалось объяснить покойнику, что ты его хочешь видеть.

— Что?! В каком смысле — покойнику?

— В прямом, — ответил Вечный Мальчик, разглаживая на груди рубаху. — Задохнулся Кучер... Вчера вечером сосед нашел его в гараже. Машина работала на холостых, а Кучер на полу под выхлопной трубой лежал.

Я отступил на шаг, и меняла, тотчас этим воспользовавшись, бочком выскочил на волю. Обалдев от такой новости, я продолжал стоять под козырьком павильона, глядя, как Вечный Мальчик странным круговым маршрутом удаляется все дальше и дальше, бормоча что-то себе под нос про доллары и рубли. Ну и ну, подумал я, вытирая со лба внезапно выступившие капли пота. Вот чего не ожидал, того не ожидал. Что же это — несчастный случай или убийство? Вчера вечером... Значит, всего несколько часов после того, как Инга, прикидываясь нумизматом, выпытала у него мой адрес. Черт возьми, складывается ощущение, что Кучера грохнул не кто иной, как я.

Я стоял на автобусной остановке, не в силах собраться с мыслями, и никак не мог вспомнить, зачем я сюда пришел и что здесь потерял. Ах, да! Инга!

Оглядываясь по сторонам, я никак не мог сориентироваться, в каком месте оставил машину. Красной «шестерки» не было ни за остановкой, ни перед ней, ни на другой стороне улицы.

— Черт возьми! — вслух выругался я.. — Куда подевалась эта идиотская машина вместе с ее водителем?

Тут почему-то я вспомнил минувшую ночь, Ингу, упирающуюся руками в стекло, через которое в спальню, как от съемочных юпитеров, проникал свет луны, и это воспоминание вызвало странное ощущение приближения к тайне.

«Нрав свой демонстрирует! Обиделась!» — мысленно восклицал я, все еще глядя по сторонам и надеясь увидеть учебную машину. Не вовремя Инга затеяла со мной игру в прятки! Совсем не вовремя. Кучер задохнулся в своем гараже. Какой недобрый знак, какое дурное совпадение...

Я едва успел отскочить в сторону. Красная «шестерка», промчавшись в сантиметре от меня, резко остановилась, подняв дорожную пыль, и я с некоторым облегчением вздохнул: «Слава богу, явилась! Сейчас я...»

Дверь распахнулась, но вместо лукавых глаз, вместо мстительной усмешки я увидел неузнаваемое, перекошенное от ужаса лицо Инги.

— Скорее! — не своим голосом крикнула она, выскакивая из кабины. — Садись за руль! Гони! Умоляю, быстрее!

ГЛАВА 8

У меня замерло сердце от предчувствия чего-то страшного. Повинуясь ее сумбурному приказу, я кинулся к распахнутой двери и запрыгнул в машину. Инга села на заднее сиденье и, еще не успев захлопнуть дверь, ударила меня по плечу.

— Что ты тянешь! Быстрее! Уезжай отсюда куда-нибудь!!!

— Да что ты орешь как ненормальная! — тоже крикнул я, трогаясь с места и набирая большую скорость. — Что случилось? Можешь объяснить?

— Боже мой! Боже мой!! — Ее крик переходил в истерический плач. — Умоляю, увези меня далеко!

Я ничего не мог от нее добиться и лишь бездумно выполнял ее просьбу. «Шестерка» редела своим старым движком, повидавшим за свой век не одну сотню начинающих водителей. Дорога серой тканью наматывалась на колеса. Шины липли к мягкому от солнца асфальту, издавая звук, напоминающий гладкий треск, который издает лента скотч. Мы пронеслись мимо автовокзала и погнались среди виноградников в Долину Роз. Инга сидела за моей спиной как на иголках, постоянно оборачиваясь и глядя на тающий в пыли город. Дорога пошла в гору. Пахнувший смолой лес обступил нас со всех сторон. Инга успокоилась и теперь напряженно смотрела вперед.

— Ну? — спросил я. — Отошла немного?.. Теперь рассказывай, что за беда случилась.

— Останови, — попросила она.

Я съехал на обочину, в тень большого бука, остановился и заглушил мотор. В открытые окна ворвалась трескотня цикад. Инга открыла дверь, нетвердыми шагами подошла к дереву, села на выжженную траву, оперлась спиной о ствол и закрыла глаза.

— Не травми душу, — тихо сказал я, опускаясь на корточки рядом с ней. — Кто тебя так напугал?

— Лучше не спрашивай. Все... Теперь все кончено... Я сбила женщину! Ты понимаешь, что я убила человека! Боже, но почему, почему это случилось со мной! Я не хочу!

Я окаменел, не веря своим ушам. Она вдруг качнулась и изо всей силы обхватила меня руками:

— Миленький! Спаси меня, пожалуйста! Увези меня отсюда! — Слезы ручьем лились из ее глаз, и я почувствовал, что моя майка тотчас вымокла насквозь.

— Да подожди ты, истеричка! Успокойся! Прекрати орать! Рассказывай все по порядку!

Но она, не открывая глаз, продолжала мычать и отрицательно крутить головой. Пришлось залепить ей пощечину. Она вскрикнула, прижала ладони к глазам и навзничь упала на листья.

Я кинулся к машине за водой, набрал в рот минералки и брызнул ей в лицо. Потом просто вылил остатки ей на голову. Мокрая, зареванная, Инга притихла, но еще несколько минут беззвучно содрогалась, тихо всхлипывала и размазывала по щекам свой профессиональный макияж.

Сидя напротив нее, я терпеливо ждал, когда она сможет что-либо вразумительно сказать. Наконец девушка исчерпала все эмоции, связанные с потрясением, и, обессиленная, опустошенная, уставилась на перламутрового жучка, который полз по ее коленке вверх.

— Не знаю, как это получилось, — тихо произнесла она, нервно гоня жучка с ладони на колено и обратно. — Ты меня разозлил, и мне захотелось проехать квартал без тебя. Чтобы успокоиться... Я медленно ехала. По правой стороне. У кинотеатра есть такой проулочек... В общем, если стоять к нему лицом...

— Знаю! — перебил я. — Что? Что было в этом проулочке?

Инга набрала в грудь побольше воздуха и выпалила:

— Там я сбила женщину.

Мой пульс, наверное, перевалил за двести ударов в минуту. Злость искала и не могла найти выхода.

— Замечательно! Больше слов нет! Конечно, на пешеходном переходе?

— Не знаю, — испуганно ответила Инга, вскинув на меня глаза. — Не помню. Там на асфальте белые полосы были...

— Что?! — взревел я. — Белые полосы?! «Зебра»?! Так ты, чучело гороховое, в самом деле, сбила ее на пешеходном переходе?!

— Я не знаю, как это получилось! — со слезами в голосе крикнула Инга. — Черт знает, откуда она там взялась! Не было никого на дороге! Ни одного человека! И я только чуть-чуть газу прибавила!

— Я тебе такого сейчас газу дам! — зашипел я, размахивая перед лицом девушки кулаком. — Такого газу дам, что ты у меня воздушным шариком станешь! Как ты ее сбила? Куда ударила?

— В живот. Я так испугалась, что бросила руль и закричала... И машина проехала по ней... как по кочкам. Я слышала под днищем хруст... — А когда поняла, что случилось, так снова надавила на газ. И к тебе. А тот мужик сразу кинулся в подворотню...

— Какой еще мужик? — обессилено спросил я. — Ты что, курица общипанная, еще и мужика задела?

— Нет же, нет! Этот мужик стоял рядом с той женщиной. Точнее, за ней. И мне показалось, что он толкнул ее под машину.

— Что? — Я круто повернулся и снова присел рядом с Ингой. — Как ты сказала? Толкнул? А тебе не померещилось, девочка?

— Нет, не показалось, — глядя на меня широко раскрытыми глазами, произнесла она. — Женщина стояла на тротуаре. А он — за ней. Почти вплотную. И вдруг — мгновение! — и она уже прямо передо мной. Потом удар! Руки, ноги — все вперемешку. Потом этот страшный хруст. Я только краем глаза успела заметить короткое движение его рук. Этот мужик словно волейбольный мяч отбивал...

Мы молчали. Только сейчас я ощутил весь ужас создавшегося положения. Толкнули женщину под колеса или нет — это был вопрос второстепенный. Самое страшное то, что Инга совершила наезд и скрылась с места происшествия.

— Ты была обязана остаться там, — сказал я, — оказать пострадавшей первую медицинскую помощь, а потом отвезти ее в больницу.

— Что теперь мне делать? — качая головой, едва выдавила она.

— Не знаю, — ответил я и встал.

Она вдруг вцепилась в мою штанину и пронзительно закричала:

— Миленький! Не бросай меня! Пожалуйста, родненький! Все, что хочешь, для тебя сделаю! всю жизнь ноги целовать буду! Только не бросай меня, помоги, пожалуйста, помоги!

— Не знаю, — повторил я. — Ехать в полицию и во всем сознаваться.

— Меня посадят? — прошептала Инга.

— Скорее всего, посадят нас обоих.

— Нет, нет! Все, что угодно, только не это. Этого не будет, понимаешь? Не будет! — произнесла она по слогам.

Я уловил перемену, произошедшую в ней. Глаза Инги заблестели, дыхание участилось. Она вытерла слезы, поправила волосы и, поднявшись, решительно проговорила:

— Кирилл, этого не будет. Тюрьма для меня — все равно, что смерть. У меня выбора нет, и я буду бороться за жизнь.

— Борись! — охотно согласился я и развел руками. — Давай! Начинай! Только не представляю, как ты это собираешься делать.

— Ничего не было! Понял? Ничего! Я все придумала. Никого я не сбивала. Все это мне приснилось в кошмарном сне!

Я двинул кулаком по замшелому стволу бука и спросил:

— Тебя никто не видел?

— Где?

— Там!

— Кажется, никто, — пожала плечами Инга.

— Машины? Прохожие? Кто мог увидеть?

— Нет, никого не было.

Я подошел к «шестерке», опустился на корточки перед капотом, рассматривая погнутый бампер, разбитую фару, ячеистую поверхность радиатора, и проговорил:

— М-да. В самом деле — кошмарный сон... Возьми в багажнике тряпку и канистру с бензином и тащи сюда.

Кошмарный сон Инги оставил после себя вполне материальные следы. На бампере отчетливо были видны следы крови. Панель рамки радиатора была слегка вогнута, и к ней, в сгустках запекшейся крови, налип клоч седых волос. Щель между правой фарой и крышкой капота была, как герметиком, забита вишневой слизью, а по стеклу фары расползлись свежие трещины. С такими уликами нас припрут к стене на первом же полицейском кордоне.

— Отмывай, — сказал я, поворачиваясь к Инге спиной, чтобы не видеть ее зареванных, подпухших глаз.

Голова разрывалась. С одной стороны, все эти приключения мне были нужны как собаке пятая нога. Зачем взваливать на свои плечи проблемы Инги? Наезд совершила она, причем нарушив правила, самовольно отправившись на машине без инструктора. В чем моя вина? В том, что я помог ей скрыться с места происшествия? Но ведь я узнал о наезде только сейчас! И вообще я не инструктор, а постороннее лицо. Жаль, конечно, но по шапке получит Виктор. С другой стороны... Ах, черт подери эту другую сторону! Разве я смогу сдать полиции эту несчастную актрису, которая хватается за меня, как утопающая за спасательный круг? Разве я, сильный, удачливый, умудренный жизнью человек, не сделаю хотя бы попытки спасти Ингу? Но как? Я словно стою на распутье: шаг в одну сторону — преступление. Шаг в другую — законопослушание.

— Ты там где-нибудь резко тормозила?

— Вроде нет. А что?

— У тебя все ответы «вроде» и «вроде»! — взорвался я. — А конкретнее сказать не можешь?

— У меня было состояние аффекта! — слезно ответила она. — Я плохо помню...

— У тебя было состояние девичьей дурости и завышенной самооценки!

— Давай, давай! Оскорбляй! Сейчас все можно. Здесь нет никого, кто бы меня защитил.

— Да, твоего белоснежного продюсера здесь, конечно, нет, — зачем-то вплел я незнакомого мне человека. — Уж он-то тебя успокоил бы!

— Очень может быть! — огрызнулась Инга, помолчала и тихо добавила: — Я все помыла.

Стараясь не смотреть ей в глаза, я повернулся и подошел к машине. На первый взгляд, никаких следов не осталось. Но это только на первый взгляд. Криминальная экспертиза при желании отыщет частицы крови даже после мойки горячей водой с шампунем.

— Знаешь, почему я спросил тебя о резком торможении? По тормозному пути можно легко определить класс машины, ее скорость и многое другое... — Я присел у переднего колеса. — Ну вот, и в протекторе кровь!.. Черт! А это что?

Инга на цыпочках приблизилась ко мне и встала за спиной.

— Колпак где? Я тебя спрашиваю! Не моргай глазами!

— Какой колпак?

— Не клоунский же! Декоративный! С колеса!

— Не знаю, — пожалала Инга плечами.

— Утром он был. Значит, ты потеряла его там... Все. Не надо ничего больше мыть. Можешь выкинуть тряпку... Мне очень жаль, Инга, но я не могу тебя обнадеживать. Колпак — это серьезная улика. Я бы сказал, что это определяющая улика. Доказать, что женщину сбила именно эта машина, теперь будет очень просто.

Инга вдруг кинулась к машине и стала отрывать колпаки с колес.

— Нет! — кричала она, закидывая их в лес. — Не пойду в полицию! Не пойду! Не пойду!

Колпаки планировали, как «летающие тарелки», ударялись о ветки деревьев и пикировали в высохшую траву. Инга выпрямилась, повернулась ко мне и, смерив меня долгим взглядом, произнесла:

— Да ты просто трус! Ты за себя боишься! Ты дрожишь только от одной мысли, что тебе пришлют укрывательство, и хочешь побыстрее сдать меня ментам!.. Дрянь! Продажная шкура! А я думала — мужик! Рыцарь!..

Ее глаза снова наполнились слезами. Она наносила точные удары, и ни один из них не прошел мимо цели, потому что она была права.

Стиснув зубы, я пошел к машине, сел за руль, завел мотор и крикнул Инге:

— Садись!

Она отбросила тряпку и на ватных ногах подошла к двери.

— Куда ты... хочешь?

— Садись!! — рявкнул я.

Она подчинилась. Я сорвался с места еще до того, как Инга захлопнула дверь. Теперь мы вместе, думал я, выжимая из двигателя все, на что он был способен. Теперь у нас одна судьба. А мои друзья, моя Анна остались далеко-далеко...

ГЛАВА 9

Не доезжая до Морского, я свернул под указатель «RODEO-MOTORS АВТОСАЛО», в котором последнюю букву какой-то шутник замазал краской, и по разбитой донельзя грунтовке поехал по выжженному плато, обрывающемуся над морем.

— Нет здесь никакого сервиса, — сказала Инга. — Жуткое место.

— Нам с тобой теперь часто по жутким местам ходить придется, — сказал я, притормаживая. — Ну-ка выйди из машины и подожди меня здесь.

Инга послушно вышла и села на останки каменной кладки. Я доехал до ржавого сарая с прогнувшейся крышей, обставленного со всех сторон битыми кузовами, изношенными покрышками, бочками и железяками всевозможных размеров и форм, затормозил напротив ворот, посигналил, но никаких признаков жизни не заметил.

Створка тяжелых ворот со скрипом отошла в сторону, и я, зайдя в темный, пропахший бензином и смазкой цех, внимательно огляделся. Посреди цеха, на подъемнике, висела допотопная иномарка, с днища которой срывались маслянистые капли и со щелчком падали на дно смотровой ямы. В дальнем углу, под стеллажами с банками и ящиками с инструментами, на замасленном до блеска кресле, положив ноги на стол, сидел парень и с увлечением смотрел по крохотному телевизору какой-то сериал.

— Эй! — позвал я его. — Ты слесарь?

— Чего тебе? — недовольно спросил он, кидая под ноги окурки.

— Работа есть.

— Погоди с работой! Дай кино досмотреть!

— Времени нет, — спокойно объяснил я.

— Конечно! — взмахнул руками парень. — У всех нет времени, у меня только его навалом. Ну? Какие проблемы?

— Надо отрихтовать и покрасить раму радиатора.

— Тачка какая?

— «Шестерка».

— Новая?

— Старая.

Парень поморщился, вздохнул, вытащил из кармана пачку дешевых сигарет, выудил оттуда последнюю и, прикуривая, невнятно произнес:

— Ну, идем, посмотрим на твою беду.

Мы вышли во двор.

— Во! — проворчал слесарь. — Уже учебные тачки гробим... А ты что, инструктор?

— Инструктор, — подтвердил я.

— Что ж ты так плохо за учеником смотрел, инструктор?

Он подошел к машине, напевая какую-то мелодию, присел у капота и стал осматривать раму.

— Вмяли вы ее прилично, — бубнил себе под нос парень. — И рама, и фара, и чуток крыло задели. Работы тут много... А на что напоролись-то?

— С деревом не разошлись, — с ходу придумал я, задним умом понимая, что легенду надо было подготовить заранее.

— Ну-ну, — закивал слесарь. — Эту лапшу ты будешь кому-нибудь другому вешать. Тут не дерево было, а что-то помягче.

Я почувствовал, как у меня похолодела спина, словно за ворот вылили стакан ледяной воды.

— Дерево, — изо всех сил стараясь казаться спокойным, заверил я. — Только оно было мягкой породы. Трухлявая сосна.

— Ну, это понятно, что сосна, — тотчас отозвался слесарь и, прищурив один глаз, провел пальцами по вогнутой раме. — Я так сразу и понял, что сосна. Работы много, — повторил он и недвусмысленно добавил: — Работа сложная... Две штуки баксов будет стоить.

— За эти деньги куплю другую «шестерку», — спокойно ответил я, — а эту сожгу.

— Ну-ну! Покупай. Если только, конечно, через пост ГИБДД сможешь проехать.

Бог свидетель, я держал себя в руках до последнего, но вынести насмешку этого немытого ублюдка, который почувствовал власть над нами, было выше моих сил. Схватив слесаря за горло, я сдавил пальцы, толкнул слабеющее тело на ворота и зашипел:

— Слушай меня! Я придушу тебя, как котенка, если ты к вечеру, к заходу солнца, не сделаешь то, что я тебе сказал. Я похороню тебя в смотровой яме и сожгу твой гнилой сарай, если ты еще раз посмеешь хихикать в моем присутствии...

Слесарь стал хрипеть и колотить руками по железу. Глаза его, наливаясь кровью, выскальзывали из орбит, как сливовые косточки из пальцев. Опасаясь, как бы сгоряча его не задушить, я ослабил хватку, вытащил из нагрудного кармана стопку стодолларовых купюр, смял ее и затолкал ему в рот.

Инга ждала меня на обочине трассы в тени дерева. Даже издали было заметно, как она бледна.

— И мне это надо? — спросил я, подходя к ней.

Она схватила меня за руку. Несмотря на жару, ее пальцы были ледяными. Казалось, она вот-вот грохнется в обморок.

— Ну что? Рассказывай!

— По-моему, слесарь догадался, что на этой машине сбили человека.

— Но отремонтировать обещал?

— Обещал.

Мы пошли по пыльной обочине. Инга оглядывалась до тех пор, пока указатель «Автосало» не скрылся за поворотом. Жара стояла невыносимая. Мысли плавилась, как карамель, превращаясь в тягучую патоку. Чувство тревоги притупилось. Мною овладело безразличие ко всему. Инга сняла босоножки и пошла босиком.

— Не молчи! — вдруг произнесла она. — Скажи что-нибудь, иначе я сойду с ума.

— А что ты хочешь от меня услышать?

— Что мы скажем инструктору?

Да, об этом надо было побеспокоиться заранее, но ни одна свежая идея не могла пробиться сквозь патоку.

— Скажем, чтобы он никогда не доверял свою машину посторонним лицам, — пожал я плечами. — Признайся честно, про человека, который толкнул женщину, ты придумала?

Инга испуганно взглянула на меня. Она не хотела, чтобы я перестал ей верить.

— Нет, не придумала.

— Ты пойми, — поспешил я объяснить ей свою позицию, — я не следователь и не прокурор, и не мне определять степень твоей вины. Ты очень напугана, тебе страшно думать о том, что ты сделала. И все-таки постарайся быть со мной откровенной, иначе мне будет очень трудно помогать тебе.

— Я говорю правду, — тверже повторила Инга. — И не пытаюсь снять с себя вину. Но эту женщину в самом деле толкнул мужчина.

— Толкнул или тронул за плечо? — уточнил я.

— Толкнул! Изо всех сил!

— Ты понимаешь, что в этом случае все меняется? — спросил я, останавливая Ингу и опуская руки на ее плечи. — Тогда мы можем вздохнуть с чистой совестью и вернуться к нормальной жизни. Правда, при одном маленьком условии.

— При каком?

— Если мы найдем этого мужчину и заставим его сознаться в преступлении.

— Да, — кивнула Инга, глядя на меня как на мессию. — Надо найти его и заставить...

— Ты запомнила его лицо?

— Не очень, — ответила она, подумав.

— Но узнать сможешь, если встретишь?

— Пожалуй, смогу.
— Как он был одет?
— Спортивные брюки и красная майка.
— Рост? Цвет волос?
— Брюнет. Жгучий брюнет. А рост как у тебя. И комплекция такая же.
— Ну, все ясно. Если дашь такие показания следователю, то я уже на следующий день буду сидеть в следственном изоляторе... Куда он потом делся, этот мужик?

— Побежал в подворотню.

— А как ты думаешь, он мог нечаянно толкнуть женщину? Ну, скажем, оступившись и потеряв равновесие?

— Нет, он сделал это нарочно, — отрицательно покачала головой Инга. — Он стоял ровно и выжидал, когда я подъеду ближе.

— Значит, убийство?

— Не знаю, как это можно назвать по-другому, — вздохнула она.

Я услышал шум приближающейся машины, обернулся и поднял руку. «Газель» с открытым кузовом притормозила.

— Куда? — крикнул парень, сидящий рядом с водителем.

— В Судак!

— В кузов, ребята!

Мы забрались в кузов, машина тронулась и весело покатилась с горки вниз.

Она говорит правду, думал я, убеждая себя в этом, ибо принять другую версию было невыносимо. Это с какой же скоростью надо нестись по дороге, чтобы не успеть затормозить и сбить человека! Инга не могла так разогнать машину в том проулке. Никак не могла. Женщину действительно кто-то толкнул под колеса.

Любопытно, что когда лицемеришь с самим собой, то на некоторое время возникает иллюзия душевного равновесия. Я даже в порыве чувств обнял Ингу одной рукой, и она прижалась ко мне. Так мы проехали еще немного, и вдруг я замер, чувствуя, как напряглось все мое тело. Инга тоже почувствовала мое состояние и, тревожно глянув на меня, спросила:

— Что с тобой? Тебе плохо?

— Полиция, — выдавил я из себя.

ГЛАВА 10

«Газель» плавно притормозила и остановилась на обочине рядом с мотоциклом, возле которого стояли двое полицейских в бронежилетах и с «калашниковыми».

— Старший лейтенант Баркевич, — представился водителю один из них. — Документы, пожалуйста, и вещи к досмотру.

— Прошу! — с веселым напевом сказал водитель, протягивая документы. — Вот права, вот доверенность, вот накладная...

Полицейский медленно пошел вокруг машины, внимательно рассматривая ее фары, колеса и борта. Потом поднял голову и встретился со мной взглядом.

— Они с вами?

— Попутчики, — объяснил водитель и зачем-то подмигнул мне.

Нет, это не обычная проверка, понял я. Он ищет. Он целенаправленно ищет машину, сбившую женщину.

— Что в мешках? — спросил полицейский, но я увидел, что он не сводит глаз с Инги, и под его взглядом она медленно поднялась, и лицо ее окаменело от ужаса.

— Пшеница. Корм для курей, — ответил водитель. — Могу показать...

— Не надо! — остановил его полицейский, продолжая в упор смотреть на Ингу. — Никак не вспомню, где я мог вас видеть... В магазине? На пляже?

— Я не здесь живу, — натянуто улыбнувшись, выдавила она из себя..

— А где?

— В Ялте.

— Значит, ошибся, — с сожалением проговорил старший лейтенант. — В Ялте я никогда не был. Счастливого пути!

«Газель» снова тронулась с места. Когда мы пронеслись мимо автовокзала, я постучал по крыше кабины.

— Приехали? — спросил водитель.

Я спрыгнул, взял Ингу на руки и опустил на асфальт. Водитель посигналил и помахал нам рукой. Знал бы ты, кого подвез, подумал я, провожая машину взглядом.

— Куда теперь? — спросила Инга.

— Туда, — ответил я.

Она сразу поняла, взяла меня под руку и, прихрамывая, пошла рядом — притихшая в ожидании большой грозы.

Мы прошли вдоль каменного забора и свернули в злосчастный проулок. Я волновался, как преступник во время следственного эксперимента. Мне казалось, что мы ведем себя слишком неестественно, и это выдает нас с головой. Но, к счастью, людей здесь почти не было. В этом проулке за отсутствием магазинов и кафе курортники никогда не появлялись. Когда мы приблизились к разметке пешеходного перехода, то увидели двух пацанов, шедших нам навстречу. Опустив головы и глядя себе под ноги, они, показывая пальцами на что-то, громко говорили:

- Вот!.. И вот еще!.. И еще!
- Вот, смотри, здесь больше всего!
- Чего ты меня толкаешь на эту гадость? Сейчас я тебя тоже толкну!
- А вот глаз валяется! Ва-а-а!
- Сам ты глаз! Это пробка!
- Испугался, чмурик?..

Я почувствовал себя скверно. Теперь уже можно было не сомневаться в том, что здесь был совершен наезд на человека. Следственная бригада свое отработала. Труп увезли. Отпечатки на асфальте срисовали, сфотографировали; расстояние от следов колес до тела, от тела до бордюра, от бордюра до следов колес измерили. Отвалившийся колпак подобрали, пятна крови залили хлорированной водой и уехали...

Я вдруг резко остановился, словно налетел на невидимую преграду. Инга наступила мне на пятку и ткнулась лбом в мое плечо. Холодный пот волной прошел по спине. Я смотрел на открытое окно в стене, на облака пара, выкатывающие оттуда, на жирный оцинкованный подоконник, на девушку в белом халате и платке, стоящую над шипящим противнем, и на листок из ученической тетради, приклепленный к раме, с неровной надписью: «ПИРОЖКИ С КАПУСТОЙ, КУРАГОЙ, КАРТОШКОЙ, РИСОМ».

— Что это? — прошептала Инга.

— Пирожки, — пробормотал я.

— Ты хочешь есть?

— Когда? Когда это произошло? В два? Отвечай! В два? — схватил я Ингу за плечи. — Ну! В два? Да?

— Отстань! — взвизгнула она и попыталась высвободиться. — Я не помню! Ты сумасшедший! Ты делаешь мне больно!

— Без четверти мы отъехали от гостиницы, — начал я вспоминать. — До рынка ехали минут пять-семь. Еще минут пять я разговаривал с Вечным Мальчиком. Потом... потом разыскивал тебя, минут десять, не больше... Все сходится! Пошли!

Я схватил Ингу за руку и потащил за собой.

— Куда ты? Объясни, что с тобой! Мне больно, ты оставишь синяки...

— Лембит Лехтине, — бормотал я. — Моего возраста, моего роста, моей комплекции. Значит, на вид тридцать-тридцать два, рост сто восемьдесят, сухощав. Жгучий брюнет... Эстонец — жгучий брюнет? Но допустим, что это так...

Инга, ничего не понимая, медленно волочилась за мной, а когда мы зашли в вестибюль здания городской администрации, она заволновалась, стала крутить во все стороны головой и читать таблички на дверях кабинетов, спрашивая у меня:

— Куда это мы пришли?

Я не стал ничего объяснять. Внезапное озарение выхватило из тьмы, в которой я до этого пребывал, прямую дорогу, по которой я шел все быстрее и решительнее.

— Игнат! — громко сказал я с порога, заходя в большую комнату, заставленную компьютерами, сканерами и принтерами. — Знакомься, это Инга, актриса кино. Она приехала сюда на съемки фильма.

Игнат Варданян, ответственный секретарь районной газеты, был невысоким и тщедушным занудой и брюзгой. В мою бытность частным детективом мы как-то вывели на свет кучку мошенников, занимавшихся сбытом дешевой «шипучки» под видом коллекционного новосветского шампанского. Игнат разразился грозной статьей, которая сделала его героем года. С той поры мы встречались с ним эпизодически, и всякий раз он намеревался написать обо мне хвалебный очерк, но ему вечно не хватало времени.

— Прекрасно! — без всяких эмоций ответил Игнат. Голос его был высокий и чистый, как родничок, чего нельзя сказать о внешнем облике. Голова и лицо у него, как у Карла Маркса, были покрыты густой растительностью, а глаза всегда были спрятаны под непроницаемо-черными очками. — Из какой киностудии? Съемки уже начались?.. Выбор натуры? Прекрасно! Я возьму у вас интервью, дадим на первую полосу. Сейчас, секундочку, я только выведу страницу...

Инга чувствовала себя неловко. Наверное, я зря представил ее актрисой. Растрепанная, без макияжа, в платье, заляпанном темными пятнами, пахнущая бензином, она не совсем соответствовала имиджу актрисы и не знала, куда деть руки и как спрятать колени.

— Насчет интервью мы с тобой поговорим отдельно, — ответил я за Ингу. — Я импресарио актрисы и контролирую все ее дела и встречи. Думаю, что на этой неделе ничего не получится. Но мы к тебе пришли по другому поводу.

— Давайте, — сказал Игнат, придерживая пальцами страницу, медленно вылезавшую из принтера. — Может, вам кофе сварить?

— Надо внести в сценарий свежую струю, детали местного колорита, — с ходу придумывал я.

— Прекрасно! — ответил Игнат, близко поднося к глазам страницу и просматривая текст. — А чем я могу помочь?

— Нужны последние данные по криминальной хронике. Может быть, мы что-нибудь позаимствуем.

Мне показалось, что голос меня выдает, но Игнат, ничего такого не заметив, подошел к компьютеру и, пощелкав пальцем по клавиатуре, кивнул на экран:

— Вот, пожалуйста. Криминальная хроника за последние два года. Выбирайте!

— Ну-ка, ну-ка! — Я присел у монитора, пощелкал «мышкой» и пару минут спустя спросил: — А посвежее ничего нет?

— Посвежее? — переспросил Игнат и посмотрел на монитор, как на свое дитя, незаслуженно обиженное. — А чем тебя это не устраивает?

— Все это уже было опубликовано, так ведь? Значит, сценарист видел. Нужны свежие, можно сказать, горячие факты.

— Свежие! — проворчал Игнат. — Свежие только в дежурной части полиции могут быть.

— Ну, так... — осторожно подтолкнул я Игната к действию. — А потом про интервью поговорим.

— Эксклюзив! — поставил условие Игнат, подняв вверх палец. — В Крыму больше никому!

— Ни-ни! — поклялся я.

Он подсел к телефонному аппарату, утопил трубку в дремучих зарослях, где должно было быть ухо, и набрал номер.

— Анатолий Николаевич, это Варданян. Что новенького? Я к вам снова за хроникой... Естественно! Как всегда, половина гонорара ваша... Да, самое свеженькое, за последние два-три дня...

— И за сегодня! — отчаянно зажестичулировал я.

— И за сегодняшний день, — уточнил Игнат, искоса глядя на меня. — Ага, записываю... Три человека утонули на пляже «Звездного». Петрухин, Аблин, Гулари... Купались в шторм. Пьяные... Два тела обнаружили, третье пока нет... Так. Пьяная драка на автобусной остановке в Новом Свете... Молодому мужчине Питляру разбили голову пивной кружкой... До больницы не довезли. Обширная гематома мозга. Убийца с места происшествия скрылся, ведется розыск... В поселке Дачное в собственном гараже задохнулся выхлопными газами нигде не работающий, ранее судимый гражданин Кучер. По предварительным выводам — несчастный случай... В пансионате «Бриз» работник котельной Сердюк взломал и обчистил четыре номера... Вынес деньги, одежду... И продукты?... И продукты... Взят с поличным... Дорожно-транспортное происшествие в Вишневом проезде...

Меня как током ударило, и ледяная волна прокатилась по спине. А Игнат, между тем, продолжал записывать:

— Обнаружен труп пожилой женщины с обширными повреждениями, специфичными для транспортного средства... Водитель, совершивший наезд, с места происшествия скрылся... Тип и вид транспортного средства выясняются... Труп в настоящее время не опознан...

Игнат еще что-то говорил, но я его уже не слушал. Тип и вид транспортного средства выясняются! Значит, полиция не знает даже, что это была шестая модель «Жигулей»! Им вообще пока ничего не известно, даже труп никем не опознан. Дай Бог, чтобы я ошибся!

— Спасибо! — Я встал со стула.

Игнат осекся на полуслове и, прикрыв трубку ладонью, спросил:

— Все? Ничего больше не надо?

— Не надо, — ответил я. — Это все не то. По поводу интервью звони через неделю... Пойдем, Инга!

Мы быстро вышли из кабинета, оставив там обескураженного Варданяна.

— Значит, никто меня не заметил, — с облегчением прошептала Инга.

— Подожди радоваться. Свидетели, как правило, выявляются на второй-третий день. Ты лучше подробно опиши мне эту женщину.

— Я ее видела только мельком, — вздохнула Инга.

Мы вышли на улицу. Я не стал дожидаться автобуса — там мы не смогли бы разговаривать — и повел девушку к себе в гостиницу по пустынной тропе мимо Сахарной Головки.

— Как она была одета?

Инга мучительно вспоминала, покусывая губы.

— Если бы ты видел мое состояние...

— Неужели ты не запомнила ни одной детали? — раздраженно проговорил я. — Сарафан? Юбка с кофтой? Платье?

— Кажется, она была в чем-то темном... Я ее плохо видела.

— Вспоминай! — прикрикнул я. — Ты сама говорила: руки и ноги мелькали перед капотом.

Инга остановилась, не видя перед собой уже ничего, кроме того страшного мгновения, когда раздался глухой удар, и машина подмяла под себя человека.

— Она была... в брюках.

— Все, — прошептал я, почувствовав, как надежда, висевшая на тонкой нити, сорвалась и разбилась о землю. — Она была в темном брючном костюме, да?

— Да, — подтвердила Инга, с испугом заглядывая мне в лицо.

— И стрижка, конечно, короткая?

— Да, — еще тише ответила Инга. — Ты... ты ее знал?

— Это Лебединская. Т-ты раздавила т-тетю Шуру! — ответил я, заикаясь от избытка чувств. — Да это же ясно как божий день! Это было ясно с самого начала, понимаешь? Когда в Судаке появился Лембит Лехтине, когда он познакомился с «черным» антикваром Кучером и узнал про золотые монеты в музее Лебединской, все дальнейшее можно было предска-

зять с точностью Нострадамуса! А я был озабочен тем, как охмурить тебя. Ты понимаешь, какой глупостью я занимался? Ты видела когда-нибудь большего идиота, чем я?

— Значит, ты занимался глупостью? — медленно произнесла Инга.

— Конечно же, не тем делом, которым в будущем я мог бы гордиться, — опрометчиво ответил я. — Как пацан, в самом деле! Мне стыдно и смешно!

— Тогда можешь проваливать, если тебе стыдно!

— Тебе очень трудно меня понять, — сказал я, внимательно глядя в глаза Инги. — Ты думаешь, что заслуживаешь только сострадания и жалости. Но я не испытываю этих чувств. Я к тебе вообще никаких хороших чувств уже не испытываю...

— Я тебя ненавижу, — прошептала она.

— Это естественно, — согласился я. — Я сам к себе неважно отношусь.

Инга повернулась и быстро пошла в обратную сторону, к дороге. Я не стал провожать ее взглядом и побежал по тропе к гостинице. Кто следующий на очереди после Кучера и Лебединской? — думал я, хотя ответ был очевиден. Не хочется признаваться. А кто добровольно признается, что стоит на краю пропасти? Я на ходу трижды сплюнул через левое плечо. Одно утешение — я знал, что эстонец охотится на меня, а это уже немало. Он хитер и осторожен, он расставил невидимые сети и капканы, притаился и ждет, когда я попаду в его ловушку. Он до сих пор нигде не засветился и может вконец обнаглеть.

Словно Сахарная Головка свалилась мне на плечи. Тяжесть и слабость заставили перейти на шаг и перевести дыхание. Черт подери, я же не прав! Он засветился. И очень сильно. Инга его видела!

Вспомнив недавний разговор с Варданяном, я невольно выругался. Вот так совершаются опасные глупости! Кто тянул меня за язык, когда я говорил об интервью? А если до Лехтине дойдет слух, что Инга намеревается рассказать журналистам нечто интересное?

Я остановился, обернулся, но девушка уже скрылась за рядом кипарисов. Нет, понял я, глядя на то, как в горячем мареве дрожит плешивая от старости гора Перчем, следующий на очереди не я.

ГЛАВА 11

Из открытых настежь дверей музея тянуло холодом, как из склепа. Мне впервые пришло на ум это сравнение. До сегодняшнего дня музей напоминал оазис, где всегда можно было отдохнуть от жары, попить зеленого чая и послушать болтовню Лебединской. Сознание отказывалось верить в то, что за тяжелыми дверями я уже никогда не встречу мужиковатую хозяйку, любящую папиросы и автомобили.

Старичок в тубетейке, который, помнится, работал смотрителем в крепостной мечети, занял новый пост. Он сидел на верхней ступеньке, у самого входа в музей, постелив под себя обрывок газеты. Я остановился перед ним, не зная, как спросить о гибели Лебединской.

— Билет покупайте, — совершенно севшим голосом просвистел старичок, поглядывая на меня слезящимися глазами.

— А что... — произнес я, судорожно сглатывая. — Разве тетя Шура сегодня не работает?

— В отпуске твоя тетя Шура! — ответил старичок.

— И давно?

— С сегодняшнего дня... Кхы-кхы!.. Но сначала билет!

Я опустил на одно колено перед дедом и вытянул из кармана купюру.

— У меня сдачи не будет, — тотчас сказал старичок.

— А мне не надо сдачи. Оставь все себе.

— Тебе чего надо? — насторожился смотритель. — Ты или музей иди глядеть, или шиздуй отсюда, пока по лбу не огрел!

— Не скандаль, дед, — спокойно сказал я, заталкивая купюру в карман его рубашки. — Мы с Лебединской договорились сегодня встретиться, а она — хлоп! — и пропала. Не подскажешь, где ее можно найти?

— А хрен знает, где эту твою Лебединскую найти можно, — ответил старичок, делая вид, что не заметил, как купюра попала ему в карман. — Утром была, а потом ушла.

— А куда ушла, не знаешь?

— Не знаю... Кхы-кхы!.. Не докладывала.

— А времени сколько было, когда она ушла? — ласково нашептывал я. — Ты припомни, дедуль, который час был?

— Да что мне припоминать, что я, по-твоему, совсем мозги потерял? Как на обед закрылись, так она и ушла.

— Значит, в два?

— Ну, это ты сам по часам сверяй. А я тебе говорю: как на обед закрылись...

Я хлопнул его по твердому мосластому плечу, встал и вошел в зал. Стук моих шагов эхом заметался под куполом. Я медленно двигался вдоль шкафов, рассматривая экспонаты. Поливная керамика из дома епископа XIV века, куски черепицы, материалы салтово-маяцких комплексов Сугдеи XIII века, погребальный инвентарь из плитовых могильников византийской Сугдеи X века, бусы, браслеты, кольца, крестики, куски от посуды, рыболовные крючья, накладки для книг, обломки кинжалов, инструмент из кости животного для обработки дерева... Монет не было. Потом заглянул в подсобку, пробежал взглядом по раковине рапана, набитой окурка-

ми, матовому чайнику, чашкам с засохшими желтыми ободками и разорванной пачке с зеленым чаем и вышел на улицу.

— После обеда ты музей открывал? — спросил я у деда.

— А кто ж еще!.. Все посмотрел? Ну, иди своей дорогой... кхы-кхы!.. Не нервируй меня.

Я опять присел рядом с ним на корточки и сказал:

— Дед, из музея украли золотые монеты.

— Что?! — скривился старик. — Золотые монеты? Не говори херню! Тут золотых монет отродясь никогда не было.

— Были, дед, ты просто не знаешь.

— Да ну тебя! — рассердился смотритель и начал судорожно отхаркиваться. — Прицепился как банный лист! Что ты меня дуришь? Что я тебе, ровня?

— Ты прошляпил вора, чучело! — не сдержался я. — У тебя из-под носа вынесли золотые монеты!

— Не, видит Бог, я сейчас тебе врежу в глаз! Если ты нажрался, то иди в море, трезвей. Сколько работаю, а таких посетителей не видел... На, гляди! — Дрожащей рукой старик вытащил из кармана сложенный лист и развернул: — Читай, если грамотный: «сдала» — подпись Лебединской, «принял» — моя подпись. Ну и где тут про золото сказано?

Это была опись экспонатов. Я дважды пробежал глазами по длинному списку. Старик был прав: золотые монеты не были обозначены.

Машинально отдав опись смотрителю, который посылал мне вслед угрозы и ругательства, я поплелся по Приморской к себе. Не сходится, думал я. Осколки, которые, казалось, можно легко собрать в кувшин, не подходили друг к другу. Хотя о чем тут думать? Все просто. Лебединская, уходя в отпуск, забрала золото и в опись его не внесла. Я бы тоже так сделал. Вопрос в другом: известно ли убийце, куда она его спрятала?

Я мысленно рисовал картину происшествия. В два часа Лебединская идет по Вишневному проезду к «пирожковой». Ей надо перейти дорогу. В это время к ней подходит Лехтине. «Здравствуйте, вы меня помните?» — «Помню», — не очень приветливо отвечает Лебединская. «А у меня к вам предложение. Продайте мне ваши монеты». Лебединская отказывается, и эстонец толкает женщину под учебную машину, которая оказалась на пешеходном переходе очень вовремя. Нет, отменил я этот сумбур, не так. Начать надо с мотива. Зачем эстонцу понадобилось убивать Лебединскую, если, конечно, это вообще сделал эстонец?..

С этими мыслями я не заметил, как дошел до гостиницы. Уже собирался открыть ключом дверь, как вдруг за моей спиной раздался мелодичный голос:

— Добрый вечер!

Я обернулся. Передо мной, помахивая у лица белым конвертом, стоял какой-то женоподобный мужчина в цветастой рубашке навыпуск, с длинными вьющимися волосами, достающими до плеч. Он был невысок, упитан и очень приятно улыбался.

— Господин Кирилл, если не ошибаюсь?

— Что вам надо?

— Кажется, вы с Ингой обо всем договорились?

— О чем?

— М-м-м, — промычал незнакомец в некотором замешательстве. — Моя фамилия Браз. Касьян Браз. Я — кинорежиссер.

— Ах да! — вспомнил я и постарался придать лицу приветливое выражение. — Дело в том... — Я совсем не был готов лгать, но заселять к себе киношную группу не было никакого желания.

— А вам письмо. Пляшите! — не дослушал меня Браз и поднял руку с конвертом над головой. — Вы меня извините, но мальчик хотел воткнуть его между дверью и ручкой, а это не совсем надежно... Кстати, а почему вы не навесите почтовый ящик?

Он был мил и приветлив, и я, при всем своем желании раздавать во все стороны оплеухи и сыпать ругательствами, все же продемонстрировал сдержанность и воспитанность.

— Вы один? У вас много вещей? — спросил я, открывая дверь и пропуская Браза вперед.

— Вещей у нас пять «КамАЗов», — ответил он, оглядывая двор. — Но это так, к слову. Все там, под горой. Поливные машины, ветродуи, генераторы, юпитеры, камеры, пленки, пленки, пленки... Вы кино любите?

Я опустил глаза, взглянув на узкий конверт без марок, на котором был отпечатан лишь мой адрес, помял его, проверяя на ощупь. Если письмо — то на страницу, не больше. После чего перевел взгляд на Браза и предложил:

— Пойдемте наверх, покажу вам комнаты.

— Да, конечно. Здесь у вас очень хорошо, очень! И тихо. Что, собственно, и требовалось.

— Инга говорила, что вас будет трое, — напомнил я.

— Девочка преувеличила! — улыбнулся Браз, заходя следом за мной в бар. — Только я и Инга.

— А оператор?

— Он там, под горой! Понимаете, я тоже остался бы там, но просто физически не могу спать в палатке. Мне нужно ощущение крепкой стены, а не матерчатой перегородки. А Инга — избалованная девочка. Она не может без душа, без фена... Какая интересная у вас лестница! Готовая на-

тура, ничего не надо добавлять, только свет — и можно снимать... Инга права, здесь очень, очень уютно. Вы все строили сами, или это естественный элемент крепости?

Мы вышли в коридор, и я кивнул на двери:

— Выбирайте любой номер по правой стороне и можете располагаться.

— Правда? Как хорошо! У меня ноги просто гудят. А горячая вода идет без перебоев?..

Он меня утомил.. Ничего больше не объясняя, я зашел к себе, упал в кресло и надорвал конверт.

Внутри лежал бумажный четырехугольник, совпадающий размером с конвертом. Четкий курсивный текст был отпечатан на струйном принтере:

«Дорогой друг! Понимая, что вы расстроены потерей, что ломаете голову, пытаюсь вспомнить, где оставили столь полезную вещь, спешу вас успокоить и обрадовать. Декоративный колпак, который вы сегодня потеряли в результате... (зачеркнуто) в Вишневом проезде в 14.10 с правого переднего колеса учебной «шестерки» вишневого цвета под номером 54-27 КРД, в данный момент лежит у меня дома, и я испытываю не меньшее желание вернуть его вам, чем вы — обрести его вновь. Я хотел вернуть его вам сразу же, но ваша машина покинула то место столь стремительно, что я даже не успел вам посигналить. Пытаясь вас догнать, я поехал за вами следом, но мой старый «Запорожец» не способен долгое время гнать с большой скоростью, я начал безнадежно отставать, и, не доезжая до Долины Роз, вынужден был прекратить гонку и сойти с дистанции. К счастью, ваше лицо оказалось мне знакомым — владелец единственной в нашем городе респектабельной гостиницы, объект вечной зависти и просто симпатичный мужчина в моей памяти засел прочно. Потому спешу отправить вам это письмо, надеюсь, что оно вас осчастливит. Я не откажусь от скромного вознаграждения за свои труды и преданность. Подумайте, сколько вам по силам мне заплатить, а я скоро дам вам о себе знать. С глубоким почтением — N».

Я скомкал письмо и кинул его в угол. Ненавижу подобный стиль, полный скользких намеков, плохо скрытой поганой улыбочки и безразмерного словесного самолюбования. Написал бы коротко и ясно: «Гони бабки, сука, не то колпак окажется у следователя на столе!»

Я ходил по комнате от окна к столу и обратно. Когда попадаешь в неприятную ситуацию, сначала надо предположить самое худшее, самое тяжелое развитие событий, а потом из этой модели искать выход. Чем вся эта история может для меня обернуться? Вызовом к следователю. Какими фактами он будет располагать? Единственным: я был за рулем «шестерки» спустя несколько минут после наезда на Лебединскую, и я гнал машину из города.

Я остановился посреди кабинета, глядя на свое отражение в круглом зеркале, и сказал ему: «В этом поступке криминала нет. И то, что я был за рулем машины в районе автовокзала, вовсе не доказывает, что я сбил женщину». «Допустим, не ты, а твоя ученица совершила наезд, — продолжало наступать отражение. — Но почему ты погнал машину за город и отдал ее в автосервис, чтобы уничтожить следы преступления?» «Я не знал, что Инга совершила преступление. Она плакала и не могла ничего сказать вразумительно. Я подумал, что она врезалась в дерево или столб, и, чтобы успокоить ее, отдал машину в ремонт за свой счет. К тому же нас с Ингой ничто не связывает. Мы знакомы всего два дня. Она для меня, как и я для нее, — чужой человек, и у меня не было никаких причин заниматься укрывательством преступления. Я не пошел в полицию только потому, что не знал о наезде в Вишневом проезде». «Игнат Варданян утверждает, что ты интересовался сводкой происшествий. Зачем тебе это было нужно?» «Меня взволновала гибель Кучера, с которым я был знаком, и хотелось узнать подробности».

У отражения исчерпались вопросы. Я подошел к нему, подышал на зеркало и протер рукавом. Теперь этот N пусть размахивает своим колпаком, как флагом на баррикаде.

ГЛАВА 12

Уже стемнело, когда пришел Виктор. Я не стал заводить его в дом, придвинул ему шезлонг, сам сел на стульчик и предложил:

— Может, коньячку с кофе?

— Да какой тут коньячок! — махнул он рукой. — У меня столько неприятностей, что не до этого сейчас.

— Инга к тебе не заходила? — спросил я.

— Заходила! — качнул он головой. — Но лучше бы...

— Что она сказала? — перебил я.

— Сказала, что ты ее высадил у автошколы, а сам куда-то поехал.

— Ага! Ну ладно! — Я встал, сунул руку в карман, вытащил связку автомобильных ключей и, подбросив ее на ладони, сказал: — Поехали!

— Куда?

— За твоей машиной.

— А где она? — нахмурился Виктор.

— Сейчас все узнаешь.

— Меня отстранили от практических занятий на месяц, — заговорил он, когда мы сели в «ниссан» и выехали из гаража.

— За что?

— Мир не без добрых людей, — вздохнул Виктор. Кто-то настучал директору, что Куценко не работает, а сдает учебную машину напрокат.

— А ты что сказал директору?

— Что я мог сказать? Признался, что мой сосед Кирилл Вацура попросил меня пару раз покататься с актрисой, и я разрешил. Директор перестраховался и обо всем рассказал гаишникам.

Я кинул на Виктора быстрый взгляд.

— Каким гаишникам?

— Да у нас со вчерашнего дня ГИБДД экзамены принимает по правилам и вождению. Целая толпа — пять или семь инспекторов! Ты же знаешь, какие они придирчивые! Ходят по школе и во все свой нос суют. Ну, директор, чтобы снять с себя ответственность, поторопился рассказать, что в учебную машину сел посторонний.

— Когда это было?

— Сегодня. После обеда.

— Ты сам видел, как директор рассказывал обо мне инспекторам?

— Нет, секретарша мне проболталась... Ну, лишили меня квартальной премии, объявили выговор, сняли с практики. В общем, попал я на большие бабки. Жена в истерику впала, говорит, что мы и так две тысячи баксов должны, а тут ни премии, ни работы... Ладно, выкрутимся как-нибудь. Я собирал деньги дочери на пальто, чтоб зимой в школу ходила и не мерзла, так можно отложить эту покупку. Ничего, походит эту зиму так, закаленнее будет...

— Обо всем, что случилось с машиной, тебе сейчас расскажет автослесарь, — не дослушав его, предупредил я. — Запоминай все, что он скажет. Если что-то будет непонятно, я тебе объясню.

Я подъехал к воротам сарая почти вплотную, осветив закрытые створки фарами, и протяжно посигналил. Ворота не открылись, и я посигналил еще раз.

— Наверное, никого нет, — произнес Виктор и нарочито зевнул: — Поздно уже.

— Он должен был меня ждать! — наполняясь гневом, процедил я и выпрыгнул из машины.

Несколько ударов ногой по двери не принесли никакого результата. Чувствуя, что теряю над собой контроль, я замер, вздохнул полной грудью и сосчитал до тридцати. Но это не помогло.

— Прекрати, Кирилл! — позвал меня Виктор, опустив стекло и высунув голову наружу. — Поехали назад!

— Он должен был меня ждать! — рявкнул я и, подняв с земли коленвал, с оглушительным грохотом двинул им по воротам. Сарай застонал и заскрипел. — Я же его предупреждал, что после захода солнца приеду!

Ворота были заперты изнутри на засов, и при всем своем желании я не мог ни выбить двери, ни сорвать их с петель. Не долго думая, я подобрал с земли остов карбюратора и запустил им в маленькое слепое окошко, потом подпрыгнул, ухватился за край рамы и наполовину просунулся в оконный проем.

Знакомый запах бензина и смазки шибанул в нос. Внутри сарая было темно и тихо. Пошарив во тьме рукой, я нащупал над головой рельс, на котором, кажется, держалась автомобильная подвеска, и, перебирая по нему руками, втянул через проем ноги. Потом спрыгнул на липкий пол и, вытянув вперед руки, медленно пошел по цеху.

Мне преградил дорогу гладкий автомобильный бок, кажется, это была «шестерка» Виктора. Я осторожно обошел ее, сделал еще несколько шагов в темноте, наконец, нащупал тумбу с телевизором и настольной лампой, включил свет и огляделся. Затем присел, чтобы заглянуть под днище иномарки, подошел к краю смотровой ямы, обошел все помещение вдоль стены и остановился у машины, которую в потемках принял за «шестерку». Это была не «шестерка» Виктора, а кузов «Москвича». Красного учебного «жигуля» вообще не было в мастерской, как и следов его пребывания здесь.

— Сволочь! — сдавленно процедил я, медленно, словно растягивая удовольствие, поднял с пола канистру, открыл горловину, перевернул днищем вверх и поставил ее у ножки стола. Булькая, бензин стал выплескиваться наружу. Я взял со стола зажигалку, промасленную тряпку и, подойдя к кронштейну, прыгнул на него, закинул ноги наверх и сел на горизонтальном рельсе. Тряпка вспыхнула сразу, едва я поднес к ней пламя зажигалки. Я немного подержал ее в пальцах и кинул тряпку к ножке стола.

С нарастающим гулом бензин вспыхнул за моей спиной и стремительно стал расползаться по цеху. Прикрывая ладонью глаза, я несколько мгновений любовался своей работой, потом пошел по балке к оконному проему. Дым, скапливаясь под потолком, потянулся следом за мной. Высунув голову наружу и не дослушав невнятный вопль Виктора: «Ты что, с ума сошел?!», я попросил:

— Подгони машину под окно.

Он не сразу понял, что я от него хочу, сел за руль и неуверенными толчками подъехал к воротам. Я спрыгнул на крышу джипа, сошел на капот, подняв голову, некоторое время любовался алыми отблесками и роем искр, вылетающих из маленького окна, и, с удовлетворением констатировал: «Хорошо горит!» — спрыгнул на землю.

— А моя машина?! — выпучив глаза, прошлепал губами Виктор, когда я рванул вперед, на ходу закрывая дверь.

— Ее там не оказалось, — ответил я.

— Что значит — не оказалось?! Почему не оказалось?!

— А бес его знает! Может, уже на штрафной площадке в ГИБДД стоит, может, в автошколе. Не знаю. Все спуталось...

— Ну, ты, Кирилл, даешь! Как так можно! Что я теперь скажу...

— Заткнись! — заорал я, ударяя по педали тормоза. — Что ты трясешься за свою рухлядь, как за маму? Этому четырехколесному дерьму давно место на свалке! И не спрашивай меня больше ни о чем, пока я сам с тобой не заговорю! Не нервируй меня! Не попадайся мне на глаза! Понял, заслуженный производитель «чайников»?!

Я так на него наорал, что до своего дома Виктор ехал молча, не смея даже взглянуть на меня. Я остановил машину у калитки, обвитой плющом, Виктор молча выбрался из машины, а я провожал взглядом мешковатую, неуклюжую фигуру инструктора, чувствуя легкое угрызение совести.

ГЛАВА 13

Я поднялся на второй этаж, прошел в конец коридора и громко постучал кулаком в крайнюю дверь.

— Инга!!

Напрасно я колотил ни в чем не повинную дверь — девушки в номере не было. Еще на улице я обратил внимание на то, что, несмотря на поздний час, свет в ее окнах не горит.

— Ну ладно, — пробормотал я, подошел к двери Браза и постучал: — Касьян, откройте, пожалуйста!

Конечно, в это время не стоило вламываться к человеку, который поселился у меня ради того, чтобы его не беспокоили, но в минуты душевного волнения я жил по принципу «дурная голова ногам покоя не дает» и правил этикета придерживался весьма условно.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы через образовавшуюся щель можно было посмотреть одним глазом. Режиссер, убедившись, что стучал я, попросил меня подождать минутку и снова заперся. Наверное, он уже готовился ко сну, и я пожалел, что испортил ему первое впечатление от гостиницы.

Во второй раз Касьян открыл дверь нараспашку и сказал:

— Заходите!

— Нет, — отказался я. — Мне нужно задать вам всего один вопрос...

— Заходите, заходите! — проявил настойчивость Браз и, видя, что я не намерен переступить через порог, схватил меня за руку и втащил в комна-

ту. — Я работаю, но вы мне совсем не мешаете. Хорошо, что вы зашли! Голова уже распухает... Садитесь!

Дверь в спальню была плотно закрыта, шторы задернуты, на журнальном столике, под лампой, лежали брошюра, ручка и лист бумаги, но в воздухе витал легкий запах духов и спиртного. Я снова посмотрел на столик — предметы лежали так, как если бы их разложили для показа.

— Садитесь, — повторил Браз, обеими руками зачесал свои длинные волосы назад и тряхнул головой, придавая прическе объем. — Вы никогда не имели дела с кинематографом? — спросил он, присаживаясь у столика. — Нет?.. Счастливый человек!

— Вас заставляют заниматься этим делом? — спросил я и улыбнулся, чтобы смягчить вопрос.

— Нет, — ответил Браз, выпятив губы. — Никто не заставляет. Просто я ничего другого не умею, кроме как снимать фильмы.

— По-моему, это не самое плохое занятие.

— Вы так считаете? Впрочем, это бесполезный разговор. Вы хотели о чем-то меня спросить?

— Да, я не могу найти Ингу. Может быть, вы знаете, где она сейчас пропадает?

— Нет, не знаю, — не задумываясь, ответил Браз. — А вы не могли бы встать?

— Встать? — Я не сразу понял, о чем режиссер меня просил. — Просто встать?

— Да! Просто встать, — кивнул он.

Я пожал плечами и встал с кресла. Браз подошел ко мне, приподнял голову и, посмотрев на мой «ежик», спросил:

— Метр девяносто?

— Метр восемьдесят.

— У вас прекрасная фигура. Широкая грудь. Крепкие руки... Повернитесь, пожалуйста, спиной... Очень хорошо!

Не могу сказать, что я с удовольствием позировал человеку, которого, впервые увидев на набережной, принял за женщину.

— Вы не могли бы снять рубашку? — спросил он.

— Зачем? — насторожился я.

— Я хочу посмотреть на ваши мышцы.

— Извините! — Я отступил на шаг. — Но я не пойму, зачем это вам надо!

— Вы хотите сняться в кино? — быстро спросил Браз.

— Нет, не хочу.

— Не может быть! Это же интересно! К тому же я вам заплачу.

— Спасибо, но я и так неплохо зарабатываю.

— Не торопитесь отказываться! — погрозил мне пальцем Браз, взял со стола брошюру и протянул ее мне: — Возьмите, прочитайте.

— Что это?

— Режиссерский сценарий. Обратите внимание на роль Странствующего Рыцаря. Она эпизодическая, на всю эту сцену уйдет всего сорок пять метров пленки. Представьте: ночь, лес, склон горы Сокол. Выходит луна и освещает лагерь турецкого войска. И тут вы появляетесь перед ними в доспехах, как знамение, как символ несокрушимости гунуэзского бастиона. Ваше рельефное тело блестит в мертвенном свете луны. Вы вынимаете меч из ножен...

— Крупным планом? — спросил я.

— Что? Что крупным планом?

— Я буду снят крупным планом?

— Нет, — покачал головой Браз. — На первом плане два полуголых турецких воина будут издеваться над графиней, взятой в плен, а вы появитесь за ними, словно взрыв сверхновой звезды, словно явление Божьего гнева, словно материализованная совесть, жалкие остатки которой еще не угасли в душах...

— Нет, на заднем плане я не согласен, — категорически возразил я. — Только на переднем, только крупным планом, и еще я хочу на правах рекламы сказать несколько слов о своей гостинице.

Браз поперхнулся, откашлялся, снова сел к столу и с сожалением произнес:

— Так, как вы хотите, невозможно. Где это видано, чтобы герои фильма вдруг начинали рекламировать гостиницы?

— Не хотите гостиницу, давайте я прорекламирую свой бар! — настаивал я, едва сдерживая улыбку.

— Что вы! О рекламе вообще не может быть и речи. Снять вас более крупным планом... Ну, это еще куда ни шло. Можно даже урезать предыдущие кадры... — Браз стал листать сценарий, склонился над ним, провел пальцем по странице: — Вот! Двести тридцать восьмой кадр. «Лес, ночь, склон горы. Средний план с движением. Полная луна висит над ломаным краем горы. Отблески костров, турецкие воины, подняв мечи и пики вверх, приветствуют появление в лагере полководца Крекса. Шум толпы, крики и отдельные голоса: «Слава победителю!» Технические средства — рельсы, тележка, ветродуй. Массовка — пятьдесят человек». И на все это — восемьдесят шесть метров пленки! Сумасшествие! А потом продюсер спрашивает, на что ушли деньги... — Он схватил ручку и, разрывая острым пером страницу сценария, стал выправлять. — Оставляю десять метров и ни кусочком больше! А на ваш кадр — двести сорок второй — я добавлю еще метров двадцать.

— Не надо, не добавляйте, — попросил я. — Прибытие в лагерь полководца Крекса — куда более значительное и важное событие для войск, чем материализация какой-то там совести... Спокойной ночи!

— Погодите! — сказал Браз, когда я уже дошел до двери, и протянул ко мне обе руки. — Мне кажется, что я вас чем-то обидел.

— Нет, вам показалось, — ответил я.

— Но я же вижу по вашим глазам... Вы хотели узнать про Ингу... Она — художник, она — огонь, находящийся в вечном поиске. Инга очень талантлива. Ее душа — бездонный колодец. А какая самоотдача, какая целеустремленность!

— Вы сами ее нашли? — спросил я.

— Нет, ее привел Черновский, продюсер, — с нотками сожаления ответил Браз. — И я даже сначала был против того, чтобы она играла главную роль. Черновский, молодец, настоял. Он даже поставил мне ультиматум: или Инга, или фильма не будет вообще. Потом я понял свою ошибку... А который уже час? Четверть одиннадцатого? Нет, наверное, вам не стоит ее дожидаться.

— Вы не хотите говорить со мной об Инге? — открыто спросил я.

— Каков вопрос, таков ответ, — выдал Браз. — Да, не хочу. Но не потому, что я не доверяю вам или же считаю посторонним человеком, которого не следует допускать в наши производственные дела. Все проще. Инга мне не дочь, не жена, не сестра. В свободное от съемок время она может распоряжаться собой, как ей заблагорассудится. А потому эту тему — ее личное время — я предпочитаю не затрагивать.

— Спасибо, — ответил я, склонил голову и вышел. Но Браз последовал за мной, говоря на ходу:

— Постойте! Одно слово! Всего одно слово!

Я остановился, чувствуя себя заинтригованным.

— Если вы имеете некий интерес к Инге и под влиянием чувств стремитесь укрепить свои позиции в ее сердце, — медленно и тихо проговорил он, — то я категорически советую вам отказаться от этой идеи.

— Но почему? Мне кажется, я ее люблю!

— Очень, очень напрасно, — покачал головой Браз. — Выкиньте ее из головы. И чем скорее, тем лучше.

Он повернулся и, отбрасывая в стороны носки, походкой вельможи времен Людовика XIV направился к своему номеру.

ГЛАВА 14

Кошка бы не прошла по лестнице так тихо, как это умею делать я. После пятикилометровой пробежки, когда все суставы разогреты, разработаны,

а подошвы специальных стайерских кроссовок в точности повторяют движение стопы, я поднялся по бетонной лестнице и, направившись к своей резервации, с удивлением увидел перед дверью Браз. Даже не подозревая о том, что я стою за его спиной, он старательно пристраивал к дверной ручке резервации небольшой пакет из плотной почтовой бумаги. Шнурок, которым он пользовался, никак не хотел завязываться, пакет шлепался на пол, режиссер поднимал его и снова начинал прилаживать к ручке.

После третьей неудачи я не выдержал:

— Да перевяжите его крест-накрест, и он не будет вываливаться!

Будь у Браз нервы послабее, он бы непременно подпрыгнул на метр вверх, но мой постоялец лишь резко выпрямился, взглянул на меня и после секундного замешательства уточнил:

— Как вы сказали? Крест-накрест?

— Давайте покажу. — Я взял из рук режиссера конверт и ловко перетянул его шнурком. — А вот теперь привязывайте.

— Действительно, так удобнее, — согласился Браз, снова присел у дверной ручки, прицелился к ней шнурком и вдруг отпрянул: — Тьфу! Что это я делаю? Это же вам пакет! Зачем я его привязываю, если вы — вот, стоите передо мной?

— Не знаю, — пожал я плечами.

— Держите! — недовольно буркнул он, чувствуя, что попал в смешное положение, кинул пакет мне в руки и пошел к себе.

— Откуда это? — спросил я вдогонку, рассматривая отпечатанный уже знакомым мне шрифтом адрес гостиницы. — Мальчик принес?

— Да, мальчик! — не оборачиваясь, ответил Браз.

— Какие, однако, мальчики сознательные пошли! — заметил я, покачивая головой. — Все носят и носят и денег не просят.

Режиссер никак не отреагировал на эту реплику, зашел к себе и хлопнул дверью.

Я хотел продемонстрировать самому себе выдержку, но не справился с соблазном и надорвал бумагу, едва зайдя в кабинет. Под ноги упала аудиокассета. Я прошуршал пальцами в пакете и выудил крохотный листок, размером с визитку (экономный, черт!).

«Дорогой друг! Высылаю тебе хит сезона. Извини, что качество не очень. Надеюсь, ты уже подготовил свои предложения относительно покупки колпака? Готовься, скоро дам о себе знать. Целую — твой N».

Это было уже совсем не страшно. Даже смешно. Человек с юмором, не бог весть с каким, но с юмором. Пишет мне письма, надеется продать колпак и надеется, что я пошлю ему ответное письмо: «Дорогой N! Готов купить у тебя колпак за пятьсот тысяч долларов».

Улыбаясь, я поднял кассету, зашел в спальню, прикрыл за собой дверь, воткнул кассету в магнитофон и, раздеваясь перед душевой кабиной, стал слушать шумы, звук шагов, которым вторило эхо, скрип двери, пытаюсь угадать, где это было записано. В коридоре гостиницы? Там нет никакого эха. В машине? Ни-ни! Во дворе? М-м-м, вряд ли...

Ну, конечно! — хлопнул я себя по лбу. — В музее, черт возьми! В музее!

«Только Кирилл Вацура умеет взять за горло так, что это будет приятно!» — раздался голос Лебединской. Затем — шумы, треск. И снова она: *«За тобой глаз да глаз нужен! Но ты прав, конечно. Я не собираюсь читать тебе мораль, позволь мне самой распоряжаться золотом».*

Ловко! — оценил я. Этот N — изобретательный тип. Вырезал отдельные фразы и слова и слепил из них диалог.

«Я же вас предупреждал! — Это уже я. — Значит, вы меня не послушались? Вы выставили подлинники всем напоказ? Но вы же сами пообещали мне, что закажете латунные копии, а золотые монеты дадите мне!»

Фуфло! Не очень качественно прирастил «дадите мне», чувствуется другой тон. И стилистическая ошибка заметна, как ослиные уши в терновнике. Надо было сказать «отдадите». А что же я говорил на самом деле? Кажется, что-то вроде: «а золотые монеты спрячете».

«Я обещала? — Лебединская. — Тебе, наверное, это приснилось. Я не могла обещать такого! Цинизм!»

«Неужели вы не понимаете, что я могу пойти на все! Вы знаете мою фамилию!»

«А еще знаю, где ты живешь!» — Лебединская вроде как угрожает мне.

«Мне проще самому сгрести золотые монеты, а вас зарыть в землю...»
И дальше шум, треск и звук шагов.

Ух, ты, какой финал! Ну, теперь меня приперли к стене! Все сходится: сначала угрожал Лебединской, потом наехал на нее в самом прямом смысле и, в конце концов, украл из музея вожделенные золотые монеты.

Я подошел к магнитофону, вытащил кассету и двумя пальцами переломил ее надвое. Затем намотал пленку на ладонь, сделал из нее клубок и, кинув в пепельницу, чиркнул зажигалкой.

Чтобы действовать наверняка, думал я, глядя на огонь, в котором червями извивалась пленка, надо выяснить, кто угнал «шестерку» из «Автосала». Если N, чтобы запугать меня еще больше, то это очень хорошо. Если гаишники — это очень плохо. Но если это сделали они, то уже вчера вечером инспектора наехали бы на Виктора, а ночью — на меня и Ингу. Однако уже десять утра, и солнце по-прежнему светит мне через раскрытое настежь окно, а не через решетку. Значит...

Мои мысли оборвало бульканье телефонного аппарата. Я взял трубку и услышал незнакомый голос:

— Это Вацура Кирилл Андреевич?

А вот и он, мой дорогой N, подумал я, но ошибся.

— Вам звонит дежурный по третьему отделению полиции капитан Немчук. Мы не стали высылать вам повестку, все это очень долго и ненадежно, проще по телефону. Дело вот в чем: вы должны прийти сегодня к двенадцати часам в двадцать второй кабинет к следователю Маркову. Запомнили?

— Да, — ответил я никаким голосом и опустил трубку в гнездо.

ГЛАВА 15

Ехал я на своем джипе к следователю со скоростью пятнадцать километров в час и мучительно вспоминал, где и с кем что-то подобное уже происходило. И вспомнил. В пьесе Зоценко, когда заведующий Горбушкин направлялся к следователю, только не было у меня жены, которая бы вместе с братом спешно распродала имущество. Чувство юмора хоть и спасало от тоски, но мешало сосредоточиться и оценить всю серьезность ситуации. Перед тем как войти в двадцать вторую комнату к следователю Маркову, я должен был окончательно определиться: рассказывать всю правду или же попытаться выгородить Ингу. Дилемма жесткая, решение ее — дело малоприятное, потому я и развлекался тем, что представлял себя артистом Пуговкиным, сидящим напротив следователя и пытающимся выпить воды из стакана. Очень смешно!

Успею, подумал я, подъезжая к третьему отделению полиции. Сначала выясню, что им известно о наезде на Лебединскую. Посмотрю по ситуации, окончательно определился я, на мгновение задержавшись перед двадцать второй комнатой.

Следователь Марков оказался мне знаком, мы когда-то с ним встречались, причем в памяти осталось не столько его лицо, сколько подтяжки поверх белой сорочки, идеально ровный пробор и неимоверно прокуренный кабинет, где лучи света, пробиваясь через окно, падали на пол косыми столбами.

Подняв на меня красные от хронического недосыпания глаза, он протянул руку и отрывисто сказал:

— Здоров! Садись! Что нового?.. — Он что-то торопливо писал на листе, оставляя огромные поля. Потом сдвинул лист в сторону, положил ручку перед собой и, наконец, посмотрел на меня: — Значит, так! Тебя видели на месте происшествия за три с половиной часа до него. Ты проехал

вперед, затем развернулся и погнал в обратном направлении. Попробуй вспомнить: может быть, ты видел людей, может, обратил внимание на дом, калитку, гараж... Что ты улыбаешься? Я что-нибудь не то говорю?

— Ты меня зачем вызвал? — спросил я.

— А тебе разве не сказали?

— Нет.

— Ну, это как всегда, — ответил Марков, сплевывая на кончик сигареты и кидая окурок в мусорную корзину. — Я тебя вызвал в качестве свидетеля по делу Кучера.

— Значит, в качестве свидетеля? — развеселился я. — По делу Кучера я все, что хочешь, могу сказать. Если не ошибаюсь, следствие квалифицировало его смерть как несчастный случай?

— А откуда ты это знаешь? — прищурился Марков.

— От журналистов. У вас же в каждом отделении по пять осведомителей! За гонорар любую тайну раскроют. Да, я был в Дачном, — подтвердил я. Попробуй отрицать эту доказанную истину было бы смешно. — Кажется, это было около двух часов. Но к его дому я не подъезжал.

— Да я знаю! Ты никого там не видел? Мужика? Бабу? Ребенка?.. Понимаешь, ухватиться не за что! Никто ничего не видел, а ведь человека среди бела дня грохнули!

— А почему решили, что его грохнули? — спросил я, с ужасом понимая, что, если всплывет Инга, и Маркову станет известно, что я сам послал ее к Кучеру, то он мне ложь не простит и доверять не будет уже никогда.

— Экспертиза доказала, что Кучер упал на пол еще до того, как был заведен мотор. И упал он не под выхлопную трубу, а у капота: там остались капли крови с разбитой брови. Получается, что он сначала упал, а потом уже убийца перетащил его к выхлопной трубе, завел мотор, вышел и прикрыл за собой створки гаражных ворот.

— А когда это произошло? — спросил я, чувствуя, что голос выдает мое волнение. — Когда наступила смерть?

— Около трех часов дня.

— А почему он упал? В него выстрелили или чем-то ударили?

— Нет, никаких телесных повреждений, если не считать разбитую при падении бровь.

— Значит, он был еще жив?

— Жив, но без сознания. Иначе не лежал бы под выхлопной трубой, а встал бы и заглушил мотор.

— Ну да, это понятно, — рассеянно пробормотал я. — И как долго он мог лежать без сознания?

— Здесь эксперты не пришли к единому мнению, — ответил Марков. — Врачи-токсикологи считают, что в задымленном помещении человек может оставаться живым час и даже больше, если у него замедленное, поверхностное дыхание... Значит, мы располагаем небольшим отрезком времени, в течение которого у Кучера был гость. — Он взял карандаш и стал рисовать цифры на клочке бумаги. — Ближний предел: четырнадцать сорок пять, то есть за пятнадцать минут до смерти, и дальний — тринадцать сорок пять, за час пятнадцать до смерти. Вот потому я тебя и вызвал.

— Нет, ничего я не заметил, — сказал я и подумал, что на месте Маркова я себе не поверил бы и немедленно заковал в наручники.

— Жаль, — вздохнул он.

— Я еще подумаю! — обнадежил я его. — Вдруг что-нибудь вспомнится.

— Подумай, — кивнул Марков. — Может, кто-нибудь ходил к Кучеру, может, еще что...

Кто она такая? — думал я, сидя в машине и рисуя в воображении образ Инги. Страшно взять грех на душу и повесить на девчонку убийство Кучера, но по времени все слишком подозрительно сходится. Могла она ударить его так, чтобы крепкий мужик выше меня ростом и не менее десяти пудов весом упал на пол и потерял сознание? Нет, не могла. И самое главное — зачем ей надо было убивать Кучера? Она не была знакома с ним, она не имела с ним ничего общего.

Когда я подъехал к гостинице, у гаражных ворот, загородив въезд, стояла желтая «Волга». Крышка капота была поднята, со свечой в руке, глядя одним глазом на зазор между электродами, стоял Виктор. Я вышел из машины, ожидая поток нытья и жалоб на трудную жизнь, но он лишь сдержанно кивнул мне:

— Привет!

И ни слова больше! Снова склонился над мотором, поставил свечу на свое место, закрутил ее ключом, навесил провод. Его поведение меня удивило.

— Ты не меня ждешь? — спросил я.

Виктор отрицательно покачал головой.

— Тачку твою я разыскиваю по всему полуострову, — сказал я и хлопнул его по плечу.

Ноль эмоций!

Я рассматривал «Волгу». Лет двадцать назад она, похоже, служила в качестве такси. Лет пять назад ее выкинули на свалку. Надо же, еще бегают! Присмотревшись внимательнее, я различил на заднем сиденье толстую

папку, на которой фломастером было написано «ЧАС ВОЛКА», а на полочке, рядом с аптечкой, — два аэрозольных баллона с вишневой краской.

— Ты что ж это, новую машину себе купил? — спросил я, обходя вокруг «Волги».

— Конечно, купил! — криво усмехнулся Виктор. — Арендованная.

Все остальные мои вопросы отпали сами собой, как только из калитки вышел Браз.

— Салют! — приветствовал меня режиссер и, открыв переднюю дверь «Волги», скомандовал Виктору: — На площадку! Побыстрее, опаздываем!

«Волга» с ужасным треском завелась и, едва не задевая днищем асфальт, покатила в сторону Нового Света.

Круто! — подумал я, провожая взглядом пылевое облако. Надо понимать, это служебное авто Браза, а Виктор — его шофер.

Я спустился в гараж и только сейчас заметил, что треугольный обломок бетонной плиты кто-то сдвигал в сторону. Еще вчера трещина была почти незаметна, сейчас же в нее можно было просунуть ладонь. Ухватившись за край плиты, я обрушил ее на пол. Гаражные стены вздрогнули, как от взрыва. Облако белой цементной пыли зависло в воздухе. Я опустил на корточки и посмотрел в образовавшуюся нишу. Э-э, да здесь хорошо поработали лопатой. Хоть и не там, где надо, искали, но все же искали целенаправленно. Лембит Лехтине приступил к решительным действиям?

Я сплюнул и вышел из гаража во двор. Где-то вверху скрежетали лопаты, мне на голову посыпалась тонкая струйка песка.

— Роман! — крикнул я.

Скрежет прекратился. Из-за края горизонтальной опоры показалась круглая голова бригадира.

— Иди сюда! — позвал я его.

Маленький, раскачивающийся из стороны в сторону при ходьбе, с живыми жуликоватыми глазками, бригадир подошел ко мне. Я молча зашел в гараж, встал рядом с обломком плиты и негромко спросил:

— Чья работа?

— Не знаю, — пожал плечами Роман. — Ребята в гараж не заходили.

— Ты уверен?

Он снова пожал плечами. О чем ни спроси — нет твердого ответа.

— Дыру зацементировать, плиту вынести, — сказал я, садясь в машину и заводя мотор. — И еще... Всем объяви мой приказ: никаких земляных работ без согласования со мной не проводить! Прежде чем воткнуть штык лопаты в землю, обязательно спросить у меня разрешения.

— Понял, — кивнул бригадир, провожая меня своим неуловимым плывущим взглядом.

ГЛАВА 16

Я не стал подъезжать к подъезду, остановил машину на обочине у кафе и поднялся к дому пешком. Две скамейки у подъезда были залиты солнцем, и на них, к счастью, не было старушек — этих вечных свидетелей, неусыпных стражников и неподкупных вахтеров. Я нырнул в подъезд незамеченным и тихо поднялся на четвертый этаж. Перед квартирой Лебединской остановился и перевел дыхание.

Не заперта, подумал я за мгновение до того, как легко надавил ладонью на дверь, и не ошибся. Дверь с тихим скрипом отворилась. Не рискуя попасть на глаза соседям, я быстро зашел в квартиру и закрыл дверь. Провел рукой по тому месту, где еще недавно стоял замок, а теперь лишь зияли дыры от шурупов. Значит, выбили. Отмычки, шпильки, гвоздики ушли в прошлое, и тонкий профессионализм домушников заменили ломовая грубость и наглость.

Знала бы, чем обернется роковая предосторожность, так не стала бы забирать из музея монеты, думал я, глядя на перевернутую вверх дном комнату. Толкнули под машину, потом обчистили квартиру. А я ведь предупреждал ее! Накаркал!

Адресная книжка была ветхой, как Завет, листки из нее вываливались, к тому же адреса и телефоны Лебединская записывала, игнорируя алфавит.. А впрочем, фамилий в ней было не так много, в основном организации. Институт истории Крымской Академии наук, Институт Российской истории Российской академии наук, Центр хранения и изучения документов новейшей истории, Отдел культуры при правительстве...

Я перевернул несколько страниц и увидел московский адрес Анны. Все правильно, улица Трофимова, дом 31. Вот только квартира не 177, а 171. В последней цифре Лебединская ошиблась. Наверное, переписывала с визитки, а там шрифт мелкий и неразборчивый, вот и спутала семерку с единицей.

Книжка меня увлекла. Круг знакомых у Лебединской был огромным. Историки, ученые, преподаватели, археологи, скульпторы... Я сел на пол, просматривая другие адреса и фамилии. А это что? Ба! Какая приятная неожиданность! «Арабова Инга: г. Ялта, Южнобережное ш., д. 65/2. Тел. киностудии: 22-54-77».

Это что же получается? Инга и Лебединская были знакомы? Я снова побежал глазами по адресам и тотчас наткнулся на совсем свежую запись: «Дачное, д. 134, Кучер Б. Б.».

Ну, это уже полный шок! Я моргал глазами, не в силах что-либо понять. Вот так компания собралась! У Лебединской были какие-то свои интересы и к Инге, и к Кучеру. Как теперь поверить в то, что Инга случайно сбила Лебединскую в проулке? А как объяснить, что актриса была едва ли не послед-

ней, кто видел Кучера живым? Черт знает что! Головоломка. Абракадабра. Бред!

Входная дверь вдруг тихо скрипнула. Я вздрогнул, отшвырнул адресную книжку в сторону и вскочил. Онемевший от ужаса, с огромными, выпученными глазами, с бисером пота, прилипшим к наморщенному лбу, в прихожую беззвучно ввалился Виктор.

Глядя друг на друга, мы окаменели, как две голодные обезьяны при виде банановой рощи. Я был удивлен появлением здесь инструктора, а Виктор был просто сражен наповал.

— Ты? — задал я глупый вопрос. — Зачем ты сюда пришел?

Виктор молчал, все так же тарачил на меня глаза и не произносил ни звука.

Я пришел в себя намного быстрее. Озабоченно отряхнув джинсы, посмотрел по сторонам, покачал головой и изрек нечто многозначительное:

— Да-а-а... Бардак!

Виктор продолжал молчать.

— Ау! — позвал я инструктора. — Ты меня слышишь? Из музея восковых фигур сбежал, что ли? — и сделал шаг вперед.

Он отшатнулся и даже поднял руки, словно хотел закрыть лицо от встречного удара. Я встал напротив Виктора, широко расставив ноги, и спросил:

— Все? Вляпался? Попался с поличным? Кто тебя послал сюда? Отвечать быстро!

Он издал какой-то нечленораздельный звук и отступил еще на шаг.

— Стоять! — рявкнул я. — Еще одно движение — и ты покойник! Быстро отвечать на мои вопросы! Кто тебя сюда послал? Что ты должен был здесь взять?

Я ведь знаю, кто тебя сюда послал! — Знаю! Браз, да? Ну, сознайся, что Браз!

— Послушай!.. — наконец заговорил Виктор. — Не дави! Это не мои дела, я не могу тебе сказать! Не пытай меня! Отвяжись! — Неожиданно он резко оттолкнул меня и выскочил из квартиры.

Некоторое время я стоял в пустом коридоре, затем быстро зашел на кухню, открыл холодильник, с удивлением глядя на недопитую бутылку водки, блюдца с ломтиками сала, сыра, луковицы, недоеденную банку тушенки. Повернулся, пробежал взглядом по столу, заставленному грязными тарелками с остатками засохшей пищи, рюмками с мутным стеклом, пепельницей, полной окурков сигарет с фильтром, которые Лебединская никогда не курила.

ГЛАВА 17

Кажется, Браз был пьян. Я смотрел из окна, как он пытается выйти из «Волги», остановившейся под фонарем. Сначала он выставил одну ногу, потом вторую, ухватился руками за дверь, налег на нее, но дверь стала закрываться и едва не прищемила ему пальцы. Виктор, опасаясь то ли за целостность пальцев своего нового шефа, то ли за дверь, которую режиссер мог просто оторвать, подскочил к нему и стал вытаскивать из машины за ворот безрукавки. Кончилось все тем, что Браз неожиданно вывалился из машины, а Виктор, не удержавшись на ногах, упал на землю. Это было забавное зрелище, жаль, что я не успел взять видеокамеру.

Спустившись вниз, я открыл калитку и, посторонившись, пропустил Браза во двор. Виктор делал вид, что не замечает меня. Отпустив режиссера, который плавающей походкой пошел к стеклянной двери бара, он не совсем учтиво спросил:

— Эй! Когда подъехать, шеф?

Браз, ухватившись за дюралевый косяк, повернулся, долго собирал слова в разбросанном сознании, после чего ответил:

— Пошел вон! — после чего сфокусировал взгляд на мне и с трудом проговорил: — Позвольте опереться о ваше крепкое плечо? Я сегодня очень устал. Усталость имеет свойство накапливаться, и, когда переливается через край, хочется послать всех далеко-далеко... Вы хотите выпить?

Я поднимал его по лестнице. Браз шел медленно, часто останавливался и переводил дух. Когда мы подошли к двери его номера, он долго копался в карманах, протянул мне ключ и попросил:

— Будьте добры, откройте дверь... Спасибо! Только не стойте на пороге, словно вы колеблетесь! Я же вижу, что вам очень хочется со мной поговорить!

Я зашел, сел в кресло и включил телевизор. Браз поставил на журнальный столик бутылку «Кампари», вынул из холодильника тарелку с порезанным на дольки лимоном, начатую коробку шоколадных конфет и, делая массу лишних движений, пробормотал:

— Сейчас, сейчас! Я только окуну голову под холодную струю и сразу стану человеком... Вы меня извините, мне очень стыдно... Сейчас!

Он схватил полотенце и ушел в спальню, где была душевая кабина, по пути сильно врезавшись плечом в косяк. Меня привлек треск мотора за окном, я встал с кресла и отдернул штору. Только сейчас Виктор отъезжал от гостиницы на своей колымаге. Что он делал те десять минут, пока мы с Бразом поднимались по лестнице и открывали дверь номера?

Я опустил взгляд на подоконник. Он был завален книгами, папками, исчерканными рисунками листками. «Нужны мускулистые парни!!! — значилось на обрывке бумаги. — 2–3 шт.» — Я усмехнулся. Браз измерял актеров массовок в штуках. Режиссерский сценарий, который он предлагал мне почитать, был хорошо отработан чернильным пером, живого места не осталось. Браз выкинул целые кадры, внес коррективы в объекты и метражи. Жесткой правки избежал только титульный лист и первая страница, где были обозначены название фильма и действующие лица: «Главные роли (историческая часть): 1. Графиня Лавани. 2. Священник Бальдо. 3. Полководец Крекс. 4. Подкомендант Джиованни Марионе...» В современной части первой также значилась женская роль: «Марта Лехтине».

Лехтине, мысленно повторил я. Откуда здесь Лехтине? Это фамилия персонажа, главной героини, которую играет Инга? И мой неуловимый Лембит — тоже Лехтине? Какое странное совпадение!

В комнату вошел Браз, растирая полотенцем голову с такой силой, словно хотел трением воспламенить волосы.

— Читаете? — спросил он, увидев у меня в руках сценарий. — И как, нравится?

— Честно говоря, я успел прочитать только перечень главных и вторых ролей, — ответил я.

— И правильно сделали. Более дерьмового сценария я еще не видел... Наливайте, пожалуйста. Я сейчас... сейчас я буду в форме...

— Зачем же вы взялись снимать фильм, если вам не понравился сценарий? — удивленно спросил я.

Браз усмехнулся. Веки его тяжелели и все чаще опускались на глаза.

— Если бы я не взялся за «Час волка», то сидел бы без работы. У меня просто не было выхода. Увы, в этой альтернативе — снимать дерьмо или не снимать ничего — я не показал пример гордости и благородства и согласился... Черновский заказывает музыку. Убедить его, что мы снимаем позор отечественного кинематографа, невозможно. Если бы он свернул съемки из-за отсутствия средств, я бы только вздохнул с облегчением.

— Это ваш первый фильм?

— Ну почему же! — обиженно взглянул на меня режиссер. — Я сделал четыре картины, и, по-моему, все они вышли на уровне... А это, — кивнул он на подоконник, — оргия бездарности. Но Черновский ничего не понимает. Он занят поиском и зарабатыванием денег, чтобы любой ценой закончить съемки. Что ж, кто-то рожден для того, чтобы снимать «Зеркало», «Жестокий романс» или «Парад планет», а кто-то — рекламу таблеток от запоров... Черновский — человек другой породы. У него мозги поставлены не так, как у меня... Налейте еще по одной!

— Неужели никто не смог убедить его, что он вкладывает деньги в выгребную яму? — спросил я.

— Это вы хорошо сказали — в выгребную яму, — кивнул Браз. — Вот только кому это надо? Актерам? Да они счастливы, что снимаются! Мне? Да и я тоже схватился зубами за этот «Час волка», как волк! Мы все делаем вид, что занимаемся большим и важным делом, что в муках творчества производим на свет талантливый фильм, призванный духовно обогатить наш народ... Разве что Арабова искренне верит, что создает нечто великое и за свою роль получит как минимум «Оскара», — добавил он и причмокнул губами: — Дура! Да и Инга — полное ничтожество в кино. Это Черновский дал ей главную роль. Я бы не доверил ей даже участие в массовке на дальнем плане... Ох, и зачем я вам это говорю? Она ведь, кажется, вам симпатична?

— Да, вы не ошиблись, — ответил я, наполняя рюмки. — Инга мне очень нравится.

Браз вдруг крепко схватил меня за руку и, посмотрев мне в глаза, прошептал:

— Не надо! Она порочна!

— Вы хотите сказать, что у нее любовная связь с Черновским?

— Возможно, любовная связь, — качнул он головой. — В некотором роде это так. Послушайте меня! Забудьте о ней! И ради бога, не пытайтесь встать между ней и Черновским. Я предупреждаю вас потому, что не хочу вам зла.

— Значит, Черновский озабочен сейчас поиском денег? — уточнил я.

— Да, это так, — вздохнул Браз. — И если бы он занимался только этим, а судьбу фильма полностью доверил мне, то о таком продюсере можно было бы только мечтать! А что остается мне, если сценарий — его, артисты — его, деньги — его!

— У Инги это первая роль?

— Да, первая и, надеюсь, последняя... Есть у нее одно хорошее качество: она очень трудолюбива. Ставит перед собой цель и идет к ней напролом, как танк. В целях экономии она отказалась от каскадеров и собирает все трюки выполнить сама! Ах, к такой завидной энергии добавить бы немного таланта, и цены бы ей не было!.. Кстати, а вы не хотите стать меценатом?

— Нет, — усмехнулся я. — Не хочу. Единственное, чем я могу помочь вам, так это подыскать мускулистых парней. Две штуки, пожалуй, найду.

— Правда? — оживился Браз. — Я буду вам очень благодарен!

— И еще я хотел бы побывать на съемках.

— Нет проблем! Завтра, кстати, мы приступаем к ночным съемкам. Удивительное зрелище, уверяю вас!

Я встал, подошел к двери. Вопрос, ради которого я сюда пришел, уже можно было не задавать, но все же я спросил, чтобы поставить точку:

— А был ли мальчик, принесший письмо?

Браз оторвал подбородок от груди, внимательно посмотрел на меня и ответил:

— В том-то все и дело, что был. Сначала один, потом другой... Я понимаю, у вас было какое-то веское основание не верить мне.

— Спокойной ночи! — сказал я и вышел из номера.

ГЛАВА 18

Вот это замес действительности с вымыслом! — думал я, лежа на кровати и глядя на то, как на потолке вся ярче разгорается отблеск восхода. Инга играет роль Марты Лехтине. Лембитом Лехтине назвался незнакомец, который пришел к Лебединской. Высокий, сухощавый мужчина с темными волосами, по словам Инги, толкнул Лебединскую под колеса «шестерки». И вот на сцену выходит продюсер Черновский, которого я видел лишь однажды на набережной, — он тоже высок, сухощав, и волосы его достаточно темны. Получился круг, каждый отрезок которого является продолжением следующего.

Я так и не понял, куда девалась ночь, спал я или думал до самого рассвета.

Надев шорты, майку, кроссовки, солнцезащитные очки, мохеровую повязку на лоб, я спустился вниз и вышел на улицу, громко хлопнув за собой дверь. Свернул направо, в сторону Новосветского шоссе, и побежал трусцой. Метров через сто свернул в сторону, к крепостным воротам, оттуда сбежал к частному кафе, огороженному маскировочной сетью, спустился еще ниже и не спеша пошел по шлифованным камням, прячась за кустарниками терновника. Каменная пирамида, нависающая над лестницей, надежно прикрывала меня со всех сторон. Опустившись на камни, я стал наблюдать за входом в гостиницу.

Минут через пятнадцать распахнулись створки окна на третьем этаже, и в проеме показался Браз. Даже с расстояния было заметно, что его волосы стоят дыбом, а глаза подпухли. Режиссер подошел к окну, сладко потянулся и исчез в глубине комнаты.

Прошло еще полчаса. Бригадир Роман, стоя на карнизе цокольного этажа, ловил и складывал под ногами мешочки с цементом, которые ему кидали снизу. Значит, лебедку эти работнички уже сломали, догадался я.

Мне надоело сидеть в своей засаде. Лембит Лехтине, по всей видимости, сегодня не осчастливит меня своим письмом.

От скуки я стал отжиматься от камней, не упуская из виду гостиницу. Когда несколько капель пота сорвались с кончика носа и упали на камни, к гостинице подъехала желтая колымага Виктора. Чтобы лучше видеть, я встал на одно колено и взялся рукой за ветку терновника.

Виктор вылез из машины, хозяйской поступью обошел вокруг, постучал носком ботинка по колесу и вразвалочку подошел к калитке. Если зайдет — сразу за ним! — приказал я себе.

Он позвонил. Дверь открыл кто-то из рабочих, кажется, Доходяга. Но Виктор заходить не стал, что-то сказал, махнул рукой, показывая на окна Браза, и вернулся к машине.

Через минуту вышел режиссер с папочкой под мышкой, и сел с ним рядом. Мотор затрещал, выхлопные газы смешались с пылью, закрывая сцену триумфального отъезда режиссера Касьяна Браза на съемочную площадку.

На сегодня все, мысленно сказал я себе и пошел к гостинице. Посвистывая, взбежал на этаж, подошел к двери резервации и, не успев достать из кармана ключ, замер на месте, глядя на дверную ручку. Скрученный в трубочку, между ручкой и дверью торчал почтовый конверт. Я выдернул его, не веря, что меня так ловко обвели вокруг пальца, и прочитал свою фамилию, отпечатанную все тем же струйным принтером.

«Дорогой друг! Спешу вас предупредить, что на продажу, помимо колпака, я выставляю другую немаловажную вещь, забытую вами по невнимательности в каком-то гадком сарае — автомобиль «ВАЗ» шестой модели под номером 54-27 КРД вишневого цвета со всеми вашими отпечатками пальцев (на руле и рычаге переключения передач). Правда, она битая (немного помят передок, разбита правая фара и радиатор выпачкан в чем-то красном да налипла к нему не то шерсть, не то волосы), но за этот дефект я сбрасываю цену. В итоге она становится просто смехотворной, почти символической — 300 000 долларов США. Если у вас в настоящее время нет наличной валюты, я готов взять антикварным золотом.

Завтра в 23.00 вы должны курсировать на своем автомобиле с включенным в салоне светом по перевалу между Морским и Рыбачьим до тех пор, пока не встретите легковой автомобиль, который подаст вам сигнал фарами — два коротких и один длинный. Остановившись на обочине, вы должны ждать, когда к вам подойдет мой курьер. В обмен на деньги он отдаст вам ключи от машины и колпак, а также скажет, где «ВАЗ» в данный момент находится.

Если вы не приедете к месту встречи, то товар я продам полиции — они все оторвут с руками. Крепко обнимаю и целую! Ваш N».

ГЛАВА 19

У меня не было четких аргументов в пользу Браза, и все же я отмел его без всяких колебаний. Я привык доверять своей интуиции, а она говорила, что к вымогательству Браза не имеет никакого отношения. Режиссер, снявший несколько неплохих фильмов, не стал бы идти ва-банк ради картины, которую сам же назвал бездарной.

Я располагал уже немалым количеством фактов, но пока крутил их в руках, как ребенок детали конструктора «Лего», не зная, что к чему надо присоединять, чтобы получилась завершенная фигура. В чем я должен был разобраться, так это в том, какие факты имеют отношение к шантажу, а какие нет. «Чужие детали» могли увести меня на ложный путь и запутать окончательно.

Например, убийство Кучера. Кому он мешал? Совпадение это или закономерность, что непосредственно перед убийством с ним встречалась Инга?

А странный набор в холодильнике Лебединской? С кем она распивала водку? Кто курил сигареты с фильтром у нее на кухне? Можно предположить, что накануне убийства, вечером, к ней пришел Лембит и снова стал уговаривать продать ему золотые монеты. Лебединская отказала, эстонец настаивал. Они выпили водки (как все-таки это не похоже на тетю Шуру!), после чего Лембит ушел ни с чем, а на следующий день толкнул ее под колеса «шестерки», а затем обыскал ее квартиру. Но как объяснить, что Лебединская утром не убрала со стола рюмки, тарелки? И тем более странно, что такую серьезную улику, как рюмка с отпечатками пальцев, оставил Лембит!

Зачем заходил в квартиру Лебединской Виктор? О какой тайне он бормотал?..

Я крутил «детали» и все никак не мог что-нибудь из них сложить. В конце концов, я понял, что, если буду разгадывать этот бесконечный «вопросник», мой дедуктивный поиск вымогателя продлится до бесконечности. Пришлось остановиться на хлопотном, но проверенном способе, который раньше всегда меня выручал: выбирать наиболее одиозные фигуры и с помощью слезки и кулаков выжимать из них все, что только возможно.

Я обозлился на себя и на весь мир и пошел напролом.

Гостиницу, в которой остановился продюсер Черновский, я отгадал с первого раза. Лучшие апартаменты и сервис мог предложить только «Жемчуг», в рекламном буклете которого утверждалось, что этот отель с категорией «пять звезд» соответствует высочайшим европейским стандартам.

Вряд ли Черновский страдал болезненной скромностью и выбрал гостиницу подешевле. Я не ошибся, и девушка из справочной службы «Жемчуга», куда я позвонил, подтвердила, что Илья Черновский действительно у них проживает.

— А вы не можете сказать, он сейчас у себя? — спросил я.

— Нет, не могу, — ответила девушка и положила трубку.

Конечно, подумал я, отключая телефон, станешь ты задарма раздавать такую ценную информацию.

Я открыл бар, взял бутылку шампанского, положил ее в пакет и спустился этажом ниже. Инга еще не выходила из своего номера, дверь ее была заперта изнутри. Как и положено актрисе, она вела богемный образ жизни, то есть гуляла до глубокой ночи и спала до обеда. Черновский, однако, не слишком допускает ее к своему телу, подумал я, спускаясь в гараж. Во всяком случае, Инга еще ни разу не ночевала у него.

За несколько минут я доехал до «Жемчуга», поставил машину на гостевой стоянке, напротив главного входа, и зашел в вестибюль. Дежурный администратор охотно обменяла на шампанское информацию о Черновском.

— Да, он у себя. Не выходил.

Я вернулся в машину и, скрытый темными тонированными стеклами, принялся ждать, надеясь, что смогу узнать продюсера, даже если он появится без своей шикарной белой шляпы и костюма.

Через полчаса я понял, что допустил серьезную ошибку, поставив свой джип на самом видном месте. По тротуарной плитке, цокая каблучками, прошла Инга в роскошном красном платье с оголенной спиной. Она не могла не заметить мою машину, так как шла прямо на нее, но не подала виду, а, свернув к главному входу, исчезла за стеклянными дверями.

Я выругался, завел мотор и отъехал за угол здания. Надо было предвидеть, что здесь в любой момент может появиться Инга, пенял я себе. Теперь задача многократно усложнилась. Если люди не хотят, чтобы за ними следили, то найдут много способов оторваться от любопытствующих.

Мне недолго пришлось «пасти» входные двери. Минут десять спустя Инга и Черновский вышли из гостиницы. Я мысленно посочувствовал продюсеру. Для тридцатиградусной жары он был излишне тепло одет. Вот что значит имидж! Белый костюм с жилеткой и пиджаком, широкополая шляпа, кидающая тень на лицо, черный шелковый платок на шее. Черновский широкими шагами пересекал гостевую стоянку и на ходу курил. Инга семенила чуть впереди него.

Если бы я знал наверняка, что Черновский — это и есть Лембит Лехтинен, он же автор писем, называющий себя N! С каким удовольствием я сбил бы его дурацкую шляпу на землю и прихлопнул ее ногой, как высохший

гриб-пылевик. Только до тех пор, пока шантажист находится в тени, пока действует инкогнито, он обладает силой и властью.

Черновский вытащил из кармана жилетки ключи, вытянул руку вперед. Белый японский «лексус» приветствовал хозяина коротким свистом. Продюсер и Инга сели в машину, и она, сверкнув узкими фарами, круто развернулась перед главным входом и помчалась по улице вверх.

Искусством слежки я не обладаю, тем более — железным терпением. Не таясь, без всякой конспирации, я внаглую помчался вслед за «лексусом», сел ему на хвост и добился того, чего, собственно, и добивался. Черновский свернул с центральной улицы, объехал квартал и вернулся на прежний маршрут. Убедившись, что я не отстаю, он на малом ходу повторил круг. Затем еще раз. Потом еще.

Игра становилась однообразной и утомительной. Черновский наглядно показывал, что обладает достаточным терпением и готов кружить по одним и тем же улицам бесконечно долго.

Называя себя непечатными словами, я остановился и проводил глазами удаляющуюся в сторону Феодосийского шоссе белую машину. Прогрывать я не умел, ради спасения тщеславия готов был на самую безумную затею, поэтому, развернувшись, помчал на стадион. Через открытые ворота выехал прямо на поле, аккуратно объехал стоящие на нем дельта-планы, затем по беговой дорожке домчался до вагончика, разрисованного птицами и облаками, затормозил, выскочил из машины и постучал в окошко, закрытое фанерой.

Пока за фанерой кто-то чертыхался, звякал тарелками и ложками, я прочитал рекламное объявление: «ПОЛЕТ НАД ГНЕЗДОМ КУКУШКИ! А также над крепостью и новосветскими бухтами. Лица, моложе 16 лет, а также пьяные, страдающие сердечно-сосудистыми заболеваниями и слабоумные к полету не допускаются».

Ни под одну категорию не попадаю, подумал я и снова постучал по фанере.

— Обед! — крикнул кто-то.

Я подошел к двери вагончика и заглянул внутрь. Вокруг ящика из-под черешни, прямо на полу, сидели трое парней. Каждый держал в руках по банке консервов и гремел в ней ложкой. На меня уставились три пары глаз.

— Кто пилот? — спросил я.

Один из парней старательно оближал ложку и, не поднимая глаз, ответил:

— Ну, я. Что надо?

— Сколько тебе заплатить, чтобы ты пообедал в воздухе? — спросил я, вытаскивая баксы.

— У-у-у! — протянул другой, сплющивая опустошенную банку между ладоней. — Это высший пилотаж — обедать в воздухе. Денег не хватит.

— Я бы с радостью, — ответил пилот, — да бензина нет.

— Девяносто восьмой пойдет?

— А чего ты так торопишься? — удивленно посмотрел на меня пилот.

— За машиной проследить надо.

Парни переглянулись. Похоже, никто еще не обращался к ним с подобной просьбой.

— Угнали, что ли? — спросил один из них.

— Баба моя с каким-то мужиком укатила. Я кинулся за ними на джипе, так они по улицам петлять стали, потом оторвались и погнали на Феодосийское шоссе.

— Давно?

— Минут пять-семь назад.

— Это ерунда! — махнул рукой третий парень, сытно рыгнул и прикурил сигарету. — Догонишь. Дельтаплан — все равно, что истребитель... Сколько бабок дашь?

— А сколько надо?

— А сколько не жалко?

Я протянул сто долларов. Парень взял их, кивнул и сказал пилоту:

— Помоги человеку, Ник! Только не фокусничай, как в прошлый раз.

Пилот встал, вытер губы полотенцем и кинул его на ящик.

— Шланг есть? — спросил он меня. — Тогда подгоняй машину к оранжевому аппарату. Заправимся и полетим.

Техник, демонстрировавший свою силу на консервной банке, пошел вместе со мной. Когда он свинтил крышку с пластикового бачка, расположенного под сиденьем пилота, и сунул в бензобак джипа резиновый шланг, я спросил его:

— А как ваш пилот фокусничал в прошлый раз?

Техник отсосал из шланга бензин, сплюнул и неохотно ответил:

— На крышу автобуса сел.

— На «лексус» он не сядет, — серьезно произнес я, — у того крыша слишком маленькая.

— Если захочет — сядет, — убедительно ответил техник, тонкой струей сливая бензин. — На одно колесо.

— Готов? — спросил пилот, подходя к нам.

— Бензина минут на двадцать, не больше, — предупредил техник.

— Садись, — кивнул Ник на маленькое каплевидное сиденье. — И не забудь пристегнуться... Запускай!

Я пригнулся, зашел под крыло, сел, отчего тонкая конструкция дельтаплана скрипнула и слегка прогнулась, и завязал узлом на поясе два обрыва ремня. Ник устроился рядом, расставил ноги так, что ручка управления оказалась между коленями. Пропеллер за нашими спинами затрещал, Ник добавил оборотов, дельтаплан задрожал и тронулся с места. Колеса, утопая в траве, вращались все быстрее, ударялись о кочки, подпрыгивали, словно сгорая от нетерпения оторваться от земли. Крыло над нашими головами вибрировало, прогибалось по краям, струны-растяжки звенели от напряжения. Я схватился за опору. Аппарат трясло, как старую телегу, спущенную с обрыва. Мы проскочили середину поля; скорость продолжала нарастать, зрительские трибуны надвигались на нас с угрожающей быстротой, и в тот момент, когда я уже потерял надежду на взлет, колеса в последний раз ударились о землю, аппарат подпрыгнул, накренился влево, едва не чиркнув крылом о траву, и стал медленно набирать высоту. Скамейки трибун мелькнули под нами, плетями свистнули под ногами ветки дерева, замелькали, сменяя друг друга, забор из рабицы, пешеходная дорожка, сдавленная по бокам строем кипарисов, снова забор, зонтики кафе, набережная, и, словно занавес в театре, все это вытеснило синее полотно моря.

Ник кинул аппарат в какой-то головокружительный вираж, и я, задыхаясь от тугого ветра, почувствовал под собой пустоту. Он то прибавлял оборотов, то убирал газ едва ли не до ноля, мотор выл, скулил, как раненый зверь, и аппарат кидался то вниз, то вверх, заставив меня вспомнить о недавнем плотном завтраке.

Мы парили над центральной улицей города, и я, испытывая легкую зависть к тем, кто был внизу и топтал земную твердь, всматривался в мутный горизонт, надеясь различить тонкую змейку шоссе и белую машину, бегущую по нему. Ник снова заложил вираж, снова оглянулся, покачал головой и нахмурил лоб. Я не пытался вникнуть в суть его пилотских проблем, мне хватало того, что стульчик подо мной начал как-то странно шататься из стороны в сторону, словно развинтился болт, которым он был прикреплен к раме.

Под нами проплыл рынок, автовокзал, развилка, справа туманным частоколом надвигался скальный массив.

— Слышишь? — заорал Ник, кивая на мотор.

— Слышу! — крикнул я в ответ. — Работает!

— Подсасывает воздух! Может заглохнуть!

Он снова стал смотреть по сторонам, не обращая внимания на то, что мы влобовую неслись на скалы.

— Все понятно! — постучал я пальцем по его плечу. — А мне что делать?

— Сиди пока!

— Хорошо! — кивнул я.

Когда мы подлетели к скалам настолько близко, что я уже различал серые пятна мха, Ник взял ручку на себя, увеличил обороты, и аппарат с трудом перепрыгнул каменный пик, едва не задев колесами его макушку.

Под нами зеленым ковром стелился лес. Я потерял ориентацию и плохо представлял, какое место мы сейчас пролетаем. Ника, кажется, меньше всего сейчас волновал наш курс. Он продолжал дурачиться, хотя это было уже не смешно.

— Подержи ручку! — крикнул он. — Я проверю шланги!

Я думал, что его юмор на этой просьбе и закончится, но пилот начал медленно привставать с сиденья и поворачиваться к мотору лицом. Понимая, что он вот-вот отпустит ручку управления, я перехватил ее и тотчас почувствовал, как аппарат качнулся, отреагировав на мою руку.

— Куда ее дергать?! — спросил я, замечая, что между нами и верхушками деревьев не такое уж большое расстояние.

— Не надо ее дергать! — рассерженно ответил Ник. — Ровно держи!

Перебирая руками, он встал на сиденье коленями, прижался животом к спинке, перегнулся через нее и стал хвататься за резиновые трубки, дергать их, проверять на прочность хомуты и клеммы. Мотор действительно стал трещать как-то странно, тембр звука менялся, плыл, аппарат дрожал, а крыло вибрировало и прогибалось так сильно, что я стал опасаться, как бы оно не сорвалось и не треснуло Ника по голове. Увлеченный нашим полетом, я не заметил, что аппарат все больше и больше заваливается набок. Я хотел спросить у Ника, что в этом случае желательно предпринять, но он продолжал сосредоточенно заниматься своим делом. Логика подсказывала мне, если аппарат заваливается на левый бок, то ручку надо сдвинуть вправо. Привыкший к динамике автомобиля, я сдвинул ручку слишком сильно. Чувствительный аппарат повел своим крылом, и, выполнив какой-то невероятный трюк, дельтаплан загрузил и опустил свое крыло вниз. Деревья понеслись на нас с ужасающей скоростью.

— Держи шланг! — заорал мне Ник. — Лезь сюда и зажми его, чтобы не подсасывал!..

Раньше я относился к летчикам с трепетом и благоговением, наивно полагая, что всякий пилот регулярно проходит медицинский контроль на предмет слабоумия, о котором упоминалось на рекламном плакате. Теперь у меня сложилось иное мнение.

— А ручку чем я буду держать?!

Ник выругался на малопонятном мне летном жаргоне, сполз на свое рабочее место, выровнял аппарат, который уже чиркнул колесами по

макушке бука, и, увеличив подачу топлива до форсажного режима, погнал нашу «ласточку» вверх.

Мотор начал чихать. Ник повернул в мою сторону почерневшее лицо и хрипло заорал:

— Шланг на патрубке зажми, камикадзе!!

Пришлось мне лезть к мотору. Этот трюк здорово щекотал нервы и немного напоминал катание на цеповой карусели, когда тебя несет по крутой дуге, а ты еще вращаешься вокруг своей оси, и все смешивается в один коктейль: ветер, мелькающие верхушки веревьев, надрывно гудящий пропеллер, скалы, обрывы и изумрудно-синее небо.

Обхватив спинку сиденья руками, прижавшись к ней грудью, я свесился над мотором, дрожащим и орущим, словно он был в агонии, и попытался отыскать этот самый шланг. Аппарат болтался, словно лодка на шаловливой волне. Я на всякий случай обхватил сиденье ногами, как бока коня и, ухватившись рукой за короткий шланг, крикнул:

— Этот?

— Что?! — не расслышал вопроса Ник.

— Где твой шланг, черт тебя подери?!

— Черненький такой!

Шланг, который я держал, был черненький, и я попытался поглубже насадить его на патрубок. Наверное, я плохо рассчитал силу, и шланг, полностью заглотив патрубок, соскочил с другого конца. Я увидел, как из медного наконечника брызнула маслянистая жидкость. И в этот самый момент через узкую щель между спинкой сиденья и кожухом двигателя, прямо под собой, я заметил витиеватую дорогу, разрывающую плотный ковер леса. По ней неслись белый «лексус».

— Эй! — заорал я, поворачиваясь к Нику. — Она под нами! Давай за ней!

— Кто? — не понял Ник.

— Машина!.. Вот она! Правее бери!

— Да пошел ты! — огрызнулся он и, увидев в моей руке черный шланг, аж изменился в лице: — Ты что?! Взбесился?! Поставь его на место, покойник!

— Я поставлю! — орал я. — Ты за машиной следи!

— За какой еще машиной!? — в тон мотору выли Ник. — Место для могилы подыскивай!

Мотор гудел все слабее, лопасти вращались толчками, аппарат дергался, словно его тащили на буксирном тросе.

Я снова полез к мотору, от которого нестерпимо пахло жженым металлом и бензином, прицелился к патрубку, из которого, как из тюрбика с зуб-

ной пастой, все еще вытекало густое масло, надел на него шланг и тут почувствовал, как Ник ударил меня кулаком по почкам и выкрикнул:

— Прыгаем!

Я подумал, что это специальный летный термин, который означал, к примеру, какой-то особый, толчкообразный режим полета, и в ответ кивнул головой:

— Давай!

Заметно снижаясь, аппарат парил рядом со скальной стеной, обросшей карликовой сосной, и тень от него скользила по камням. Дорогу и «лексус» я потерял из поля зрения и, ухватившись за растяжку, уже без надежды смотрел вниз. Ник вел себя странно, мне казалось, что он придает слишком большое значение сбоям в моторе. Он накренил аппарат, под нами проскочил скальный хребет, и я увидел, что лесной массив резко обрывается над морем.

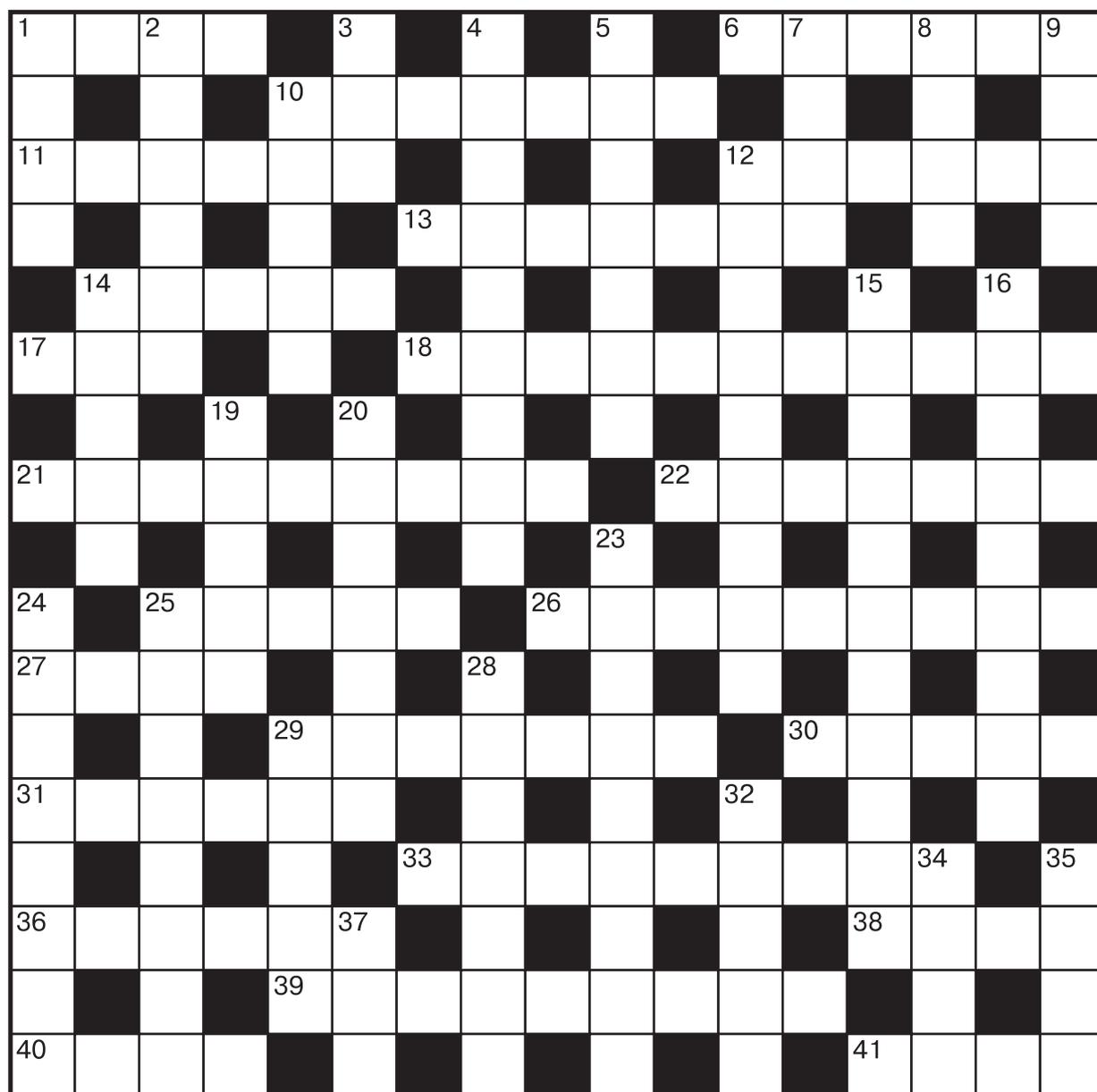
— Пошли! — крикнул Ник, когда аппарат полетел параллельно песчаному склону, снижаясь уже настолько быстро, что я ощущал легкость в животе.

— Куда? — уточнил я, но Ник, вместо того чтобы ответить, вдруг вывалился из сиденья, упал на песчаный склон, тотчас вскочил на ноги и большими прыжками побежал вниз.

Аппарат, освободившись от груза, завалился на правый бок, и я судорожно схватился за ручку, плавно сдвигая ее влево. Как раз в этот момент мотор издал какой-то неприятный металлический лязг и затих. Сбив колесами ветки деревьев, он бесшумно пролетел над обрывом, узкой полоской дикого пляжа и, завалившись набок, пропорол краем крыла большую покатую волну. От удара меня вышвырнуло из сиденья. Секунду я еще парил над водой в свободном полете, а затем с головой зарылся в волнах... □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Штурвал таксиста». **6.** «Виды на несбыточное будущее». **10.** Дегустатор искусства экрана. **11.** Кто зарабатывает репутацию благодаря знаменитостям, умершим под его наблюдением? **12.** «Древесная саранча». **13.** Гора для великого шабаша. **14.** Что портье постояльцу выдает? **17.** «Лаборатория» снайперов. **18.** Кто органы

вживляет? **21.** Самый южный из городов Нидерландов. **22.** Заведомо ложный вызов полиции. **25.** Кто сбежал из дома вместе с Тесеем и «золотым руном»? **26.** Врач, особенно настаивающий на том, что чистота — залог здоровья. **27.** Мальчишка совсем. **29.** «Трубит труба, идем на штурм рекорда, и затаил дыханье ...» **30.** «Природный котлован».

31. Кто принес «Оскар» Энтони Хопкинсу? **33.** С какого дня начинается новелла «Дары волхвов»? **36.** У какой звезды служил «мальчиком для битья» Жан-Клод Ван Дамм? **38.** Пшеница ... снижает нервную возбудимость. **39.** Отсрочка погашения долговых обязательств. **40.** Какой парламент легко отыскать среди притоков Десны? **41.** Где Ване из стихотворения «Большой карман» Самуила Маршака к обеду дали два блина?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Находка геолога». **2.** Кто превращает студентку в «спящих красавиц»? **3.** «Отходная вечеринка» царя Валтасара. **4.** Воровское прозвище. **5.** «Любимый зритель» Джима Кэрри. **7.** «Давайте чертыхаться, пока есть время, в раю нам не позволят» (писатель). **8.** Какого зверя напоминала планировка древнего города Куско? **9.** «Прогулочный катер» миллионера. **10.** «Кто захочет, тот и в молоке ... найдет». **12.** Обо что поранила себе крыло ласточка из сказки «Дюймовочка»? **14.** За кого

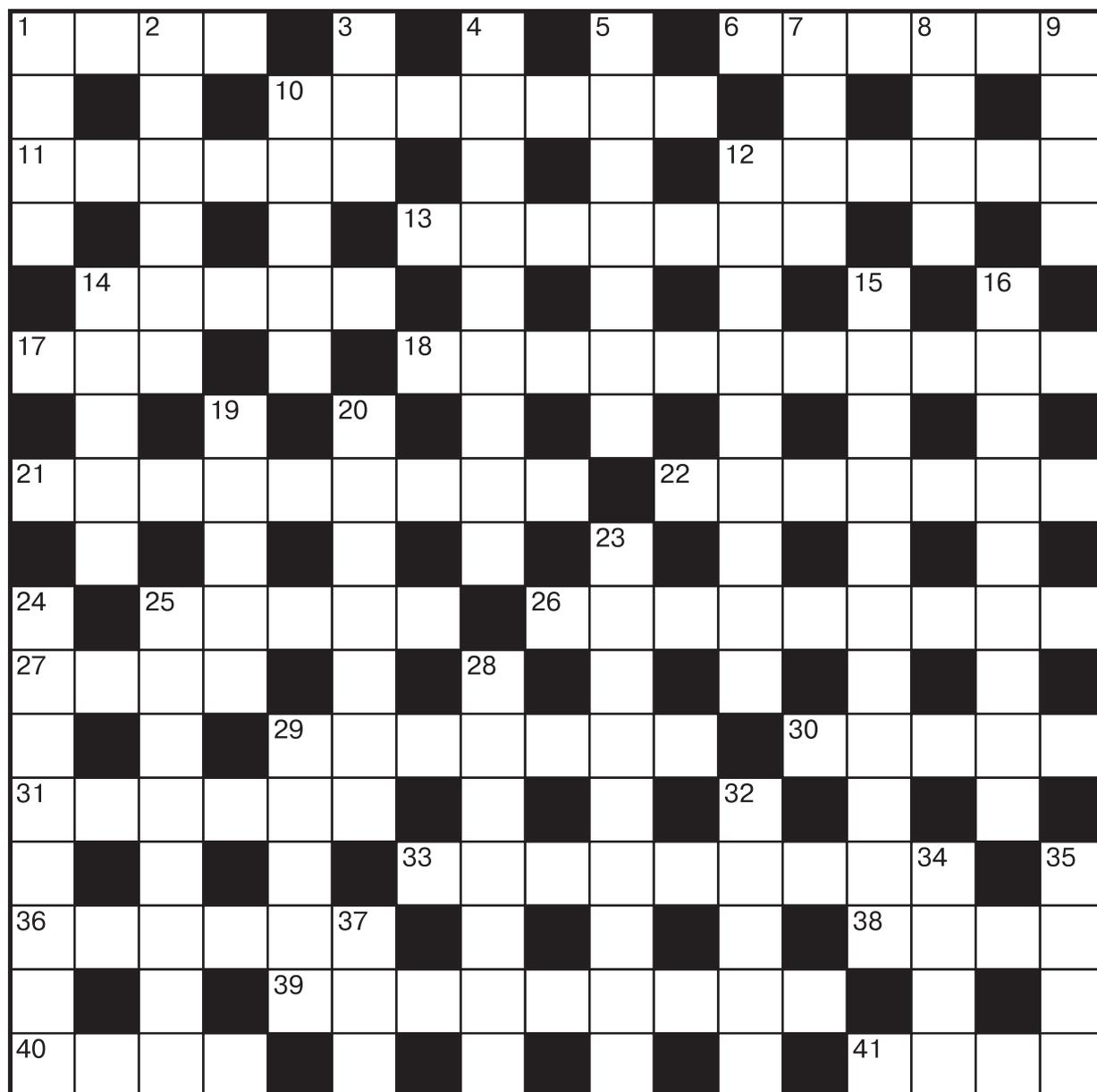
спел Михаил Боярский в мультфильме «Голубой щенок»? **15.** «Диспетчер спектакля». **16.** Поставщик меха для царских порфир. **19.** Кто с ответчиками судится? **20.** Какой музыкальный коллектив «работает из-под палки»? **23.** Самый старый из дошедших до нас сборников анекдотов. **24.** Чьи картины в каунасском музее смотрят под его же музыку? **25.** Какой бог украшал австрийские марки, которыми оплачивали доставку газет? **28.** Кого во Франции конца XVIII века называли «голосом народа»? **29.** Единственный сын султана Сулеймана Великолепного, кто пережил отца. **32.** С каким брендом Стивен Кинг связал тему «разумных автомобилей»? **34.** Какая эстрадная певица всегда снимала отдельный номер в отеле для любимой болонки Текилы? **35.** Гениальный художник, чей голос в качестве звукового оформления звучит в парижском музее его скульптур на Монмартре. **37.** «Когда гигантский ... бьет хвостом», то в Японии начинается землетрясение.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Почта. **9.** Раствор. **10.** Масло. **11.** Попса. **12.** Рандеву. **13.** Гиена. **14.** Гораций. **16.** Домосед. **19.** Пион. **21.** Секрет. **23.** Хитон. **24.** Лукиан. **25.** Сердце. **26.** Клоун. **27.** Охота. **29.** Чудо. **31.** Исполнин. **33.** Сатурн. **34.** Такси. **35.** Сироп. **37.** Нитрат. **39.** Чаевые. **40.** Кукушка. **41.** Звон. **42.** Горечь.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Сахар. **2.** Стадион. **3.** Соавтор. **5.** Огород. **6.** Тасман. **7.** Радий. **8.** Бланк. **13.** Гиеней. **14.** Гениалиссимус. **15.** Шпиль. **16.** Донкихотство. **17.** Предчувствие. **18.** Оттенок. **20.** Посудомойка. **22.** Пастернак. **28.** Хит. **30.** Ксендз. **32.** «Начало». **36.** Лен. **38.** Туз.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Танец кружащихся дервишей. **6.** Американский бегун, сыгравший в кино Тарзана. **10.** «Священная повязка» из тайского бокса. **11.** Граффити на холсте. **12.** В какую вуаль египтяне укутывали мумии фараонов? **13.** Легендарный богач, сделавший первый миллион на сигарах. **14.** Какой английский питомник сыграл решающую

роль в распространении собак породы чау-чау среди европейцев? **17.** Последняя императорская династия Китая. **18.** «Звездный» минерал. **21.** Биологический статус героя фильма «Восхождение Юпитер». **22.** Швед, сыгравший Фридриха Ницше. **25.** Страшилище у греков, чтобы детей пугать. **26.** Испанский налог на торговые сделки в давние

времена. **27.** Бекас из тундры. **29.** Сеть для ловли пушных зверей. **30.** Первый из списка лучших романов на английском языке XX века. **31.** Серийное транспортное средство, собранное согласно требованиям покупателя. **33.** Кто возглавлял Третьяковку в тот момент, когда некий Абрам Балашов порезал полотно Ильи Репина? **36.** Французский соус к яйцам. **38.** Как зовут мать Умы Турман? **39.** Помощники тореадора. **40.** Русский кафтан. **41.** «Чешский соловей».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кто написал книгу о человеке, который принял жеману за шляпу? **2.** Испанская шаль для исполнения фламенко. **3.** Какой богине греки посвятили цветок крокуса? **4.** Самый северный народ Евразии. **5.** Парк с памятным знаком Парижского меридиана. **7.** Американский посол в Великобритании, который купил замок с Кентервильским привидением. **8.** Первый астронавт, совершивший семь космических путешествий. **9.** Как ласково назы-

вал свою юную жену Эдгар По? **10.** Черный карп для японцев. **12.** В какой науке отличился Луиджи Гальвани? **14.** Генерал, чьи перипетии легли в основу рассказа «Игра судьбы» Фридриха Шиллера. **15.** Месяц афинского календаря. **16.** Машина для постановки рук у начинающих пианистов. **19.** Самое необычное средство для снижения холестерина. **20.** Какой из символов Брюсселя достался городу от Всемирной выставки 1958 года? **23.** Какую математическую задачу старик Синицкий отнес в журнал «Молодежные ведомости»? **24.** Академик, разработавший противоминную защиту кораблей. **25.** Дизайнер коктейлей. **28.** Повод для пупка развязаться. **29.** Скала полярного пейзажа. **32.** «Земной мир» у мусульман. **34.** Калым на Руси. **35.** Основатель премии «Небьюла». **37.** Он похож на «синеглазого ирландско-иудейского следопыта из племени могикан, который испустил дух в твоих объятиях у рулетки в Монте-Карло» (герой Джерома Сэлинджера).

Ответы на эрудит, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Фурри. **9.** Финифть. **10.** «Интел». **11.** Чакка. **12.** Седжвик. **13.** Зитон. **14.** Погодин. **16.** Редовак. **19.** Зрак. **21.** Авеста. **23.** «Идиот». **24.** Нажива. **25.** Урсхох. **26.** Строк. **27.** Лхаса. **29.** Цмин. **31.** Экмоллин. **33.** Ерунок. **34.** Гайно. **35.** Самос. **37.** Андрон. **39.** Измена. **40.** Лавиния. **41.** Яшин. **42.** Гномон.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Фидер. **2.** Риджбек. **3.** Стрибог. **5.** Упадок. **6.** Рокфор. **7.** Яншин. **8.** Серов. **13.** Зигвард. **14.** Пандитократия. **15.** Цзянь. **16.** Раджахмундри. **17.** Психомантеум. **18.** Тархоня. **20.** Погонофобия. **22.** Хвостокол. **28.** Гиг. **30.** Чехайя. **32.** Нарзан. **36.** Ланн. **38.** Ная.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на текущие номера 2020 года через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 132 рубля 00 копеек	За 1 номер — 159 рублей 50 копеек
За полугодие — 792 рубля 00 копеек	За полугодие — 957 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

ПОЧТА РОССИИ

ОФОРМЛЯЙТЕ ПОДПИСКУ НЕ ВЫХОДЯ ИЗ ДОМА

на сайте podpiska.pochta.ru

в мобильном приложении Почты России

через почтальона

СМЕНА

номер: П2431 и П2446 - льготный

Мы заботимся о Вашей безопасности! Ваше здоровье – главный приоритет

Инструкция по оформлению подписки на печатную прессу через сайт PODPISKA.POCHTA.RU

1. Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:

- а. по индексу,
- б. по теме и профессиональным интересам,
- в. по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
- г. по алфавиту,
- д. по части названия,
- е. из списка самых популярных
- ф. по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).

2. Выберите способ доставки.

3. Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.

4. Выберите период подписки.

5. Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.

6. Оплатите заказ.

Инструкция по оформлению подписки онлайн через **МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ПОЧТЫ РОССИИ**

1. Зайдите в мобильное приложение Почты России.

2. В правом нижнем углу выберите раздел «Еще».

3. Нажмите на строчку «Подписка на журналы и газеты».

4. Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:

- а. по индексу,
- б. по теме и профессиональным интересам,
- в. по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
- г. по алфавиту,
- д. по части названия,
- е. из списка самых популярных
- ф. по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).

2. Выберите способ доставки.

3. Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.

4. Выберите период подписки.

5. Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.

6. Оплатите заказ.

ПОДПИСКА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется через ООО «УП УРАЛ-ПРЕСС»
+7(3652)51-02-35; +7-978-117-13-07; Эл. почта: e_bunina@ural-press.ru

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, **КОНКУРС!**

Дорогие читатели!

Сегодня проблема отцов и детей остается такой же актуальной, какой была еще в тургеневские времена. Наверное, в каждой семье бывают разногласия между детьми и родителями, которые порой пытаются навязать ребенку свое видение образа жизни.

А ведь рецепт очень прост: надо всего лишь проявлять больше внимания и терпения друг к другу и, конечно, в первую очередь, — просто любить...

Расскажите о своей семье, о своих благополучных — и не очень — детях, о проблемах, связанных с ними. И даже если вы, как говорится, живете «в унисон», наверное, вам есть что рассказать нам и читателям.

Вот мы и решили в 2020 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Отцы и дети».**

Тексты с пометкой «На конкурс»
принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 тысяч знаков)
в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru**
до 30 октября 2020 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2021 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

